

Эндрю Найдерман

Адвокат дьявола

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17195016

Найдерман, Эндрю. Адвокат дьявола: Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-87111-7

Аннотация

У Кевина Тейлора есть все: успех, молодость, талант, красавица-жена. Но Кевин хочет большего. Соблазнительное предложение работы в лучшей адвокатской конторе Нью-Йорка сулит новые перспективы: все, о чем мечтает Кевин, станет реальностью. При одном условии – если он станет защитником зла. Адвокатом дьявола.

Содержание

«На следующий день ребенка нашли в ванне мертвым»	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	76
Глава 9	86
Глава 10	95
Глава 11	105
Глава 12	115
Глава 13	125
Глава 14	134
Глава 15	141
Эпилог	148

Эндрю Найдерман

Адвокат дьявола

*Посвящается Аните Диамант
Очень стильной леди*

Andrew Neiderman

The Devil's Advocate

Copyright © 1990 by Andrew Neiderman

Originally published by Pocket Books, a division of Simon&Schuster, Inc.

© Новикова Т.О. перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

«На следующий день ребенка нашли в ванне мертвым»

– Боже правый!

– Вы с нами уже достаточно долго, Кевин, – заметил мистер Милтон. – Пора бы уже и перестать произносить нечто подобное... – Кевин смутился. – Вас не должно удивлять то, что в мире так много боли и страданий. А Иисусу, похоже, нет до этого дела, – продолжал мистер Милтон.

– Но я не понимаю, как вам удалось к этому привыкнуть...

– Вам придется – иначе будет сложно справляться со своей работой.

Мистер Милтон подтолкнул Дейву папку, и тот передал ее Кевину. Кевину страшно хотелось приступить к какому-нибудь сложному делу, но почему-то он почувствовал холодок в спине. Все смотрели на него, и он просто улыбнулся.

– Это будет замечательное дело, Кевин, – улыбнулся мистер Милтон. – Настоящее боевое крещение. Такой путь прошли все присутствующие – и погляди на них сегодня...

Кевин обвел взглядом кабинет. Все смотрели на него. Все были яркими, энергичными, полными сил. Кевину показалось, что он попал не в юридическую фирму, а стал членом некоего братства, братства по крови...

Пролог

Ричард Джеффи торопливо спускался по лестнице здания нью-йоркского суда. Почему-то он более напоминал адвоката, только что проигравшего дело, а вовсе не одержавшего блестящую победу. Он почти что бежал, и пряди тонких иссиня-черных волос метались в такт его шагам. Прохожие не обращали на него внимания. В Нью-Йорке все спешат – кто-то опаздывает на поезд, кто-то торопится поймать такси, а кто-то хочет успеть перебежать дорогу, пока не переключился сигнал светофора. Часто люди просто несутся по артериям Манхэттена, подчиняясь некоему импульсу невидимого, но вездесущего гигантского сердца, заставляющего город пульсировать в темпе, недоступном ни одному другому городу мира.

Клиент Джеффи, Роберт Фанди, остался позади. Репортеры облепили его с бессмысленной энергией рабочих пчел. Всех их интересовало одно: что думает владелец крупнейшей частной водопроводной компании в Нижнем Ист-Сайде о том, что его освободили от всех обвинений в вымогательстве? Не был ли суд политически ангажированным – ведь ходили слухи об участии Фанди в президентской гонке? Почему главный свидетель обвинения не сказал на суде того, что говорил в ходе следствия?

– Дамы... Господа... – Фанди вытащил из верхнего кармана пиджака кубинскую сигару. Репортеры замерли, ожидая, пока он ее раскурит. Фанди посмотрел на них и широко улыбнулся. – Все вопросы, пожалуйста, к моему адвокату. За это я ему и плачу.

Фанди рассмеялся.

Свора репортеров, словно посаженная на один поводок, повернулась к Ричарду как раз в тот момент, когда он уже садился в лимузин юридической фирмы «Джон Милтон и партнеры». Самый молодой и рьяный репортер метнулся вниз по лестнице, выкрикивая:

– Мистер Джеффи! Мистер Джеффи! Минуточку, пожалуйста!

Дверца лимузина захлопнулась, водитель обогнул машину и уселся за руль. Небольшая группа судебных репортеров разразилась хохотом при виде незадачи, постигшей их коллегу. Лимузин тронулся.

Ричард Джеффи откинулся назад, напряженно глядя перед собой.

– В офис, сэр? – спросил шофер.

– Нет, Харон. Домой, пожалуйста.

Высокий египтянин с оливковой кожей и миндалевидными глазами смотрел в зеркало заднего вида, словно в хрустальный шар. Он прищурился, и на безупречно гладком лице в уголках глаз появились морщинки. Водитель почти незаметно кивнул, подтверждая, что понял хозяина.

– Очень хорошо, сэр.

Харон откинулся на спинку и повел машину со стоическим видом помощника гробовщика, ведущего катафалк.

Ричард Джеффи не пошевелился. Он словно замер на сиденье роскошного лимузина, глядя прямо перед собой. Казалось, что 33-летний адвокат старится с каждой минутой. Лицо побледнело, светло-голубые глаза стали тускло-серыми, на лбу прорезались морщины. Он поднес руки к щекам и осторожно похлопал по ним, словно чтобы убедиться, что их еще не тронуло разложение.

Наконец он погрузился в спинку кресла и закрыл глаза. И почти сразу же он увидел Глорию – какой она была до переезда на Манхэттен. Он увидел ее такой, как в день их первой встречи – яркой, невинной, искрящейся весельем, но в то же время очень нежной. И очень доверчивой. Ее оптимизм и вера были такими освежающими. Она наполняла его силой. Рядом с ней он испытывал острое желание дать ей все, работать изо всех сил, лишь

бы сделать мир таким нежным и счастливым, каким видела его она. Ему хотелось защищать ее и заботиться о ней, пока смерть не разлучит их.

Однако смерть разлучила их очень быстро... Это произошло меньше месяца назад, в родильной палате манхэттенской мемориальной больницы. А ведь за ней ухаживали лучшие врачи, и беременность протекала абсолютно нормально... Глория родила прекрасного сына, красивого, здорового, крепкого. Но родов она не пережила. Врачи не понимали, что произошло. Ему сказали, что у нее просто остановилось сердце – казалось, что оно поморщилось, вздохнуло и перестало биться навсегда.

Ричард знал, почему умерла Глория. Его подозрения подтвердились, и теперь он винил во всем только себя. Ведь это он привез Глорию сюда. Она доверяла ему, а он привез ее сюда, словно агнца на заклание.

Теперь его сын мирно спал в их квартире, жадно сосал молоко и рос совершенно нормально, не сознавая, что он вошел в этот мир без матери, которой пришлось умереть, чтобы он мог жить. Ричард понимал, что психологи сочли бы его чувства совершенно нормальными: в такой ситуации любой винил бы ребенка... Но психологам было неизвестно... Они просто не знали...

Конечно, ненавидеть младенца – трудно, просто невыносимо. Он был таким беспомощным и таким невинным. Ричард пытался убедить себя – сначала взывая к логике, потом к памяти Глории. Ее искрящееся жизнелюбие должно было помочь ему вновь обрести смысл жизни и рассудок.

И все же ничего не помогало. Он поручил ребенка няне и почти не интересовался им, лишь изредка заходя взглянуть на малыша. Ричард никогда не спрашивал, почему его сын плачет, не спрашивал о его здоровье. Он просто с головой ушел в работу, чтобы на другие мысли не оставалось времени. Работа поглотила его, и он старался не вспоминать ни о чем – иначе чувство вины просто сожрало бы его.

Работа стала плотиной, сдерживающей его личную трагедию. Однако сейчас, в лимузине, страдание обрушилось на него воспоминаниями об улыбках Глории, ее поцелуях, ее восторге, когда она узнала о беременности. Глаза Ричарда были закрыты, но он видел череду кадров из их жизни. Казалось, он смотрит семейный фильм в собственной гостиной.

– Приехали, сэр, – произнес Харон.

Приехали? Ричард открыл глаза. Харон уже открыл дверцу и стоял, ожидая, когда он выйдет. Ричард прижал к себе кейс, вышел из лимузина и посмотрел на водителя. Почти двухметровый гигант был на голову выше Ричарда, а широкие плечи и пронизывающий взгляд делали его еще выше. Он казался настоящим великаном.

Какое-то время Ричард смотрел на него. В глазах Харона он прочел странное понимание. Водитель не отличался разговорчивостью, но прекрасно понимал, что происходит вокруг него. Казалось, что он живет на этой Земле уже много веков.

Ричард молча кивнул, Харон закрыл дверцу, вернулся за руль. Ричард проводил лимузин взглядом, повернулся и вошел в дом. Отставной нью-йоркский полицейский Филипп, служивший дневным охранником, оторвался от газеты и вскочил:

– Поздравляю, мистер Джеффи. Только что слышал новости. Приятно, наверное, выиграть еще одно дело?

– Спасибо, Филипп, – улыбнулся Ричард. – Все в порядке?

– Само собой, мистер Джеффи, – улыбнулся Филипп. – Как всегда. И не заметишь, как состаришься.

– Да уж, – кивнул Ричард, – да уж...

Он вошел в лифт и замер, дожидаясь, когда закроются двери. Поднимаясь на свой этаж, он прикрыл глаза и снова вспомнил, как они с Глорией впервые оказались в этом доме. Как она радовалась тогда... Она буквально визжала от счастья, когда они осматривали квартиру.

– Что я наделал? – пробормотал Ричард.

Двери лифта открылись, и он открыл глаза. Какое-то мгновение он стоял неподвижно, потом вышел из лифта и подошел к двери квартиры. Как только он закрыл за собой дверь, из детской вышла няня, миссис Лоншан.

– О, мистер Джеффи...

Няне было всего 50, но она выглядела как настоящая бабушка – совершенно седая, грузная, с теплыми карими глазами и пухлыми щеками.

– Поздравляю! Я только что видела новости! Ради них даже прервали сериал...

– Спасибо, миссис Лоншан.

– С тех пор как вы начали работать в компании мистера Милтона, вы не проиграли еще ни одного дела, верно?

– Да, миссис Лоншан. Я не проиграл ни одного дела.

– Наверное, вы очень гордитесь собой...

– Да...

– С Брэдом все хорошо, – сказала няня, хотя он ее об этом не спрашивал. Ричард кивнул в ответ. – Я собираюсь дать ему бутылочку.

– Занимайтесь своими делами, миссис Лоншан.

Няня улыбнулась и вернулась обратно в детскую.

Ричард поставил свой кейс, огляделся и медленно направился через гостиную в патио, откуда открывался прекрасный вид на реку Гудзон. Но он не стал любоваться видом. Он шел как человек, который точно знает, что делает. Ричард поднялся на кресло, поставил левую ногу на парапет и подтянулся, держась за кованые поручни. А потом одним решительным, ловким движением кинулся вперед, словно хватаясь за протянутую кем-то руку. Ричард Джеффи головой вниз полетел с пятнадцатого этажа.

Глава 1

Двадцативосьмилетний Кевин Тейлор оторвал взгляд от бумаг, разложенных на длинном темно-коричневом столе, и сделал паузу, словно о чем-то задумавшись перед перекрестным допросом свидетеля. Такие мелкие драматические жесты были для него совершенно естественными. В них сочеталось актерское искусство и тонкое понимание психологии. Драматичная пауза между вопросом и взглядом на документы всегда нервировала свидетеля. Сейчас Кевин пытался запугать директора начальной школы Филиппа Корнбле – худого, бледного, почти лысого мужчину 54 лет. Свидетель ерзал на стуле, сцепив руки перед собой и нетерпеливо перебирая пальцами. Кевин мельком взглянул на собравшихся в зале. Ему на ум пришла старая метафора: «Слышно, как муха пролетит». В зале царила напряженная тишина. Казалось, что все затаили дыхание. Неожиданно сквозь большие окна зала судебных заседаний Блисдейла хлынул солнечный свет, словно невидимый осветитель нажал на выключатель. Не хватало только крика режиссера: «Мотор!»

Зал заседаний был переполнен, но взор Кевина остановился на хорошо одетом, привлекательном мужчине в заднем ряду. На губах его играла теплая, гордая, почти отцовская улыбка. Однако мужчина был слишком молод, чтобы быть отцом Кевина – слегка за сорок. Его буквально окутывала атмосфера большого успеха. Кевин хорошо разбирался в стиле и сразу же узнал темно-серый костюм в полоску от Джорджо Армани. Он и сам тайком посматривал на этот костюм перед тем, как купить двубортный темно-синий из тонкой шерсти, выбранный для сегодняшнего заседания. Но его-то костюм был куплен на распродаже, за полцены.

Мужчина заметил взгляд Кевина и слегка кивнул ему.

Тишину в зале заседаний подчеркивали резкие покашливания – то там то сям. Судили Лоис Уилсон, 25-летнюю учительницу пятого класса. Ее обвиняли в сексуальных домогательствах к подросткам. Все произошло в небольшом городке Блисдейл, графство Нассау.

Блисдейл – своего рода спальный район: практически все его жители по утрам отправляются на работу в Нью-Йорк. Городок выглядит довольно провинциально и служит оазисом высшего среднего класса. Элегантные дома, ухоженные газоны и лужайки, чистые широкие улицы с красными кленами и дубами, довольно тихий деловой квартал... Никаких огромных торговых центров, переполненных покупателями магазинов, заправок, ресторанов и мотелей. Все вывески подчиняются строгим правилам. Ярким, кричащим цветам здесь не место, а огромные рекламные плакаты попросту под запретом.

Местным жителям всегда нравилось ощущать себя здесь словно в коконе. Они могли уезжать в Нью-Йорк и возвращаться по своему желанию, но, возвращаясь, они снова вели свое надежно защищенное существование Алисы в Зазеркалье. В Блисдейле не случилось ничего особенного. И жителей это вполне устраивало.

И вдруг одну из новых учительниц начальной школы, Лоис Уилсон, обвинили в сексуальных домогательствах к десятилетней девочке. В ходе расследования, проведенного в школе, обнаружилось еще три аналогичных случая. Имевшаяся информация и ходившие по округе слухи подтверждали, что Лоис Уилсон была лесбиянкой. Вместе со своей подругой, учительницей иностранного языка в соседней средней школе, они снимали домик на окраине Блисдейла. Ни одну из них ни разу не видели с мужчиной. У них просто не было никаких отношений с мужчинами.

Никто в фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер» не обрадовался тому, что Кевин взялся за это дело. Он сделал это по собственной инициативе – сам предложил свои услуги Лоис Уилсон, узнав о ее проблеме. Взявшись за дело, Кевин пригрозил уйти из фирмы, если кто-то из старших партнеров запретит ему участвовать в процессе. Фирма все больше его раздражала. Его

выводило из себя здешнее консервативное отношение к закону – он прекрасно представлял, какой будет его жизнь, если он тут задержится. Дело Лоис Уилсон стало первым по-настоящему драматическим процессом в его карьере. Кевину впервые представилась возможность продемонстрировать свое умение и профессиональные навыки. Он чувствовал себя, словно спортсмен, которому наконец-то удалось выйти на важные соревнования. Пока что это была не Олимпиада, но уж точно не турнир старшеклассников. Об этом деле уже писали нью-йоркские газеты.

Окружной прокурор Мартин Балм сразу же предложил Кевину сделку с правосудием, надеясь, что дело не выплеснется на страницы газет и не превратится в ненужную городу сенсацию. Главным его аргументом – и в этом он рассчитывал на понимание Кевина – была возможность не вызывать детей в зал заседаний и не заставлять их снова переживать этот ужас. Если Лоис признает свою вину, ей дадут пять лет условно и обяжут обратиться к психологу. Конечно, об учительской карьере придется забыть.

Однако Кевин посоветовал Лоис не идти на сделку, и она с ним согласилась. Теперь она сидела на скамье обвиняемых, скромно потупившись и сложив руки на коленях. Она вняла совету Кевина и теперь выглядела не высокомерной стервой, а страдающей, уязвленной женщиной. Время от времени она промокала глаза платочком.

Кевин заставил клиентку отрепетировать свое поведение. Он научил ее пристально смотреть на свидетелей и с надеждой на присяжных. Репетицию он записал на видео, а потом просмотрел запись вместе с Лоис. Он научил ее всему – как и на кого смотреть, как поправлять волосы, какую позу принять, какие делать жесты. Наступила эпоха видео: теперь важна мимика, позы и жесты.

Кевин мельком взглянул на свою жену. Мириам сидела в четырех рядах от него. Она показалась ему напряженной, и неудивительно – ведь она так беспокоилась за него. Мириам считала, что Сэнфорд Бойл прав и браться за это дело не следует. Но в этом процессе Кевин поставил на кон больше, чем в любом другом за три года работы. Он не мог говорить ни о чем ином. Он долгими часами репетировал, изучал материалы дела, работал по выходным. Он сделал многое сверх того, что полагалось за обещанный гонорар.

Кевин уверенно улыбнулся Мириам и резко развернулся, словно сработала невидимая пружина.

– Мистер Корнбле, вы лично побеседовали с тремя девочками во вторник 3 ноября?

– Да.

– О них сообщила вам предполагаемая первая жертва, Барбара Стэнли? – Кевин кивнул, подтверждая ответ, прежде чем свидетель успел ответить.

– Вы правы. Поэтому я пригласил их в свой кабинет.

– Можете ли вы сказать нам, что вы сказали им, когда они пришли?

– Извините? – Корнбле нахмурился. Вопрос показался ему странным.

– Какой вопрос вы задали девочкам первым? – Кевин сделал шаг к присяжным. – Может быть, вы спросили, не трогала ли мисс Уилсон их за ягодицы? Или вы спросили, не залезала ли она им под юбки?

– Конечно же нет!

– Хорошо, а что же тогда вы спросили?

– Я спросил их, действительно ли у них были проблемы, сходные с той, которая возникла у Барбары Стэнли с мисс Уилсон.

– Сходные проблемы? – Произнося слово «проблемы», Кевин поморщился.

– Да.

– Значит, Барбара Стэнли рассказала своим подружкам о том, что якобы с ней случилось, и три девочки признались в аналогичных «проблемах». Но ни одна из них прежде никому об этом не говорила. Так?

– Да. Я понял это именно так.

– Какая харизматичная десятилетняя девочка, – как бы про себя, но достаточно громко пробормотал Кевин. Некоторые присяжные удивленно подняли брови. Лысый мужчина, сидевший справа, задумчиво склонил голову и пристально посмотрел на директора школы.

Когда Кевин обернулся к залу, он заметил, что элегантный мужчина в заднем ряду улыбается еще шире и одобрительно кивает. «Не родственник ли это Лоис Уилсон? – подумал Кевин. – Может быть, старший брат?»

– А теперь, мистер Корнбле, расскажите, пожалуйста, суду, какие оценки Барбара Стэнли получала по предмету Лоис Уилсон.

– Самые невысокие.

– Самые невысокие... А были ли у нее какие-то проблемы с мисс Уилсон ранее?

– Да, – пробормотал директор школы.

– Извините?

– Да, были. Мисс Уилсон дважды отправляла Барбару в мой кабинет за то, что девочка отказывалась работать в классе и сквернословила, но...

– То есть вы хотите сказать, что Барбара изначально была не в восторге от мисс Уилсон?

– Протестую, ваша честь, – вскочил прокурор. – Адвокат подталкивает свидетеля к выводам.

– Принимается, – кивнул судья.

– Прошу прощения, ваша честь. – Кевин снова повернулся к свидетелю. – Мистер Корнбле, давайте вернемся к тем трем девочкам. В тот день вы предложили каждой из них рассказать о том, что произошло?

– Я подумал, что так будет лучше... Да.

– Не хотите ли вы сказать, что девочки рассказывали о своих проблемах в присутствии друг друга? – потрясенно и недоверчиво спросил Кевин.

– Именно так.

– Но разве это допустимо? Я имею в виду, разве можно было заставлять девочек рассказывать о таком... непристойном поведении...

– Но это же было расследование...

– Понимаю. Вам уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным?

– Нет, никогда. Вот почему это происшествие глубоко меня потрясло.

– Вы предупредили девочек о том, что у них могут возникнуть серьезные сложности, если они поднимут шум?

– Разумеется.

– Но вы им поверили, верно?

– Да.

– Почему?

– Потому что все они говорили одно и то же и описывали ситуацию одинаково.

Корнбле явно был доволен собой и своими ответами, но тут Кевин подошел ближе и приступил к самой ответственной части допроса. Он начал буквально обстреливать свидетеля короткими, отрывистыми вопросами.

– Вам не кажется, что девочки могли отрепетировать свои ответы?

– Что?

– Не могли ли они сговориться и выучить свои рассказы?

– Я не понимаю...

– Такое возможно?

– Ну...

– Вам никогда не доводилось сталкиваться с тем, что дети в таком возрасте могут лгать?

– Конечно, доводилось.

- И порой дети лгут коллективно?
- Да, но...
- Разве такое не случается?
- Полагаю, да.
- Вы полагаете?
- Ну...
- Вы вызвали мисс Уилсон в кабинет сразу же после разговора с девочками? Вы обсуждали с ней эту ситуацию?
- Да, конечно.
- И какова же была ее реакция?
- Она не отрицала этого.
- Вы хотите сказать, что она отказалась отвечать на подобные вопросы без присутствия адвоката, верно?
- Корнбле заерзал на своем месте.
- Я правильно понимаю? – настаивал Кевин.
- Она сказала именно так.
- Поэтому вы стали действовать, сообщили о ситуации руководителю школьного комитета, а затем известили окружного прокурора?
- Да. Мы действовали в соответствии с инструкцией школьного совета для подобных ситуаций.
- Вы не проводили дополнительного расследования? Не беседовали с другими учениками?
- Конечно же нет.
- И прежде чем мисс Уилсон были предъявлены официальные обвинения, вы и руководитель школьного комитета отстранили ее от работы, верно?
- Как я уже говорил...
- Пожалуйста, просто отвечайте на вопрос.
- Да.
- Да, – повторил Кевин, словно свидетель только что признал свою вину. Он выдержал паузу, с легкой улыбкой повернулся к присяжным, а потом снова вернулся к допросу.
- Мистер Корнбле, случалось ли вам ранее высказывать претензии мисс Уилсон касательно подготовленных ею материалов оформления класса?
- Да.
- С чем были связаны эти претензии?
- Ее материалы были слишком скудными и не соответствовали стандартам.
- То есть вы критиковали ее как учителя?
- Оформление класса является важным показателем эффективности работы учителя, – сухо ответил Корнбле.
- Да, понимаю, но мисс Уилсон не... скажем так, не разделяла вашего представления о значимости оформления класса.
- Нет, не разделяла.
- Она, как вы написали в ее характеристике, была «небрежна»?
- К сожалению, большинство молодых учителей не получают в колледжах столь качественного образования, как раньше, – усмехнулся Корнбле.
- Кевин кивнул.
- Действительно, почему все вокруг не могут быть такими, как мы? – риторически спросил он, и кое-кто в зале рассмеялся. Судья недовольно стукнул молоточком.
- Кроме того, вы не одобряли манеру одежды мисс Уилсон, верно? – Кевин перешел к более активным действиям.

– Я считаю, что она должна одеваться более консервативно. Вы правы...

– Однако непосредственная руководительница мисс Уилсон постоянно высоко оценивала ее профессиональные качества, – перебил свидетеля Кевин, повысив голос. – В последнем отчете она пишет, – Кевин заглянул в свои бумаги, – «Лоис Уилсон демонстрирует глубокое понимание детской психологии. Сколь серьезной ни была бы ситуация, она всегда находит способ достучаться до детей и стимулировать их нужным образом». – Кевин отложил листок. – Неплохая характеристика, не правда ли?

– Да, но, как я сказал...

– У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Кевин вернулся на свое место, будто пылая от ярости – он научился вызывать в себе такое состояние мгновенно. Все взгляды были устремлены на него. Кевин взглянул на элегантного мужчину в заднем ряду и заметил, что улыбка покинула его лицо, сменившись выражением искреннего восхищения. Кевин почувствовал себя польщенным.

А вот Мириам, напротив, явно была расстроена. Она чуть не плакала. Когда Кевин посмотрел на нее, она быстро отвела глаза. «Ей стыдно за меня, – подумал он. – Господи боже, ей все еще стыдно за меня. Больше такого не будет!»

– Мистер Балм, – обратился судья к прокурору. – У вас есть вопросы к мистеру Корнбле?

– Нет, ваша честь. Мы хотели бы вызвать Барбару Стэнли, ваша честь. – В голосе окружного прокурора слышалось отчаяние.

Кевин успокаивающе похлопал Лоис Уилсон по руке. Он заставил обвинение перейти к главным козырям.

Пухлая девочка с короткими вьющимися русыми волосами направилась к месту для дачи показаний. На ней было светло-голубое платье с белыми рюшами на воротничке и рукавах. Просторное платье еще больше подчеркивало ее полноту.

Барбара нерешительно заняла свое место и подняла руку для присяги. Кевин кивнул и бросил понимающий взгляд на Мартина Балма. Судя по всему, девочка хорошо подготовилась и знала, чего ожидать. Прокурор тоже выполнил свою домашнюю работу, но Кевин чувствовал, что сам он сделал больше. И это должно принести свои плоды.

– Барбара, – начал Мартин Балм, подходя к девочке.

– Минуту, мистер Балм, – остановил прокурора судья и наклонился к Барбаре Стэнли. – Барбара, ты понимаешь, что только что принесла присягу? Ты поклялась говорить правду...

Барбара посмотрела в зал, повернулась к судье и кивнула.

– И ты понимаешь, насколько важны будут твои слова?

Девочка снова кивнула, на сей раз не столь уверенно. Судья откинулся на спинку кресла и произнес:

– Продолжайте, мистер Балм.

– Благодарю вас, ваша честь. – Прокурор направился к свидетельнице.

Высокий и худощавый прокурор собирался строить политическую карьеру, и перспективы у него были очень неплохие. Это дело беспокоило его. Он надеялся, что Кевин и Лоис Уилсон пойдут на сделку, но они отказались, и теперь ему предстояло опираться исключительно на показания десятилетних девочек.

– Барбара, расскажи суду, что ты сказала в тот день мистеру Корнбле. Не торопись.

Барбара быстро взглянула на Лоис. Кевин проинструктировал свою подзащитную, чтобы Лоис пристально смотрела на всех детей, особенно на тех трех девочек, которые подтверждали обвинения Барбары Стэнли.

– Ну... иногда, когда мы занимались искусством...

– Искусством, – перебил ее прокурор. – Что это такое, Барбара?

– Искусство – это рисование, чтение или музыка. Мы все идем к учителю рисования или пения, – ответила девочка, почти не открывая глаз. Кевин видел, что она отчаянно старается все сделать правильно. Он оглянулся на зал и заметил, что некоторые слушатели улыбаются, явно симпатизируя девочке. Но мужчина в заднем ряду смотрел на Барбару весьма недоброжелательно, почти со злобой.

– Понимаю, – кивнул прокурор. – Эти занятия проходят в другом классе, верно?

– Угу...

– Пожалуйста, Барбара, отвечай «да» или «нет», хорошо?

– Уг... То есть да.

– Хорошо, иногда, когда вы занимались искусством... – продолжил Балм.

– Мисс Уилсон просила кого-то из нас задержаться, – ответила Барбара.

– Задержаться? Остаться в классе наедине с ней?

– Уг... да.

– И?

– Однажды она попросила задержаться меня.

– И что ты рассказала мистеру Корнбле об этом случае?

Барбара повернулась так, чтобы не смотреть Лоис в глаза. Потом она сделала глубокий вдох и ответила:

– Мисс Уилсон попросила меня сесть рядом с ней. Она сказала, что считает, что я вырасту красивой девочкой, но я кое-что должна узнать о своем теле. Что-то такое, о чем взрослые не любят говорить. – Барбара замолчала и уставилась в пол.

– Продолжай...

– Она сказала, что есть такие особые места...

– Особые?

– Уг... да.

– И что она хотела объяснить тебе об этих местах, Барбара?

Барбара бросила короткий взгляд в сторону Лоис Уилсон и повернулась к Балму.

– Барбара, чему она хотела тебя научить? – повторил прокурор.

– Что происходит что-то особенное, когда... когда их кто-то трогает.

– Понятно. И что она делала потом? – Прокурор кивнул, чтобы подбодрить девочку.

– Она показала мне эти места.

– Показала? Как?

– Она указала на них, а потом сказала, что я должна позволить ей потрогать их, чтобы мне все стало понятно.

– И ты позволила, Барбара?

Барбара плотно сжала губы и кивнула.

– Да?

– Да.

– В каких именно местах она тебя трогала, Барбара?

– Здесь и здесь. – Барбара указала на грудь, потом между ног.

– Она просто трогала тебя или делала что-то еще?

Барбара закусил нижнюю губу.

– Это тяжело, Барбара, мы понимаем. Но мы должны задать тебе эти вопросы, чтобы восторжествовала справедливость. Ты же понимаешь, верно?

Девочка кивнула.

– Ответь суду, что еще делала мисс Уилсон?

– Она положила руку сюда, – ответила девочка, положив правую руку между ног, – и стала тереть.

– Положила руку сюда? Ты хочешь сказать, под одежду?

– Да.

– И что случилось потом, Барбара?

– Она спросила, чувствую ли я что-нибудь. Я сказала, что мне щекотно, она рассердилась и убрала руку. Она сказала, что я еще не готова это понять, но она попробует еще раз в другое время.

– И она попробовала?

– Не со мной, – быстро ответила Барбара.

– С твоими подругами? С другими девочками из класса?

– Угу... Да...

– И когда ты сказала им, что делала с тобой мисс Уилсон, они рассказали, что она делала с ними, верно?

– Да.

По залу пробежал легкий шум. Судья сурово посмотрел на собравшихся, и мгновенно воцарилась тишина.

– И потом вы вместе рассказали все мистеру Корнбле?

– Да.

– Хорошо, Барбара. Сейчас тебе будет задавать вопросы мистер Тейлор. Отвечай ему так же честно, как и мне, – сказал прокурор, повернулся к Кевину и покачал головой. Он тоже отлично владел искусством драматического жеста.

«Хороший прием, – подумал Кевин. – Нужно запомнить: отвечай ему так же честно, как и мне».

– Барбара, – произнес Кевин, поднимаясь с места. – Твое полное имя – Барбара Элизабет Стэнли, верно?

Он говорил легко и дружелюбно.

– Да.

– В вашем классе есть еще одна Барбара, верно?

Девочка кивнула, и Кевин, улыбаясь, подошел ближе.

– Но ее зовут Барбара Луиза Мартин, – продолжал Кевин. – Чтобы не путать вас, мисс Уилсон называет ее Барбарой Луизой, а тебя просто Барбарой, так?

– Да.

– Тебе нравится Барбара Луиза?

Девочка пожала плечами.

– А мисс Уилсон Барбара Луиза нравится больше, чем ты? Как ты думаешь?

Барбара Стэнли, прищурившись, посмотрела на Лоис.

– Да.

– Потому что Барбара Луиза лучше учится?

– Я не знаю.

– И потому что Барбара Луиза никогда не сквернословит в классе, как это делаешь ты?

– Я не знаю.

– Ты никогда не пыталась настроить других девочек против Барбары Луизы?

– Нет.

– Вспомни, Барбара, судья говорил, что ты должна говорить правду, давая показания в суде. Ты говоришь правду?

– Да.

– Ты не писала подружкам записок с насмешками над Барбарой Луизой?

Губы Барбары дрогнули.

– А мисс Уилсон не поймала тебя, когда ты передавала такие записки другим девочкам из класса? – кивнув, спросил Кевин.

Барбара посмотрела на Лоис Уилсон, потом перевела взгляд на зал – туда, где сидели ее родители.

– Мисс Уилсон записывает все, что происходит в ее классе, – сказал Кевин, поворачиваясь к Корнбле и доставая из папки листок. – Она сохранила эти записи. Ты написала кому-то: «Давайте звать ее Барбарой Лузер», и другие девочки стали называть ее именно так, верно?

Барбара молчала.

– И те девочки, которые утверждают, что мисс Уилсон их домогалась, тоже называли Барбару Луизу «Барбарой Лузер», верно?

– Да. – Барбара чуть не плакала.

– Значит, ты солгала, когда я спросил тебя, не пыталась ли ты настроить других девочек против Барбары Луизы, верно? – неожиданно резко спросил Кевин.

Барбара Стэнли закусила нижнюю губу.

– Значит, ты солгала? – настаивал адвокат.

Барбара кивнула.

– А может быть, ты солгала и о том, что только что рассказывала мистеру Балму?

Девочка замотала головой.

– Нет, – произнесла она чуть слышно.

Кевин чувствовал на себе ненавидящие взгляды слушателей. По щеке Барбары скатилась слеза.

– Ты всегда хотела, чтобы мисс Уилсон любила тебя так же, как и Барбару Луизу. Верно, Барбара?

Девочка пожала плечами.

– Ты всегда хотела быть самой популярной девочкой в классе – и у мальчиков, и у девочек. Верно?

– Не знаю.

– Ты не знаешь? Может быть, ты снова лжешь? – Кевин взглянул на присяжных. – Ты говорила об этом Мэри Лестер, верно?

Барбара замотала головой.

– Я могу вызвать сюда Мэри, так что, Барбара, ты должна говорить правду. Ты ведь говорила Мэри, что хотела бы, чтобы Барбару Луизу все ненавидели, а тебя любили?

– Да.

– Значит, Барбара Луиза была популярной девочкой, верно?

– Угу... Да.

– И ты тоже хотела быть популярной? А кто бы не захотел? – Кевин почти смеялся.

Барбара не понимала, нужно ли отвечать на этот вопрос, но адвоката ее ответ не интересовал.

– А теперь, Барбара, ты и другие девочки обвиняете мисс Уилсон в том, что она делала с вами сексуальные вещи, плохие сексуальные вещи. Верно?

Барбара кивнула, глаза ее расширились. Кевин не отрывал от нее взгляда.

– Да, – в конце концов произнесла она.

– Подобные сексуальные действия с тобой совершали впервые? Ты впервые делала что-то сексуальное, Барбара? – быстро спросил адвокат.

Присутствующие в зале ахнули, потом раздался неодобрительный шепот. Судья стукнул молоточком.

Барбара медленно кивнула.

– Да?

– Да, – ответила девочка.

– А что вы делали в тот день, когда ты пригласила к себе после школы Джеральда и Тони? Твоих родителей не было дома. Вместе с тобой были Пола, Сара и Мэри?

Барбара покраснела. Она беспомощно хлопала глазами. Кевин приблизился к ней и очень тихо, почти шепотом, спросил:

– А ты знаешь, что Мэри рассказала мисс Уилсон про тот случай?

Барбара была в ужасе. Она отрицательно замотала головой.

Кевин улыбнулся. Взглянув на Мартина Балма, он с удовлетворением отметил, что прокурор выглядит смущенным. Кевин кивнул и усмехнулся, глядя на присяжных.

– В классе мисс Уилсон ты вела себя не очень-то хорошо, так, Барбара? – спросил он легким, дружелюбным тоном, как в самом начале допроса.

– Да. – Барбара вытерла глаза. – Но я не виновата, – быстро добавила она, радуясь, что допрос пошел в другом направлении.

Кевин сделал паузу, словно обдумывая услышанное, но тут же задал новый вопрос:

– Думаешь, мисс Уилсон не любит тебя? И поэтому тебе так нелегко?

– Да.

– И ты не хотела бы, чтобы она осталась учителем в вашем классе?

Барбара не могла оторвать глаз от Лоис, которая буквально гипнотизировала ее взглядом. Девочка пожала плечами.

– Нет или да? – настаивал Кевин.

– Я всего лишь хотела, чтобы она перестала придирается ко мне...

– Понимаю. Все хорошо, Барбара. Когда предположительно произошел тот инцидент между тобой и мисс Уилсон? В какой день это было?

– Протестую, ваша честь, – вскочил Балм. – Не думаю, что эта маленькая девочка должна точно помнить даты.

– Ваша честь, эта маленькая девочка является одним из главных свидетелей обвинения против моей клиентки. Мы не можем выбирать, что она должна и чего не должна помнить о столь серьезных обвинениях. Если ее свидетельство в каком-то отношении неточно...

– Хорошо, мистер Тейлор, – согласился судья. – Я понял вашу точку зрения. Протест отклонен. Задавайте свои вопросы, мистер Тейлор.

– Благодарю, ваша честь. Хорошо, Барбара, забудем о дате. Это случилось в понедельник или четверг? – быстро спросил Кевин, буквально набрасываясь на девочку.

– Э-э-э... вторник.

– Вторник? – Кевин подошел к Барбаре еще ближе.

– Да.

– Но у вас нет уроков искусства по вторникам, Барбара, – быстро произнес Кевин. Ему повезло – он сумел вывести девочку из равновесия.

– Э-э-э... я хотела сказать, в четверг, – беспомощно пробормотала Барбара.

– Ты хотела сказать, в четверг. Ты уверена, что это случилось не в понедельник?

Барбара покачала головой.

– Известно, что мисс Уилсон очень часто уходила в учительскую, когда у нее был перерыв. Она не оставалась в классе, когда ученики выходили.

Барбара непонимающе смотрела на адвоката.

– Значит, это был четверг?

– Да, – тихо произнесла девочка.

– А с другими девочками это предположительно происходило тоже по четвергам? – спросил Кевин, будто бы запутавшись в фактах.

– Протестую, ваша честь. Девочку не знакомили с чужими показаниями.

– Напротив, – произнес Кевин. – По-моему, ее очень даже хорошо с ними знакомили.

– И кто же? – возмутился прокурор.

– Джентльмены! – Судья застучал молоточком. – Протест принимается. Мистер Тейлор, ваши вопросы должны касаться исключительно показаний этой свидетельницы.

– Отлично, ваша честь. Барбара, когда ты рассказала другим девочкам о том, что с тобой произошло? Сразу же? – Кевин задал свои вопросы, не дав девочке прийти в себя.

– Нет.

– Ты рассказала им об этом в тот день, когда у вас была вечеринка с Джеральдом и Тони?

Девочка снова закусила нижнюю губу.

– Ты рассказала им об этом в тот день? Ты выбрала этот момент по какой-то причине? В тот день произошло нечто такое, что подтолкнуло тебя к тому, чтобы рассказать об этом?

По щекам Барбары заструились слезы. Она покачала головой.

– Если ты хочешь, чтобы мы поверили в твою историю про мисс Уилсон, ты должна открыть нам все, Барбара. И остальные девочки тоже. Почему ты рассказала о мисс Уилсон именно в тот вечер? Чем вы занимались с мальчиками?

На лице Барбары появилось выражение настоящего ужаса.

– Конечно, если только ты все это не придумала и не сговорила с другими девочками, – добавил Кевин, давая Барбаре возможность отступить. – Ты все придумала, Барбара?

Девочка сидела, буквально окаменев. Ее губы дрожали. Она молчала.

– Если ты скажешь нам правду сейчас, все закончится, – пообещал адвокат. – Никто больше ничего не узнает, – добавил он шепотом.

Барбара молчала.

– Барбара?

– Ваша честь, – вмешался Балм. – Мистер Тейлор запугивает свидетеля.

– Я так не думаю, мистер Балм, – отрезал судья. Он наклонился к Барбаре и произнес: – Барбара, ты должна ответить на вопрос.

– Ты солгала мистеру Корнбле, потому что тебе не нравилась мисс Уилсон? – быстро спросил Кевин.

Это был отличный ход. Предполагалось, что девочка уже ответила утвердительно. Боковым зрением Кевин заметил, что присяжные изумлены таким поворотом дела.

Барбара покачала головой, но по ее щекам заструились слезы.

– Ты понимаешь, что могла разрушить карьеру мисс Уилсон, Барбара? – спросил Кевин, отступая в сторону, чтобы Лоис Уилсон могла смотреть прямо на девочку. – Это не игра. Это не игра, в которую вы играли у тебя дома. Это не игра в «особые места».

Последние слова Кевин произнес громким шепотом, и лицо девочки побагровело. Глаза ее широко раскрылись. Она в отчаянии смотрела в зал.

– Если ты не сказала всей правды раньше, то лучше сказать ее сейчас, чем продолжать лгать. Подумай, Барбара, и скажи нам правду, – добавил Кевин, буквально нависая над девочкой и глядя на нее широко раскрытыми глазами.

А потом он отступил назад, как боксер, готовящийся нанести роковой удар.

– Мисс Уилсон никогда не трогала других девочек. Они согласились обвинить ее, потому что в тот вечер в твоём доме занимались чем-то особенным, верно? Ты пригрозила им, что расскажешь об этом всем, если они тебе не помогут.

Барбара открыла рот, не в силах произнести ни слова. Ее лицо так покраснело, словно вся кровь прилила к щекам. Она в отчаянии смотрела на родителей. Кевин встал так, чтобы девочка не видела окружного прокурора.

– Мы не будем говорить о том, что происходило в твоём доме, – снисходительно произнес он. – Но ведь ты подговорила своих подруг рассказать это? Ты объяснила им, как и что нужно говорить? Верно, Барбара?

Кевин умело подвел девочку к нужному ответу.

– Когда сюда вызовут других девочек, им придется говорить о том дне и о том, во что вы играли. И им придется сказать правду. Но если ты скажешь правду сейчас, нам нет нужды их выслушивать. Ты подучила их?

– Да, – пробормотала девочка.

– Что?

– Да. – Барбара разрыдалась.

– И тогда они сказали мистеру Корнбле то, что велела сказать им ты, – закончил Кевин, вбивая последний гвоздь в крышку гроба.

Он отвернулся от Барбары и посмотрел на присяжных. Его лицо демонстрировало одновременно гнев и скорбь. Все посмотрели на девочку, потом перевели взгляд на Кевина.

– Но я не лгала им! – прокричала Барбара сквозь слезы. – Я не лгала!

– Похоже, Барбара, ты уже достаточно наврала в этом зале.

Кевин повернулся к окружному прокурору и покачал головой. Барбара рыдала. Ее пришлось вывести из зала через боковую дверь.

Кевин вернулся на свое место, глядя прямо на собравшихся в зале. Большинство из них были шокированы. Иные выглядели смущенными. Мистер Корнбле был в ярости, как и многие известные жители города. А вот джентльмен в последнем ряду улыбался Кевину. Мириам покачала головой и утерла слезу.

Лоис Уилсон ожидала от своего адвоката какого-то сигнала. Он кивнул. И тогда она, словно по его команде, посмотрела на Барбару прощающим взглядом и вытерла так вовремя выступившую и хорошо отрепетированную слезу.

Окружной прокурор поднялся. На судью и слушателей он смотрел абсолютно бесстрастно, потому что понимал – продолжать бессмысленно.

Глава 2

«Брэмбл Инн» был одним из лучших ресторанов близ Блисдейла. Английский мясной ресторан славился каре ягненка и восхитительным домашним трайфлом со взбитыми сливками и фруктами. Кевину и Мириам нравилась атмосфера этого места – она ощущалась сразу же, прямо на мощеной дорожке и в большом вестибюле, где стояли тяжелые деревянные скамьи, а в выложенном кирпичом камине весело потрескивал огонь. Вряд ли можно было найти в зимний вечер более романтическое занятие, чем посидеть с коктейлем у камина в баре «Брэмбл Инн». Обычно в этом ресторане собиралась весьма респектабельная публика. Многие знали Кевина. Кое-кто останавливался, чтобы поздравить с успехом. Как только Кевин и Мириам остались наедине, он прижался к ее плечу и поцеловал жену в щеку.

Месяц назад Мириам купила черную кожаную юбку и куртку, но спрятала их в шкаф, надеясь устроить Кевину сюрприз, когда представится повод. И вот он представился. Узкая юбка плотно облегла бедра, подчеркивая красивую линию ягодиц и открывая стройные, красивые ноги. Мириам выглядела соблазнительно, но не вульгарно. Под куртку она надела бело-зеленую трикотажную блузку, словно специально скроенную для ее пышной груди и изящных узких плеч.

Высокая, с густыми, выющимися темно-русыми волосами до плеч Мириам Тейлор нигде не осталась бы незамеченной. Она целый год занималась в школе моделей Мари Симон на Манхэттене и, хотя никогда не выходила на реальный подиум, навсегда сохранила осанку и грацию супермодели.

Кевина она очаровала голосом – глубоким, сексуальным голосом, достойным Лорен Бэколл. Он даже просил Мириам произнести самую любимую свою фразу из фильма: «Просто свистни! Ты ведь умеешь свистеть, Сэм... Просто сложи губы трубочкой и свистни».

Стоило ей посмотреть на него своими яркими карими глазами, поднять плечо и произнести эти слова, заменив «Сэма» на «Кевина», ему казалось, что какая-то невидимая рука сжимает его сердце. Захоти она – и он надел бы ошейник и вручил ей поводок. Для нее он был готов сделать все, что угодно.

– Я виновен в болезненной привязанности к собственной жене, – говорил он ей. – Очень редкий и малоизвестный грех! Стоило мне встретить тебя, и я тут же нарушил первую заповедь: не сотвори себе кумира.

Они познакомились на коктейле в юридической фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер», где Кевин работал. Фирма только что открыла новый офис в недавно построенном здании в Блисдейле. Мириам пришла на вечеринку вместе с родителями. Ее отец, Артур Моррис, был самым известным дантистом города. Сэнфорд Бойл познакомил Кевина с Моррисами, и с первой же минуты Кевин и Мириам не могли оторвать друг от друга глаз. Они улыбались, обменивались взглядами, а потом разговорились – и проговорили весь вечер. Мириам согласилась поужинать с ним в тот вечер. Их роман был стремительным, страстным и жарким. Не прошло и месяца, как Кевин сделал предложение.

А сейчас они сидели в баре «Брэмбл Инн» и отмечали его успех. Мириам заметила, что с момента их знакомства Кевин очень изменился.

«Как он повзрослел», – подумала она. Кевин выглядел намного старше своих 28 лет. Он стал зрелым мужчиной, способным все держать под контролем. В его зеленых глазах читалась абсолютная уверенность в себе, а жесты выдавали человека, обладающего огромным опытом, который приходит с годами. Кевина нельзя было назвать крупным, но он обладал подтянутой, спортивной фигурой, буквально излучавшей энергию. Когда это было нужно, он умел демонстрировать силу и эмоции, но чаще всего оставался весьма сдержанным. Он был настолько организованным, здоровым, честолюбивым и упорным, что Мириам часто

подшучивала над ним и вспоминала строчки из старой песенки: «Он так хорош, он так замечателен, так здоров и телом и душой: он – глубоко уважаемый человек в городе...»

– Ну скажи мне, что ты почувствовала сегодня, когда сидела в зале заседаний? Ты гордилась мной? Ну хоть чуть-чуть...

– Кевин, я вовсе не говорила, что не горжусь тобой! Ты действовал... мастерски, – ответила Мириам. Но она никак не могла забыть испуганное лицо той девочки, ту панику, которая возникла в ее глазах, когда Кевин пригрозил рассказать всем, чем она и ее подружки занимались в тот день в ее доме. – Мне просто хотелось бы, чтобы ты выиграл по-другому, не угрожая ребенку раскрыть его тайны...

– Конечно, это было бы лучше, – кивнул Кевин. – Но я должен был это сделать. Кроме того, не забывай, что Барбара Стэнли и сама шантажировала подружек, чтобы принудить их оговорить свою учительницу.

– Она была такой жалкой, когда ты набросился на нее...

Кевин побледнел.

– Не забывай, это не я выдвинул обвинения против Лоис Уилсон, – сказал он. – Это сделал Мартин Балм. Это он вызвал Барбару Стэнли в суд и подверг ее перекрестному допросу – не я. Я защищал свою клиентку, ее права и будущее. Именно об этом я должен был думать в первую очередь.

– Но, Кевин, а что, если она подговорила других девочек дать показания вместе с ней, потому что боялась сделать это одна?

– Обвинение должно было действовать по-другому или выдвинуть протест... Это меня не касается. Говорю тебе, Мириам, я – адвокат. Я должен защищать клиента, используя любые доступные методы. Иначе я просто не выполню свою работу. Ты же это понимаешь?

Мириам кивнула. Она вынуждена была согласиться, хотя и неохотно. Кевин был прав.

– Ну неужели ты совсем не гордишься тем, как я вел себя в суде? – снова спросил он, прижимаясь к плечу жены.

Мириам улыбнулась.

– В тебе умер великий актер, Кевин Тейлор. Ты так двигался, так смотрел на присяжных, так умело задавал вопросы... – Мириам рассмеялась. – Тебя нужно выдвинуть на «Оскар»!

– Это настоящий спектакль, правда, Мириам? Когда я вхожу в зал заседаний, со мной происходит что-то невероятное. Я не могу этого объяснить. Словно поднимается занавес и я должен играть свою роль. Уже неважно, кто клиент, в чем суть дела. Я просто на сцене и должен делать то, что я делаю...

– Как это неважно, кто клиент и в чем суть дела? Неужели ты готов защищать кого угодно?

Кевин молчал.

– Кого угодно?

Он пожал плечами:

– Все зависит от гонорара, полагаю.

Глаза Мириам сузились.

– Кевин, ответь честно.

Он поднял правую руку и посмотрел на жену.

– Клянусь говорить правду, только правду...

– Я серьезно. – Мириам опустила его руку.

– Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

Кевин повернулся и прислонился к барной стойке.

– Оставь свой юридический жаргон. Не рассказывай мне о роли обвинения, роли адвоката и всем таком... Ты доказал, что три девочки солгали, сделали это под давлением, – ну или хотя бы создал такое впечатление. Я не отрицаю, что Барбара Стэнли вела себя не лучшим образом. Но что, если Лоис Уилсон действительно ее домогалась? Что, если это была правда? Ты же разговаривал с ней, вы много общались...

– Может быть, – ответил Кевин. Он отвернулся, и Мириам почувствовала какой-то холодок.

– Может быть?

– Я защищал ее, – пожал плечами Кевин. – Я же тебе уже говорил: моя задача – найти слабые места в позиции обвинения и нанести удар именно туда.

– Но если она виновна...

– Кто знает, кто виновен, а кто нет? Если бы, чтобы защищать клиента, мы должны были бы быть абсолютно уверены в его невиновности, то мы по миру пошли бы.

Кевин махнул кому-то в зале и заказал новый коктейль.

Внезапно Мириам почувствовала, что на солнце набежала туча. Она выпрямилась и посмотрела вокруг. Ее взгляд остановился на элегантном, весьма привлекательном черноволосом мужчине, который в одиночестве сидел за столиком в углу. Мириам была уверена, что он смотрит на них. Неожиданно мужчина улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и быстро отвела взгляд. Когда она вновь взглянула в ту сторону, мужчина по-прежнему смотрел на них.

– Кевин, ты знаешь того мужчину в углу? Он смотрит прямо на нас...

– Мужчину? – Кевин повернулся. – Да. То есть нет, но сегодня я видел его в суде.

Мужчина снова улыбнулся и кивнул. Кевин кивнул в ответ. Мужчина явно воспринял этот знак как приглашение, поднялся и направился к ним. Он оказался высоким и довольно подтянутым.

– Добрый вечер, – поздоровался он, протягивая Кевину крупную ладонь с длинными пальцами и безукоризненным маникюром. Ни мизинце красовалось плоское золотое кольцо с монограммой «П». – Позвольте мне присоединиться к поздравлениям и войти в список ваших почитателей. Пол Сколфилд.

– Благодарю вас, Пол. Это моя жена, Мириам.

– Миссис Тейлор, – церемонно поклонился Сколфилд. – У вас есть все основания для гордости.

– Спасибо, – покраснела Мириам.

– Я не хотел вам мешать, – продолжал новый знакомый, – но сегодня я был в суде и имел возможность увидеть вас в деле.

– Да, я помню. – Кевин посмотрел прямо в глаза собеседнику. – Я видел вас, но не думаю, что мы встречались раньше.

– Конечно нет. Я живу не здесь. Я адвокат, и моя фирма находится в Нью-Йорке. Могу я присоединиться к вам ненадолго? – Сколфилд указал на свободный стул рядом с Кевином.

– Конечно.

– Благодарю. Вижу, вы только что заказали напитки – я угостил бы вас. – Он сделал знак бармену. – Коктейль с шампанским, пожалуйста.

– В какой области права вы специализируетесь, мистер Сколфилд? – спросил Кевин.

– Пожалуйста, называйте меня Пол. Наша фирма занимается только уголовными делами, Кевин. Возможно, вы о нас слышали – «Джон Милтон и партнеры».

Кевин подумал, потом покачал головой:

– Извините, нет.

– Ничего, – улыбнулся Сколфилд. – О нашей фирме никто и не знает, пока не возникают проблемы. Мы – узкие специалисты. Мы беремся за такие дела, от которых другие отказываются.

– Звучит... интересно, – осторожно произнес Кевин. Он уже начал жалеть, что пригласил этого человека присоединиться к ним. Продолжать разговор не хотелось. – Полагаю, нам пора поинтересоваться нашим столиком, да, Мириам? Что-то я проголодался...

Мириам кивнула, поняв намек мужа, и сделала знак метрдотелю.

Сколфилд тоже все понял.

– Я уже говорил, что не хочу показаться навязчивым. – Он вытащил из кармана визитку. – Я пришел в зал суда сегодня не просто так. Мы слышали о вас, Кевин.

– Правда? – удивился Кевин.

– Да. Мы всегда внимательно следим за молодыми, талантливыми адвокатами, которые берутся за уголовные дела. Кстати, сейчас в нашей фирме есть вакансия.

– Да?

– Понаблюдав за вами в зале суда, я понял, что вы нам подходите. Возьмите мою визитку и подумайте над этим предложением.

– Да, но...

– Я понимаю, что вам наверняка будут предлагать партнерство в вашей фирме, но, рискуя показаться снобом, хочу сказать, что работа здесь не принесет вам и половины того удовлетворения – и того дохода, – что можем предложить вам мы.

– Половины дохода?

К ним подошел метрдотель.

– Ваш столик готов, сэр.

– Спасибо. – Кевин снова повернулся к Сколфилду. – Вы сказали – половины дохода?

– Да, – кивнул тот. – Я знаю, сколько вы будете получать, став партнером в своей фирме. Мистер Милтон готов сразу же удвоить эту сумму. И очень скоро вы будете получать приличные бонусы. Абсолютно уверен в этом. – Сколфилд поднялся. – Не хочу больше отнимать у вас время. Вы оба заслужили право побыть наедине, – добавил он, подмигивая Мириам.

Она снова почувствовала, что краснеет.

Сколфилд подтолкнул свою визитку ближе к Кевину.

– Просто позвоните нам. Вы не пожалеете. – Он поднял бокал и произнес: – Хочу еще раз поздравить вас с великолепной победой. Миссис Тейлор.

Он выпил бокал и оставил их.

Кевин замер. Потом он взглянул на визитку. Выпуклый шрифт словно парил над картоном, сразу бросаясь в глаза. Тихая музыка, приглушенные голоса вокруг, даже голос Мириам смолкли. Кевин почувствовал себя где-то далеко...

– Кевин?

– А?

– Что с тобой?

– Не знаю... Но предложение интересное, верно?

Сколфилд уже вернулся за свой столик и по-прежнему улыбался Мириам. Она почувствовала холодок. Сердце часто забилося.

– Кевин, наш столик готов...

– Да, конечно...

Кевин еще раз взглянул на визитку, быстро сунул ее в карман, поднялся и направился в обеденный зал следом за Мириам.

Их уютный столик расположился в укромном уголке в глубине ресторана. Небольшая масляная лампа окутывала столик нежным, теплым волшебным светом. Они заказали белое вино и потихоньку потягивали его, вспоминая другие свои романтические вечера и особые

моменты. Нежная тихая музыка парила над залом, словно в кинофильме. Кевин поднес руку Мириам к губам и поцеловал пальцы. Они смотрели друг на друга с таким выражением, что официантка, подошедшая принять заказ, почувствовала себя неловко.

Про Пола Сколфилда Мириам заговорила лишь после того, как им принесли заказанные блюда.

– Ты действительно никогда не слышал об этой фирме?

– Нет. – Кевин задумался на мгновение и покачал головой. Потом достал карточку из кармана. – Но это ничего не значит. Знаешь, сколько юридических фирм в одном лишь Нью-Йорке? Кстати, место отличное – угол Мэдисон и 44-й улицы.

– Тебе не кажется странным, что другой адвокат приехал, чтобы посмотреть на твоё выступление?

Кевин пожал плечами.

– Не знаю. Да нет, пожалуй, нет. А как ещё оценить человека, которого хочешь пригласить на работу? И не забывай, – с явным удовольствием добавил он, – об этом деле писали в нью-йоркских газетах. В прошлое воскресенье статья об этом заняла в «Таймс» целую колонку.

Мириам кивнула, но Кевин видел, что её что-то беспокоит.

– Почему ты спросила?

– Не знаю... Он так говорил... и дал тебе карточку... Он был слишком уверен...

– Уверенность приходит с успехом, полагаю. Интересно, он серьёзно говорил о деньгах? Вдвое больше, чем у партнера в «Бойл, Карлтон и Сесслер»...

Кевин снова взглянул на карточку и покачал головой.

– Ты и без того достаточно зарабатываешь.

– Денег много не бывает. Да и дела такие, как с этой Уилсон, попадают редко. Боюсь, оставшись здесь, мне придется погрязнуть в корпоративном законодательстве и сделках с недвижимостью. Практиковаться в уголовных делах здесь просто негде...

– Раньше тебя это не волновало, Кевин.

– Знаю. – Кевин наклонился вперед. В его глазах отразился огонек маленькой лампы, и лицо неожиданно изменилось – из мягкого и спокойного стало возбужденным и страстным. – Но сегодня в зале суда со мной что-то произошло, Мириам. Я чувствовал это. Я буквально горел. Я шел по грани – ощущал, что каждое слово очень важно. Это совсем не то, что заниматься чьими-то землями или собственностью. На кону стояла целая жизнь. Будущее Лоис Уилсон было в моих руках. Я чувствовал себя... как нейрохирург в сравнении с врачом из приемного покоя, направляющим вывих.

– Нет ничего плохого, чтобы порой заниматься несложными делами о недвижимости, – тихо произнесла Мириам. Возбуждение Кевина её пугало.

– Конечно нет. Но чем сложнее дело, тем интереснее работа. Я знаю. Мириам, пойми, я не канцелярская крыса. Я... Я – адвокат!

Мириам кивнула. Её улыбка растаяла. В голосе Кевина, в его глазах было что-то пугающее. Она чувствовала, что той жизни, о которой она мечтала, ему будет мало.

– Но, Кевин, – сказала она через какое-то мгновение, – ты же никогда не думал об этом прежде... Да и сейчас, если бы этот человек не появился...

– Возможно, нет, – пожал плечами муж. – Может быть, я сам не знаю, чего хочу. – Он снова взглянул на карточку и положил её в карман. – Как бы то ни было, у нас есть время все обдумать. Не думаю, что партнерство мне предложат прямо в понедельник. Партнерам нужно посоветоваться. Они считают, что все должно определиться и устояться.

Кевин рассмеялся, но совсем не так, как прежде. Теперь его смех был резким, холодным.

– Они даже любовью с женами не занимаются, не взвесив сначала все «за» и «против». Посмотри только на их жен – эти люди физически не могут вести себя импульсивно.

Он снова рассмеялся – холодно и презрительно, но Мириам его не поддержала. Никогда прежде Кевин не говорил так о своей фирме. Ей всегда казалось, что он хочет быть таким же, как они.

– Ягненок сегодня отличный, правда? – спросил он, и Мириам, улыбнувшись, кивнула.

Она была рада, что разговор перешел на другую тему. Сердце чуть-чуть успокоилось, и неприятное ощущение в груди прошло. Они больше не разговаривали о законах и процессах. После кофе и десерта им стало совсем хорошо, они отправились домой и занялись любовью так страстно, как никогда прежде.

Но на следующее утро она увидела, что Кевин ищет в шкафу те брюки, в которых он был в «Брэмбл Инн». Он сунул руку в карман, достал визитку Пола Сколфилда, посмотрел на нее и положил во внутренний карман пиджака, в котором собирался идти на работу в понедельник.

В выходные Кевин почувствовал, что окружающие стали относиться к нему по-другому. Друзья, которые могли бы поздравить его с успехом, так и не позвонили. Мириам поговорила с матерью, и разговор этот, как понял Кевин, был не самым приятным. Он стал спрашивать, и Мириам призналась, что ее мать поссорилась с одной из своих близких подруг, потому что защищала зятя.

Он и сам чуть было не ввязался в ссору, когда в воскресенье утром заехал заправить машину. Хозяин заправки, Боб Солтер, бормотал что-то о том, что в этой стране хорошо живется только геям и лесбиянкам.

И холодный прием в офисе в понедельник утром Кевина уже не удивил. Секретарша Мэри Экерт сухо с ним поздоровалась, а секретарь Гарта Сесслера, Тереза Лондон, лишь улыбнулась и тут же отвернулась, когда он направлялся к своему столу.

Прошло совсем немного времени, и на его столе зазвонил телефон. Секретарь Сэнфорда Бойла, Мира Брокпорт, голосом суровой учительницы начальных классов сказала:

– Мистер Тейлор, мистер Бойл хочет видеть вас. Немедленно.

– Спасибо. – Кевин бросил трубку, поднялся и поправил галстук.

Он был абсолютно уверен в себе и спокоен. А почему бы и нет? Всего за три года он сумел оставить неизгладимый след в этой респектабельной, старой фирме. Брайан Карлтон и Гарт Сесслер потратили больше пяти лет на то, чтобы стать полноправными партнерами. Когда-то эта фирма называлась «Бойл и Бойл». Сэнфорд работал со своим отцом. Сегодня Томасу Бойлу было уже за восемьдесят, но он сохранил острый ум и оказывал серьезное влияние на своего 54-летнего сына.

Кевин опасался, что Бойл, Карлтон и Сесслер не захотят делать его партнером. В отношении собственной фирмы они были настоящими снобами. Все они были адвокатами в третьем поколении и считали себя как члены королевской семьи, потомки монархов, получившие скипетры и троны по наследству. У каждого было свое королевство – один занимался делами о наследстве, другой – недвижимостью...

Их дома были самыми большими в Блисдейле. Их дети ездили на «Мерседесах» и «БМВ», учились в самых престижных школах, и двое из них уже приближались к окончанию юридических факультетов. Все профессионалы относились к ним с почтением, с радостью бывали у них и были счастливы, когда те принимали приглашения. Стать партнером в такой фирме было равносильно помазанию на престол.

Мириам всю жизнь принадлежала к высшему обществу Блисдейла и отлично это понимала. В их жизни наступил период, когда они задумались о покупке дома мечты. Мириам заговорила о детях. Их благополучное существование казалось устоявшимся и прочным. Ей

и в голову не приходило, что Кевин думает вовсе не о спокойной жизни в небольшом сообществе Лонг-Айленда, а о чем-то ином. Он родился и вырос в Вестбери. Его родители по-прежнему там жили, отец владел аудиторской фирмой. Кевин окончил юридический факультет Нью-Йоркского университета, вернулся на Лонг-Айленд, встретил девушку своей мечты и нашел хорошую работу. Теперь он принадлежит этому кругу. Такова его судьба. Или такой она была?

Кевин вошел в кабинет Сэнфорда Бойла, где собрались все трое партнеров. Ему предложили кресло перед столом Бойла – при этом он оказался в центре. Брайан Карлтон сидел слева, Гарт Сесслер – справа. «Они меня прямо окружили», – удивленно подумал он.

Сэнфорд Бойл был старшим из партнеров: Брайану Карлтону исполнилось 48, а Гарту Сесслеру 50. Возраст явно брал свое. У Бойла был вид человека, которому никогда не приходилось ни стричь собственную лужайку, ни выносить мусор. Он был почти лысым, щеки обвисли, а двойной подбородок дрожал, когда Бойл начинал говорить.

– Кевин, – начал он. – Вы помните, как мы отнеслись к этому делу, когда вы сказали, что хотите им заняться.

– Да. – Кевин переводил взгляд с одного на другого. Партнеры сидели, как суровые судьи пуританского суда. Черты их лиц приобрели какую-то скульптурность, и каждый больше напоминал статую, нежели живого человека.

– Мы считаем, что вы вели себя в зале суда абсолютно мастерски – были точны и ядовиты. Пожалуй, даже слишком ядовиты...

– Извините?

– Вы практически вынудили девочку признаться.

– Я сделал то, что должен был. – Кевин откинулся на спинку кресла и улыбнулся Брайану Карлтону.

Высокий, худой Карлтон тоже откинулся назад. Он сложил кончики длинных пальцев, словно показывая, что просто наблюдает за разговором, не принимая участия в дискуссии. Гарта Сесслера вежливое вступление явно раздражало. Он постукивал пальцами по подлокотнику.

Удивительно, но раньше Кевин даже не понимал, насколько ему противна эта троица. Да, все они были яркими личностями, но характера у них было не больше, чем у компьютера. Все их реакции были автоматическими и лишены эмоций.

– Уверен, вы в курсе, что местное общество бурлит. Нам всем в выходные звонили клиенты, друзья... – Бойл помахал рукой, словно отгоняя мух. – Реакция оказалась именно такой, как мы и ожидали. Наши клиенты, от которых в значительной степени зависит наше благосостояние, не одобрили нашу позицию в деле Лоис Уилсон.

– Нашу позицию? А эти люди слышали когда-нибудь о презумпции невиновности? Я защищал ее, и она была оправдана.

– Она не была оправдана. – Брайан Карлтон саркастически усмехнулся. – Обвинению просто выкрутили руки, и они вынуждены были отступить, когда вы загнали десятилетнюю девочку в ловушку и заставили признаться в том, что она кое о чем солгала.

– Это одно и то же, – парировал Кевин.

– Вряд ли. Но я не удивлен тем, что вы не видите разницы.

– Что вы хотите сказать?

– Давайте вернемся к теме разговора, – перебил их Гарт Сесслер. – Еще до того, как вы с головой ушли в это дело, мы пытались объяснить вам, что предпочитаем не связываться со столь противоречивыми делами. Мы – консервативная фирма. Мы не ищем публичности и неоднозначной известности. Подобные дела отпугивают серьезных клиентов, принадлежащих нашему кругу.

Сесслер окончательно перехватил инициативу в разговоре.

– Мы с Сэнфордом и Брайаном проанализировали вашу работу в нашей фирме, – продолжил он. – Мы поняли, что вы серьезный, ответственный человек, имеющий перспективы.

– Перспективы? – Кевин инстинктивно повернулся к Брайану. Он входил в этот кабинет в твердой уверенности, что его будущее определено. И речь должна была идти вовсе не о перспективах.

– В сфере уголовного законодательства, – сухо произнес Брайан.

– Которым мы не занимаемся, – закончил мысль Сэнфорд.

Кевин растерялся, но тут же взял себя в руки.

– Понимаю. Значит, речь идет не о том, чтобы предложить мне партнерство в «Бойл, Карлтон и Сесслер»?

– Вы понимаете, что вопрос партнерства не решается в одночасье, – сказал Гарт. – Ценность такого предложения заключается не только в финансовых преимуществах, но и в истинном его смысле, а смысл этот проистекает из вклада человека в жизнь общества, а не только фирмы. Почему бы...

– Впрочем, – перебил его Сэнфорд Бойл, – мы не видим оснований к тому, чтобы вы не смогли достаточно быстро стать партнером в фирме, которая занимается уголовными делами. – Он сверкнул улыбкой и наклонился вперед, сложив руки на столе. – Не считайте, что нас не устраивает ваша работа в этой фирме – я хочу еще раз это подчеркнуть.

– То есть вы не увольняете меня, а даете понять, что мне лучше поработать в другом месте, – резко произнес Кевин, но тут же пожал плечами и улыбнулся. – Впрочем, я как раз собирался поговорить о своей отставке.

– Извините? – наклонился вперед Брайан.

– Я уже получил другое предложение, джентльмены.

Сэнфорд Бойл быстро переглянулся с партнерами. Брайан хранил ледяное спокойствие. Гарт удивленно поднял брови. Кевин знал, что они ему не поверили – они и мысли не допускали, что он мог думать о другой фирме. Их высокомерие стало казаться ему отвратительным.

– Где-то в нашем районе? – уточнил Бойл.

– Нет... Пока что я не вправе сказать больше. – Ложь слетала с его губ совершенно естественно. – Но, заверяю, вы узнаете об этом первыми. После Мириам, конечно.

– Разумеется, – кивнул Сэнфорд.

Кевин прекрасно знал, что эти трое частенько принимали личные решения, не советуясь с женами, и это тоже было ему отвратительно: их отношения с женами и детьми были чересчур отстраненными. Его передернуло при мысли о том, что когда-то и он вместе с ними мог бы предлагать партнерство яркому, молодому адвокату, который мог бы сделать прекрасную карьеру в другом месте, но отдал бы предпочтение безопасности и респектабельности «Бойл, Карлтон, Сесслер и Тейлор» (боже упаси!).

– Впрочем, мне лучше вернуться к работе и закончить бумаги по делу Уилсон. Благодарю за столь сомнительную уверенность в моем будущем, – добавил он и вышел, оставив партнеров в полном недоумении.

Когда дверь кабинета захлопнулась за его спиной, Кевин ощутил удивительное и восхитительное чувство свободы. Он словно прыгнул с парашютом и теперь наслаждался свободным падением. За несколько минут он обманул свою судьбу и теперь мог сам распоряжаться собственной жизнью.

Мира не поняла, почему он так широко улыбается.

– С вами все в порядке, мистер Тейлор?

– Замечательно, Мира. Лучше я себя не чувствовал... целых три года!

– О, я...

– Увидимся позже. – И Кевин скрылся в своем кабинете.

Он долго сидел за столом, размышляя. Потом медленно потянулся к карману и вытащил визитку Пола Сколфилда. Кевин положил ее на стол перед собой и уставился на нее. Однако смотрел он не на кусочек картона. Он видел нечто большее. Ему рисовалась картина, как он выступает в городском суде, защищая человека, обвиненного в убийстве. Позиция обвинения сильна и подкреплена уликами, но что значит все это против него, Кевина Тейлора из фирмы «Джон Милтон и партнеры»? Присяжные ловят каждое его слово. Репортеры гонятся за ним по коридорам суда, вымаливая крупницы информации, мечтая о его предсказаниях и заявлениях.

Его мечтания прервала Мэри Экерт. Она постучала в дверь и принесла почту. Мэри улыбалась, но по ее взгляду Кевин понял, что разговоры уже пошли.

– Мэри, не подскажите, у меня сегодня нет никаких встреч, о которых я мог бы забыть?

– Нет. Завтра утром вы встречаетесь с мистером Сеттоном относительно его сына. Вы просили меня достать полицейский рапорт.

– А, да... Шестнадцатилетний парень прокатился на соседской машине?

– Именно.

– Увлекательное дело...

Мэри наклонила голову, удивленная таким сарказмом. Как только она вышла, Кевин позвонил в «Джон Милтон и партнеры» и попросил соединить его с Полом Сколфилдом.

Через пятнадцать минут он уже ехал на Манхэттен, не позвонив Мириам и не рассказав ей о том, что произошло.

Глава 3

Фирма «Бойл, Карлтон и Сесслер» располагалась в весьма комфортабельном, со вкусом оформленном офисе в Блисдейле. Почти двадцать лет назад Томас Бойл превратил небольшой двухэтажный дом с шипцовой крышей в офис для себя и сына. Уют и обаяние его офиса объяснялись очень просто – здесь царила домашняя атмосфера. Здесь все чувствовали себя свободно – по мнению Кевина, даже слишком свободно. Странно, прежде он никогда так не думал. Ему всегда нравились домашние шторы, гардины, ковры и все такое. Утром он выходил из одного дома и тут же попадал в другой. Раньше он считал именно так.

Но как только он вошел в офис «Джон Милтон и партнеры», все изменилось. Он вышел из лифта на 28-м этаже, откуда открывался потрясающий вид на центр Манхэттена и на Ист-Ривер. В конце коридора он увидел двойные дубовые двери с изящной табличкой «Джон Милтон и партнеры, адвокаты». Он вошел и оказался в роскошной приемной.

В просторной комнате стоял длинный кожаный диван коричневого цвета, кожаный диванчик и кожаные кресла – все говорило об успехе. Над диваном висела невероятно яркая абстрактная картина – судя по всему, оригинал Кандинского. Кевин подумал, что офис успешной юридической фирмы должен выглядеть именно так.

Он закрыл за собой дверь и ступил на роскошный пушистый ковер коричневатого цвета – ему казалось, что он идет по слою зефира. Подходя к секретарше, сидевшей за полукруглым столом тикового дерева, он улыбался. Девушка оторвалась от компьютера, чтобы поздороваться с ним, и он тут же стал улыбаться еще шире. В этом офисе не было места для уютной и простой Миры Брокпорт или седой и бледной Мэри Экерт, которые встречали клиентов «Бойл, Карлтон и Сесслер». Кевина встретила ослепительной красоты брюнетка, вполне достойная участия в конкурсе «Мисс Америка».

Прямые иссиня-черные волосы мягко спадали на плечи, кончики их почти касались лопаток. Девушка напоминала итальянку – типичная Софи Лорен с прямым римским носом и высокими скулами. Темные глаза буквально сияли.

– Добрый день. Вы мистер Тейлор?

– Да. Красивый офис.

– Спасибо. Мистер Сколфилд ждет вас. Я провожу вас прямо к нему. – Девушка поднялась. – Хотите что-нибудь выпить? Чай, кофе, «Перье»?

– «Перье», пожалуйста. Спасибо.

Вслед за секретаршей Кевин направился к длинному коридору.

– С лаймом? – повернулась к нему девушка.

– Да, спасибо.

Движения ее тела завораживали. Они шли по коридору и остановились на маленькой кухне. На высокой, стройной девушке была черная трикотажная юбка и белая блузка с длинными рукавами. Юбка так обтянула ее бедра и ягодицы, что Кевин видел, как двигаются ее мышцы. У него перехватило дыхание. Он улыбнулся при мысли о том, как это не понравилось бы Бойлу, Карлтону и Сесслеру. Девушка протянула ему тяжелый стакан с искрящейся водой со льдом.

– Благодарю вас.

От ее взгляда и теплой улыбки у Кевина заныло в паху. Он покраснел.

– Идемте, – предложила девушка.

Они прошли мимо кабинета, конференц-зала, еще одного кабинета и остановились перед дверью, где красовалась табличка с именем Пола Сколфилда. Девушка постучала и открыла дверь.

– Мистер Сколфилд, к вам мистер Тейлор.

– Спасибо, Диана.

Пол Сколфилд поднялся, чтобы поприветствовать гостя. Секретарша кивнула и вышла, и Кевин просто не мог оторвать от нее взгляда. Судя по всему, подобные чувства были вполне понятны Сколфилду, и он не стал торопить Кевина.

– Рад видеть вас, Кевин.

– Прекрасный кабинет, Пол.

Кабинет Пола Сколфилда был вдвое больше, чем у Сэнфорда Бойла. Здесь господствовал стиль хай-тек – мебель обита блестящей черной кожей, а книжные полки и стол сияли белизной. Из двух окон левее стола открывался вид на город и Ист-Ривер.

– Замечательный вид, – сказал Кевин.

– Потрясающий, вы не думаете? Из всех кабинетов открывается такой вид. Из вашего, разумеется, тоже.

– Простите?

– Пожалуйста, садитесь. Я уже сообщил мистеру Милтону, что вы приехали, и он хочет встретиться с вами, после того как мы поговорим.

Кевин сел в черное кожаное кресло перед столом Сколфилда.

– Рад, что вы решили серьезно обдумать наше предложение. Мы буквально завалены работой. – Глаза Сколфилда сияли. – Ваша фирма предложила вам партнерство?

– Не совсем. Они предложили мне возможность подыскать что-то более подходящее моему характеру, – ответил Кевин.

– Что? – Пол перестал улыбаться.

– Дело Лоис Уилсон и то, как я его вел, их смутило. Юридические уловки, приемы, все такое – это в норме вещей, если делается соответственно. Ну вы понимаете – например, манипулировать какой-нибудь бабушкой, чтобы заполучить кусок ее наследства, или искать пробелы в налоговом законодательстве ради обогащения и без того богатых клиентов, – с горечью объяснил Кевин.

Пол покачал головой и рассмеялся.

– Близорукость. Провинциальная узость мышления. Вот почему вам там не место, Кевин. Мистер Милтон был совершенно прав относительно вас. – Лицо Сколфилда стало серьезным. – Вы принадлежите этому миру... вы наш.

– Это сказал мистер Милтон?

– Именно. Он первым вас заметил, а он никогда не ошибается в людях. Этот человек обладает потрясающим чутьем.

– Мы с ним встречались? – Кевин никак не мог понять, как человек может быть настолько уверен в том, с кем он даже незнаком.

– Нет, но он всегда ищет ярких молодых юристов... Он ходит на слушания и процессы, как бейсбольные тренеры на игры школьных команд. Сначала он увидел вас в действии, а потом послал меня. Так он нанял нас всех. Сегодня вы со всеми познакомитесь – с Дейвом Котейном, Тедом Маккарти, нашими секретарями. Но позвольте мне сначала показать вам ваш кабинет, а потом мы пройдем к мистеру Милтону.

Кевин сделал последний глоток и поднялся вслед за Сколфилдом. Они прошли дальше по коридору и остановились у кабинета, с двери которого только что сняли табличку с именем.

– Должно было случиться что-то экстраординарное, чтобы человек захотел покинуть такую фирму, – заметил Кевин.

Взгляд Пола стал жестким. Он кивнул.

– Так и есть. Личная трагедия. Ричард Джаффи совершил самоубийство, после того как его жена умерла во время родов. Он был блестящим адвокатом. Не проиграл ни одного дела в нашей фирме.

– Извините. Я не знал.

– Мистер Милтон все еще расстроен из-за этого, как и мы все. И это понятно. Но теперь мы с вами, Кевин, – Сколфилд похлопал его по плечу, – и это не может не радовать.

– Спасибо, но, похоже, мне придется нелегко после такого предшественника.

– Вы справитесь. Если мистер Милтон считает, что вы справитесь, значит, так оно и есть, – подбадривающе кивнул Пол.

Кевин чуть не рассмеялся от такой уверенности, но увидел, что Пол Сколфилд говорит абсолютно серьезно.

Сколфилд открыл дверь, и Кевин оказался в своем будущем кабинете.

Сколько раз за последние три года он сидел в своем крохотном кабинете в «Бойл, Карлтон и Сесслер» и мечтал о том, как станет знаменитым нью-йоркским адвокатом и будет работать в роскошном кабинете с потрясающим видом!

Перед ним стоял Т-образный стол, мягкое кожаное рабочее кресло, кожаный диванчик и кожаное же кресло у стола. Ковер был таким же мягким, как и в приемной. Светло-бежевые шторы обрамляли окно. Стены были обшиты светлыми деревянными панелями, и это придавало комнате ощущение свежести и чистоты.

– Все кажется новым...

– Мистер Милтон распорядился все поменять. Надеюсь, вам нравится.

– Нравится?! Да я просто влюбился!

Пол кивнул. Кабинет поразил Кевина абсолютно всем – от изысканной позолоченной телефонной системы до золоченого набора ручек и карандашей. На столе стояли серебряные рамки, ожидавшие личных фотографий, а рамки на стенах предназначались для дипломов Кевина, причем рамок было ровно столько же, сколько и в его кабинете в Блисдейле. «Совпадение, наверное, – подумал он. – Хороший знак».

Кевин подошел к окну. Как и говорил Пол, перед ним открылся фантастический вид на город.

– Нравится?

– Очень.

Кевин заглянул в ванную, полюбовался блестящими кранами и выложенными красивой плиткой стенами и полом. В ванной имелась даже душевая кабина.

– Я мог бы перебраться сюда прямо сейчас. – Кевин просмотрел книги в большом книжном шкафу слева от стола. – Мне даже ничего не нужно привозить. – Он рассмеялся и еще раз оглядел кабинет. – Это просто... невероятно.

– Мистер Милтон будет рад узнать, что вам понравилась его работа, Кевин. – Пол взглянул на часы. – Вам пора встретиться.

– Конечно. – Они двинулись к дверям, но Кевин остановился, чтобы бросить еще один взгляд на кабинет. – Все именно так, как я и представлял в своих мечтах. Словно... – Он повернулся к улыбающемуся Полу Сколфилду. – Словно он заглянул в мои мечты.

Постучав, Пол открыл дверь и отступил, пропуская Кевина вперед. Кевин явно нервничал. После слов Пола он даже представить себе не мог, кто же такой Джон Милтон.

Тот же самый ковер, что покрывал пол в приемной и тянулся по коридору, преодолел все пороги и препятствия и покрыл пол кабинета Джона Милтона. Напротив двери стоял темный стол красного дерева и темно-коричневое кожаное кресло с высокой спинкой. Перед столом – два кресла. Три огромных окна за спиной хозяина кабинета образовывали практически сплошную стеклянную стену. Вид на город отсюда открывался еще более фантастический – доступный, пожалуй, только Богу.

Кевин был буквально ослеплен сиянием и роскошью. Он не сразу заметил, что Джон Милтон сидит за столом. Когда Кевин сделал еще один шаг и увидел его, ему показалось, что тот материализовался из тени.

– Добро пожаловать в «Джон Милтон и партнеры», Кевин, – теплым, бархатным голосом произнес Милтон.

Кевину сразу же вспомнился открытый, дружеский, успокаивающий тон преподобного Пендлтона из епископальной церкви Блисдейла. Услышав такой голос, сразу расслабляешься. Кевин часто пытался копировать его в своих выступлениях в суде. У него даже было специальное название – «воскресный голос».

Джону Милтону было слегка за шестьдесят. В нем необычным образом сочетались черты молодости и старости. Волосы у него были густыми, аккуратно подстриженными и уложенными, но абсолютно седыми. Когда Пол закрыл за ними дверь, Милтон поднялся. Оказалось, что он довольно высок. Улыбка осветила его бледное лицо – бледное настолько, будто вылеплено из алебаstra. На нем был темно-серый шелковый костюм, галстук рубинового цвета – платок из такой же ткани был в нагрудном кармане.

Кевин обратил внимание, как напряглись бицепсы хозяина кабинета, когда тот протянул ему руку. Он явно находился в превосходной физической форме, и это еще более усиливало странность сочетания молодости и зрелости. Подойдя ближе, Кевин заметил яркий румянец на щеках Милтона. Руку Кевина Джон пожал крепко и сердечно, словно давным-давно ждал этой встречи.

– Рад познакомиться с вами, мистер Милтон.

Когда их взгляды встретились, глаза Джона Милтона претерпели удивительную метаморфозу. Только что они были тускло-карими и вдруг превратились в сверкающие пламенные. Прямой крупный нос имел такую форму, что лицо Милтона выглядело не имеющим возраста. Даже морщинки вокруг глаз смотрелись так, словно кто-то нарисовал их карандашом всего минуту назад. Губы имели оранжеватый оттенок. Четкие скулы и упругая кожа могли бы принадлежать молодому человеку, но в то же время это лицо говорило о мудрости, приобретенной с годами.

– Надеюсь, Пол показал вам ваш будущий кабинет?

– О да! Это просто фантастика! Мне очень понравилось!

– Я рад, Кевин. Пожалуйста, садитесь. – Милтон жестом указал на кожаное кресло с высокой спинкой и подлокотниками красного дерева. Подлокотники украшала резьба с изображением персонажей греческой мифологии – сатиров, минотавров.

– Благодарю вас, Пол, – произнес Милтон, и Кевин, оглянувшись, увидел, что Пол Сколфилд выходит.

Джон Милтон вернулся в свое кресло. Кевин заметил, насколько он подтянут. Его осанка сделала бы честь любому монарху – так гордо он нес голову. Милтон сел в кресло, как на трон.

– Как вы знаете, мы уже некоторое время следим за вами, Кевин. Мы хотели бы, чтобы вы приступили к работе на следующей неделе. Конечно, это довольно быстро, но у меня для вас уже есть дело. – Милтон указал на толстую папку, лежавшую справа от него.

– Правда? – Кевин хотел спросить, откуда Милтон знал, что он согласится, но потом решил, что это будет невежливо. – И что за дело?

– Я покажу его вам в свое время, – довольно жестко отрезал Джон Милтон, и Кевин поразился тому, как быстро теплый и дружеский тон сменился твердым и решительным. – Сначала я хотел бы познакомить вас со своими принципами. Их разделяют все мои партнеры, которые, как вы скоро поймете, являются для меня не просто партнерами. Наши отношения – это нечто большее. Они – моя семья. Мы работаем как одна команда. Мы преданы друг другу, и это не ограничивается одними лишь профессиональными отношениями. Мы заботимся

друг о друге и о наших семьях. Никто не работает в вакууме: семья, жизнь, другие проблемы – все это оказывает влияние на работу. Вы понимаете?

– Да, – кивнул Кевин. Он почему-то вспомнил о том человеке, место которого ему предстоит занять. Может быть, мистер Милтон говорит о нем?

– Я знал, что вы поймете, – сказал Джон Милтон, откидываясь назад. Лицо его скрыла тень, словно туча закрыла солнце. – И поэтому, надеюсь, вы не сочтете странным, если я буду делать предложения и даже помогать вам в том, что, как может показаться, не связано с вашей работой у нас.

Милтон немного помолчал, потом добавил:

– К примеру, мне хотелось бы, чтобы вы жили в городе. Так получилось, что мне принадлежит роскошный жилой комплекс в идеальном районе Манхэттена, и там есть свободная квартира. Я бы хотел, чтобы вы поселились именно там – разумеется, ни о какой плате не может быть и речи.

– Без арендной платы?

– Именно. Я высоко ценю своих партнеров и их близких. Разумеется, все это будет отражено в договоре. Не считайте себя обязанным. Для меня важно быть уверенным в том, что вы и ваша жена сможете вести комфортную и приятную жизнь, пока вы будете работать у нас. Я понимаю, что у вас и вашей жены могут быть семейные узы, связывающие вас с тем местом, где вы живете сейчас. Но я не предлагаю вам переехать на другой конец страны. – Милтон наклонился вперед и улыбнулся. – Вы будете жить поблизости. Кроме того, здесь вы обретете новую семью.

Кевин кивнул.

– Это звучит... превосходно. Разумеется, мне нужно все обсудить с женой, – быстро добавил он.

– Разумеется. А теперь давайте немного поговорим о законах и о моих принципах.

Он снова придвинулся к столу, и тень, скрывавшая его лицо, исчезла.

– Закон должен абсолютно четко толковаться и не менее четко исполняться. Правосудие – это преимущество, но не основа законодательной системы. Система законодательства создана для поддержания порядка и управления людьми. – Милтон развернулся, посмотрел на Кевина и снова улыбнулся. – Всеми людьми – и так называемыми добропорядочными гражданами, и криминальными элементами.

– Сочувствие, – тон Милтона более всего напоминал университетского профессора, – это прекрасное качество, но в законодательной системе для него места нет. Это субъективное и несовершенное чувство, которое постоянно меняется, тогда как закон должен быть совершенным, не подвластным времени и универсальным.

Он сделал паузу и взглянул на Кевина. Тот быстро кивнул.

– Думаю, вы меня понимаете и согласны со мной.

– Да, – кивнул Кевин. – Возможно, я бы сформулировал это иначе, но я согласен.

– Мы с вами адвокаты – и это главное. И пока мы помним об этом, нас ждет успех.

Глаза Джона Милтона горели абсолютной уверенностью. Они буквально гипнотизировали Кевина. Джон Милтон говорил размеренно и ритмично, порой так тихо, что Кевину казалось, что он читает по губам собеседника и произносит фразы следом за ним. А потом голос Милтона неожиданно обретал силу и мощь.

Сердце Кевина бешено билось, кровь прилила к щекам. Подобное ощущение в последний раз он испытывал, когда в школьной баскетбольной команде играл матч на звание чемпионов. Тренер Марти Макдермотт произнес в раздевалке такую речь, что на площадку они вышли, пылая желанием порвать противника в клочья. Тогда он дожидаться не мог, когда мяч окажется в его руках. Теперь же он не мог дожидаться, когда можно будет оказаться в зале суда.

Джон Милтон медленно кивнул.

– Мы понимаем друг друга гораздо больше, чем вы можете себе представить, Кевин. Как только я понял это, то сразу же отправил к вам Пола. – Он какое-то мгновение смотрел на Кевина, потом улыбнулся – улыбка вышла озорной. – Возьмем ваше последнее дело...

Милтон откинулся в кресле и, казалось, расслабился.

– Дело Лоис Уилсон? Учительницы, которую обвинили в домогательстве к детям?

– Именно. Вы блестяще построили защиту. Вы выявили слабые места в линии обвинения и двинулись вперед, сосредоточившись именно на них.

– Я знал, что у директора на нее зуб. И мне было известно, что другие девочки лгали...

– Разумеется. – Милтон наклонился и протянул вперед руки, словно желая обнять Кевина. – Но вы знали и то, что Барбара Стэнли не лжет. И что Лоис Уилсон виновна.

Кевин замер.

– Нет, конечно, вы не знали этого наверняка, но в глубине души понимали, что она домогалась Барбары Стэнли. Вы знали, что Барбара побоялась пойти к директору одна и подговорила подружек сделать то же самое. Идиот директор решил уволить учительницу...

– Я не был в этом уверен, – медленно проговорил Кевин.

– Все нормально, – снова улыбнулся Милтон. – Вы сделали то, что и должны – ведь вы были ее адвокатом. – Улыбка сошла с его лица. Теперь он казался разозленным. – Обвинение должно было сделать все то, что сделали вы. В том зале вы единственный правильно сделали свою работу. Я восхищаюсь вами и хочу, чтобы вы работали со мной. Вы настоящий адвокат, Кевин!

Кевин удивился, откуда Джон Милтон так много знает о деле Лоис Уилсон, но не стал проявлять любопытство. Ему и без того было о чем подумать. Они обсудили финансовые вопросы, и Кевин понял, что Пол Сколфилд не преувеличивал. Ему предложили вдвое больше, чем он зарабатывал сейчас. Милтон сказал, что переехать в новую квартиру можно будет сразу же, если Мириам она понравится. Когда разговор был закончен, он вызвал секретаршу и попросил ее пригласить Пола Сколфилда. Пол появился мгновенно, словно стоял за дверью.

– Он снова в ваших руках, Пол. Кевин, добро пожаловать в семью. – Милтон протянул руку, и Кевин крепко ее пожал.

– Спасибо.

– Как я сказал, вы сможете переехать в вашу квартиру еще до выходных. Можете в любое время приехать с женой, взглянуть на нее.

– Еще раз спасибо. Дождаться не могу.

Милтон понимающе кивнул.

– Какой человек, а! – тихо сказал Пол, когда они выходили из кабинета.

– Удивительно, как он сразу видит суть вещей. Он очень серьезен, но думает не только о бизнесе. Мне показалось, что он очень душевный человек.

– О да. Честно говоря, – Пол остановился, – мы все любим этого парня. Он нам... как отец.

Кевин кивнул.

– Да, я тоже это почувствовал. – Он оглянулся. – Мне казалось, что я сижу и разговариваю с собственным отцом.

Пол рассмеялся, приобнял Кевина, и они двинулись дальше по коридору. Они остановились у кабинета Дейва Котейна. Дейв оказался ближе Кевину по возрасту – ему был всего 31 год. Он тоже окончил юридический факультет Нью-Йоркского университета. Они сразу же погрузились в воспоминания о профессорах и преподавателях. Дейв был невысоким и крепким, с коротко подстриженными светло-русыми волосами. Его стрижка напоми-

нала военную. Кевин подумал, что Мириам он понравился бы – голубые глаза, мягкая, приятная улыбка. Она сразу увидела бы в нем своего младшего брата, Сета.

Несмотря на внешнюю хрупкость, Дейв обладал глубоким, низким голосом – за такой голос любой хормейстер душу дьяволу продал бы. Кевин представил, как он в суде допрашивает свидетеля – такой голос эхом отдавался бы в душах внимающих ему слушателей. С первой минуты Кевин почувствовал, что Дейв Котейн – очень умный и интеллигентный человек. Позже Пол сказал ему, что Дейв вошел в пятерку лучших выпускников Нью-Йоркского университета и мог бы работать в любой престижной юридической фирме Нью-Йорка или Вашингтона.

– Давайте продолжим экскурсию, – предложил Пол. – У вас с Дейвом еще будет немало возможностей пообщаться – и у ваших жен тоже.

– Отлично. У вас есть дети? – спросил Кевин.

– Пока нет, но мы собираемся, – ответил Дейв. – Мы с Нормой находимся практически в том же положении, что и вы с Мириам.

Кевин улыбнулся было, но потом ему показалось странным, что сотрудники так хорошо осведомлены и о его личной жизни тоже.

Пол предвосхитил его вопрос.

– Мы изучаем потенциальных кандидатов со всех сторон, – сказал он, – так что не удивляйтесь тому, как много мы уже знаем о вас.

– Вы уверены, что работаете не на ЦРУ?

Дейв и Пол переглянулись и рассмеялись.

– Я чувствовал себя так же, когда Пол и мистер Милтон рассматривали мою кандидатуру.

– Мы поговорим с вами позже, – сказал Пол, и они с Кевином направились в юридическую библиотеку.

Библиотека оказалась вдвое больше, чем в «Бойл, Карлтон и Сесслер». Здесь имелись все новейшие материалы. Пол Сколфилд объяснил, что компьютер подключен к полицейской базе данных и даже к федеральной базе. Кроме того, здесь хранилась вся информация по прецедентам и материалы следствия. Благодаря этому адвокаты могли тщательнейшим образом анализировать полицейские материалы и отчеты криминалистов. За монитором сидела секретарша, которая вводила новую информацию, предоставленную одним из частных детективов.

– Венди, это Кевин Тейлор, наш новый партнер. Кевин, это Венди Аллен.

Секретарша обернулась, и Кевин снова был поражен ослепительной красотой ее лица и восхитительной фигурой. Венди Аллен было не больше 22–23 лет. Светлые волосы лежали мягкими волнами, на лоб ниспадала челка. Она улыбнулась, сверкнув карими глазами.

– Привет.

– Здравствуйте.

– Венди будет исполнять обязанности вашего секретаря параллельно с работой у Дейва, – объяснил Сколфилд. – Потом мы найдем вам личного секретаря.

Кевин улыбнулся при мысли о том, что у него будет личная секретарша.

– Буду рада работать с вами, мистер Тейлор.

– Я тоже.

– Нам нужно застать Теда, – шепнул Пол. – Я только что вспомнил, что сегодня он должен вносить залог.

– Да, конечно...

Кевин последовал за Полом, по пути оглянувшись на красавицу Венди. Она одарила его ослепительной улыбкой.

– Как вам удастся сохранить хладнокровие рядом с такими ослепительными девушками? – спросил Кевин шутливо.

Пол остановился и повернулся к нему.

– Венди и Диана очень красивы. Элейн и Карла тоже. Но все они – первоклассные и очень профессиональные секретари. – Пол улыбнулся и оглянулся на библиотеку. – Мистер Милтон говорит, что большинство мужчин привыкли считать красивых женщин не слишком умными. Однажды он выиграл дело, потому что прокурор считал именно так. Напомните мне, чтобы я попросил его рассказать вам об этом. Кстати, – добавил он, понижая голос, – мистер Милтон нанимает всех секретарей лично.

Кевин кивнул, и они направились в кабинет Теда Маккарти.

Маккарти напомнил Кевину его самого. Он был на пару лет старше, примерно такого же роста и телосложения, с черными волосами и темно-кариими глазами. Он тоже родился и вырос на Лонг-Айленде. Маккарти жил в Нортпорте и учился на юридическом факультете университета Сиракуз.

Его жена, как и Мириам, тоже росла на Лонг-Айленде. Она работала секретаршей у доктора в Коммаке. У них тоже не было детей, но и они подумывали об увеличении семьи.

Кевин почувствовал, что Тед Маккарти – настоящий педант. Он сидел за широким черным дубовым столом. Бумаги были сложены в идеальном порядке. В большой серебряной рамке стояла фотография его жены, в другой рамке – свадебная фотография. В сравнении с кабинетами Дейва Котейна и Пола Сколфилда офис Маккарти можно было назвать спартанским, зато здесь лучше ощущалась атмосфера порядка и аккуратности.

– Рад познакомиться с вами, Кевин, – сказал Маккарти, поднимаясь из-за стола, когда Пол их представил.

Тед обладал таким же глубоким ораторским голосом и великолепной четкой дикцией, как Дейв и Пол.

– Не сомневался, что вы скоро будете работать с нами – мистер Милтон и Пол высоко о вас отзывались.

– Похоже, все это знали раньше меня, – улыбнулся Кевин.

– Со мной было так же, – кивнул Тед. – Я работал в фирме отца и даже не помышлял уходить, когда ко мне обратился Пол. Но к моменту разговора с мистером Милтоном я уже обдумывал, как бы поделикатнее сообщить эту новость отцу.

– Поразительно.

– Не проходит и дня, чтобы не случилось чего-то поразительного. А теперь, когда вы присоединяетесь к нам...

– Жду с нетерпением...

– Удачи и добро пожаловать, – сказал Тед. – А теперь мне нужно бежать. Должен внести залог за клиента, которого обвиняют в изнасиловании соседской девочки-подростка.

– Правда?

– Расскажу на следующем совещании.

Кевин кивнул и вслед за Полом вышел из кабинета. В дверях он остановился.

– Хочу вас кое о чем спросить, Тед... – Его беспокоило, как отнесутся к его решению Мириам, ее родители и его собственные.

– Да?

– Как вы сообщили об этом отцу?

– Я сказал, что всегда хотел заниматься уголовными делами и что мистер Милтон произвел на меня глубокое впечатление.

– Но ведь вы должны были унаследовать семейную фирму?

– О. – Тед улыбнулся и покачал головой. – Очень скоро вы поймете, что это тоже семейная фирма.

Кевин кивнул. Искренность Теда произвела на него глубокое впечатление.

Кевин вернулся в свой будущий кабинет и уселся за огромный стол. Заложив руки за голову, он откинулся на спинку кресла, потом повернулся, чтобы полюбоваться видом. Он чувствовал себя на миллион долларов. Ему не верилось в такую удачу – богатая фирма, бесплатная роскошная квартира на Манхэттене...

Кевин снова повернулся к столу и заглянул в ящики. Чистые блокноты, новые ручки, свежий ежедневник – здесь было все. Он уже закрывал нижний ящик, как вдруг что-то привлекло его взгляд. Маленькая коробочка из ювелирного магазина...

Он вытащил ее и открыл. Внутри лежало золотое кольцо с выгравированным инициалом «К».

– Подгоняете кресло? – В кабинет вошел Пол.

– Что? О... да... Что это? – Он показал на кольцо.

– Уже нашли? Это небольшой приветственный подарок от мистера Милтона. Он заказал такие кольца для всех нас.

Кевин осторожно вынул кольцо из коробочки и примерил. Кольцо подошло идеально. Это удивило Кевина, но Пол, судя по всему, не видел в этом ничего необычного.

– Такими мелочами он показывает нам, что ценит нас в человеческом плане. И это отличает нашу контору, Кевин.

– Понимаю. – Кевин на минуту задумался, потом снова перевел взгляд на кольцо. – Но откуда он знал, что я соглашусь на его предложение?

Пол пожал плечами.

– Я же говорил, что он прекрасно разбирается в людях.

– Поразительно. – Кевин оглядел кабинет. – А этот человек... Джеффи?

– Что?

– Неужели никто не видел, что с ним творится?

– Мы знали, что он подавлен. Все пытались ему помочь. Мистер Милтон нашел няню для его ребенка. Мы делали все, что было в наших силах, звонили ему, навещали. Мы ощущаем свою ответственность – это была наша вина...

– Я не предполагал...

– Да нет. Мы все живем в одном доме. Мы должны были помочь ему.

– Вы все живете в одном доме?

– И вы тоже там поселитесь. Скорее всего, вы займете квартиру Джеффи.

Кевин потерял дар речи. Он не знал, как к этому отнесется Мириам.

– А как... как он это сделал?

– Он выбросился с балкона, – просто сказал Пол. Потом он криво улыбнулся: – Но это не должно вас беспокоить. Не думаю, что квартира проклята.

– И все же, думаю, мне не стоит рассказывать об этом жене...

– Разумеется. По крайней мере, пока вы не освоитесь и она не поймет, насколько безопасной и комфортабельной станет ее жизнь. И тогда ее оттуда не выгонит и стадо диких слонов.

Глава 4

Только свернув со скоростной магистрали, Кевин понял, как резко изменится их с Мириам жизнь. Нет, он не жалел об этом – как раз наоборот, он не припоминал, чтобы мысли о жизни и карьере когда-нибудь вселяли в него такой восторг. Но чем ближе он подъезжал к идиллическому маленькому городку, где они с Мириам намеревались прожить всю жизнь, тем яснее ему становилось, что он собирается уничтожить эту мечту. Однако что ни делается – все к лучшему. Мириам это понравится, обязательно. Да разве это может не понравиться? Он заработает много денег, и тогда они смогут построить по-настоящему большой дом своей мечты. Их жизнь станет более космополитичной. Они забудут о том, что ему теперь казалось удушающей провинциальностью.

А самое главное, они расширят круг друзей, познакомятся с гораздо более интересными людьми, на голову выше так называемого изысканного высшего класса Блисдейла. Два других адвоката из конторы Джона Милтона ему сразу понравились. Он был уверен, что и Мириам они тоже придутся по душе.

Он вернулся в офис, проверил свои сообщения. Мириам звонила, но он решил поговорить с ней, когда вернется домой.

Они с Мириам жили в Блисдейл-Гарденз. Этот комплекс деревянных таунхаусов расположился на окраине города в окружении настоящего леса. Таунхаусы представляли собой комфортные и просторные квартиры в двух уровнях с кирпичными каминами. В комплексе имелся общий бассейн и два земляных теннисных корта. Они с Мириам прекрасно чувствовали себя здесь, но когда он смотрел на городок, возвращаясь домой, Блисдейл показался ему страшно провинциальным. Он никогда этого не замечал – городок ублаживал своих жителей, погружал в сонную трясиину. Теперь же он увидел нечто большее. Если они останутся здесь, то ничего этого ему не видать.

Он поставил машину в гараж, но не успел открыть входную дверь. Ему открыла Мириам. Она была явно встревожена.

– Где ты был? Я думала, ты позвонишь и мы сможем пообедать вместе. Ты же знал, что я хочу узнать, что скажет Сэнфорд Бойл.

Кевин вошел и аккуратно закрыл за собой дверь.

– Забудь про Бойла, забудь про Карлтона, забудь про Сесслера.

– Что? – Мириам прижала руку к груди. – Почему? Они не предложили тебе партнерство?

– Партнерство? Нет. Совсем наоборот.

– Что ты говоришь, Кевин?

Кевин покачал головой.

– Нет, меня не уволили, но предложили подыскать что-то более подходящее моему... моему характеру.

Кевин прошел в гостиную и рухнул на диван. Мириам с изумленным видом вошла за ним.

– Это из-за того последнего дела, да?

– Полагаю, оно и стало той соломинкой, что сломала спину верблюду. Брось, Мириам, я не подходил им, а они не подходили мне.

– Но, Кев... Три года все было так хорошо. Я так и знала, что тебе не нужно было браться за это дело. Я знала это. А теперь смотри, что случилось.

Мириам заплакала. Она просто не смогла сдержаться. Что теперь будет? Кевин защищал лесбиянку и потерял место в одной из самых престижных юридических фирм города. Она прямо слышала голос матери: «Я же тебе говорила!»

- Успокойся, – улыбнулся Кевин.
- Успокойся?! – Мириам наклонила голову. Почему его это совершенно не волнует? – Где ты был, Кевин? – Она взглянула на часы на каминной полке. – Ты вернулся не рано...
- Угу. Иди ко мне, сядь рядом. – Кевин похлопал по дивану рядом с собой. – Мне нужно многое тебе рассказать.
- Твоя мать звонила, – пробормотала Мириам. Казалось, она предчувствует, что он скажет, и пытается напомнить ему о том, что связывает его с этим городком.
- Я перезвоню ей попозже. Все хорошо?
- Да. Она хотела поздравить тебя с победой в суде, – сухо произнесла жена.
- Отлично. Тогда она обрадуется еще больше.
- Чему, Кевин? – Мириам решила сесть напротив него, сложив руки на коленях.
- Не волнуйся, дорогая. Наша жизнь станет только лучше.
- Как?
- Понимаешь, я собирался уходить из «Бойл, Карлтон и Сесслер». И слава богу!
- Ты же так гордился этой работой, – с горечью произнесла Мириам.
- Это в прошлом. Что я знал? Я был мальчишкой, только что окончил университет. Я был счастлив любому предложению, но теперь...
- Что? Скажи мне, – более резко сказала она.
- Хорошо. – Кевин наклонился вперед. – Помнишь того человека, который подошел к нам в баре в «Брэмбл Инн»? Он еще дал мне свою визитку.
- Да.
- Ну так после неприятного разговора с этой троицей я нашел эту визитку.
- И что ты сделал?
- Я позвонил ему и поехал на Манхэттен. И там... я словно попал в свою мечту. Богатая нью-йоркская фирма. Ты сама все увидишь. Офис на 28-м этаже. Потрясающий вид. И они буквально завалены работой – так быстро они сделали себе имя в Нью-Йорке. Им страшно нужен еще один адвокат.
- Что ты сделал, Кевин?
- Поверь, тот Пол не шутил. Они будут платить мне вдвое больше, чем в «Бойл, Карлтон и Сесслер». Даже если бы я стал партнером, я не получил бы таких денег. Это очень большие деньги, Мириам! Кроме того, я смогу заниматься тем, чем всегда хотел, – я буду работать над уголовными делами!
- А вдруг у тебя не получится, Кевин? Здесь все было так хорошо, ты уже многого добился...
- Как это не получится? Не думал, что моя жена настолько во мне не уверена. – Изобразить разочарование Кевину не стоило труда – он привык к этому в суде.
- Я лишь пытаюсь...
- Я знаю. Такой серьезный шаг всегда пугает, но когда ты с ними познакомишься... И это самое лучшее, Мириам: остальные партнеры, Тед, Дейв и Пол тоже женаты, и у них тоже еще нет детей. Жены Дейва и Теда примерно твоего возраста. Мы сможем общаться с людьми, с которыми у нас много общего. Ну что у тебя общего с Этель Бойл, Барбарой Карлтон или Ритой Сесслер? Ты же знаешь, они все еще считают себя лучше нас, потому что я не партнер. И не говори мне, что ты не жаловалась на то, что они относятся к тебе как к ребенку!
- Но у нас есть другие друзья, Кевин!
- Я знаю, но настало время расширить горизонты, дорогая. Эти люди живут и работают в Нью-Йорке. Они ходят на выставки, концерты, в художественные галереи, ездят отдыхать за границу. Наконец-то ты сможешь сделать то, о чем всегда мечтала...

Мириам задумалась. Может быть, Кевин прав? Может быть, она слишком засиделась здесь? Может быть, настало время вырваться из кокона?

– Ты правда считаешь, что это правильный шаг, Кевин?

– Дорогая. – Он поднялся и подошел к ней. – Это не просто правильный шаг – это прекрасный шаг!

Он поцеловал ее и сел рядом с ней, взяв ее за руки.

– Для меня главное – твое счастье. Я не совершу ничего, что сделает тебя несчастной, как бы мне этого ни хотелось. Я просто не могу быть счастливым без тебя... Мы же половинки одного целого...

– Да...

Мириам закрыла глаза и прикусила нижнюю губу. Кевин погладил ее по щеке, и она открыла глаза.

– Я люблю тебя, Мириам. Я не представляю, что кто-нибудь может любить тебя сильнее!

– О, Кев...

Они поцеловались, и Мириам заметила новое кольцо.

– Где ты это взял, Кевин? – Она взяла его за руку, чтобы рассмотреть кольцо. – Твой инициал?

– Ты не поверишь! Это подарок от мистера Милтона – нечто вроде приветствия...

– Правда? Но откуда они знали, что ты примешь предложение?

– Когда ты познакомишься с мистером Милтоном, ты поймешь. Этот человек буквально излучает уверенность, силу, успех.

Она покачала головой и снова взглянула на кольцо.

– Высшая проба, – с гордостью произнес Кевин, помахивая рукой.

– Они тебя просто очаровали...

– Верно.

– Но, Кевин, а как же дорога? Ты же никогда не хотел ездить так далеко.

– Мистер Милтон предложил прекрасное решение, – улыбнулся Кевин. – Это кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, тем не менее это так.

– Что? Что? Скажи мне! – Мириам буквально подпрыгивала на диване.

Кевин улыбнулся ее нетерпению.

– Несколько лет назад он вел одно дело и в результате купил жилой дом на Риверсайд-драйв. Там есть квартира для нас.

– Риверсайд-драйв? Ты хочешь сказать, что мы переедем в Нью-Йорк?! – Мириам старалась изо всех сил, но Кевин знал, что ей не хотелось жить в городе.

– Знаешь, за сколько продается эта квартира?

– Понятия не имею.

– Шестьсот тысяч долларов!

– Но, Кевин, разве мы можем себе это позволить?

– А нам и не нужно!

– То есть?

– Мы можем жить там, пока не построим дом своей мечты. Никакой арендной платы, ничего. Даже электричество оплачивать не нужно.

Мириам была настолько изумлена, что Кевин расхохотался.

– И представь себе – Тед Маккарти, Дейв Котейн и Пол Сколфилд вместе с женами живут в том же доме!

– А где живет мистер Милтон?

– В пентхаусе в том же доме. Тед Маккарти сегодня сказал мне: «Джон Милтон и партнеры» – это одна большая семья.

Соппротивление Мириам стало постепенно слабеть. Ему явно удалось ее заинтересовать.

– А мистер Милтон? У него есть жена и семья?

– Нет. Может быть, поэтому он относится к партнерам как к своей семье.

– И что он за человек?

– Мириам, – проникновенно сказал Кевин, – Джон Милтон – самый харизматичный и обаятельный человек, какого я только встречал в жизни.

Рассказывая Мириам об этой встрече, Кевин никак не мог отделаться от ощущения, что все переживает вновь. Каждая деталь оживала в его воображении.

После ужина они легли спать совершенно измученными. Утром Кевин решил, что виной всему был ночной кошмар. Ему снилось, что он снова в суде, снова защищает Лоис Уилсон. Но на сей раз на месте судьи он увидел мистера Милтона, который одобритительно ему улыбался. Кевин повернулся к Барбаре Стэнли и увидел, что она совершенно обнаженная. Лоис Уилсон стояла за ее спиной. Кончиками пальцев она теребила ее соски. Потом она взглянула на него, похотливо улыбнулась и потянулась рукой в пах девочки.

– Нет! – закричал он.

– Кевин?

– Нет! – Кевин открыл глаза.

– Что случилось?

– Что?

– Ты кричал...

– Что? А, да... – Кевин энергично потер лицо, чтобы избавиться от все еще стоявшей перед глазами картины. – Всего лишь кошмар.

– Не хочешь рассказать? – встревоженно спросила Мириам.

– Нет. Лучше еще посплю. Все в порядке. Это пустяки.

Мириам что-то проворчала и мгновенно заснула. А через несколько минут и Кевин закрыл глаза.

Утром он позвонил в офис, сказать, что не придет. Он попросил Мэри перенести его встречу с Сеттонами. Секретарша удивилась, начала расспрашивать, но Кевин повесил трубку. После этого разговора они с Мириам оделись, позавтракали и отправились в Нью-Йорк. Ночью шел снег – во второй раз за этот год. Снегу намело сантиметров восемь, а ведь еще даже декабрь не наступил. Земля была покрыта мягким белоснежным ковром, снег поскрипывал под ногами, и Мириам сразу захотелось в Рождество. Она даже услышала позвякивание колокольчиков на санях. Садясь в машину, она взглянула на небо и среди туч разглядела клочок синего неба. Сквозь тучи пробилось солнце. Лучи заиграли на снегу, превращая его в блестящие клочки сахарной ваты.

Однако плотная пробка на Гранд-Сентрал-Парквей быстро превратила сверкающие хлопья в черно-бурую слякоть. Из-под колес едущих впереди автомобилей на лобовое стекло летела жирная грязь. «Дворники» счищали ее с монотонной регулярностью. Прямо впереди на горизонте сгущались низкие серые тучи.

– Да уж, поездки в город не для меня, – пробормотал Кевин, подъехав к стойке оплаты проезда. – Я не выдержал бы такой пустой траты времени...

– И жизнь в городе – это не сахар, Кевин. Проблемы с парковкой, пробки...

– Никаких проблем с парковкой, дорогая. В нашем здании есть личный гараж.

– Правда?

– Впрочем, мне и так не придется ездить на работу на машине. Мистер Милтон доставляет своих сотрудников на работу и домой в лимузине. Он сказал мне, что это своего рода второй офис... Мы с Полом, Тедом и Дейвом можем по дороге обсудить дела, ну и все такое.

– А сам мистер Милтон?

– Наверное, он работает по другому графику. – Мириам посмотрела на Кевина. – Я пока еще всего не знаю. Но обязательно узнаю. Я узнаю, – повторил он как заклинание.

Машина въехала в город, и Мириам замолчала. В тот момент, когда Кевин проехал Блейзер-авеню и выехал на Риверсайд-драйв, Пол Сколфилд вышел из служебного лимузина, который стоял перед жилым домом, и посигналил ему, указав на въезд в подземный гараж.

Ворота открылись. Кевин въехал на парковку.

– Ваша парковка 15Д, – сказал Пол, указывая на свободное место. – Заезжайте.

Кевин припарковал машину. Пол открыл дверцу перед Мириам и помог ей выбраться из машины. Кевин подошел, чтобы поздороваться.

– Рад снова видеть вас, миссис Тейлор.

– Пожалуйста, называйте меня Мириам.

– Мириам. А вы называйте меня Полом, – улыбнулся Сколфилд. – Справа находится лифт. Ворота гаража открываются с брелока. – Он достал из кармана брелок и протянул его Кевину. – Второй находится в вашей квартире, в кухонной стойке. – Он снова повернулся к Мириам. – Уверен, вы заметили, что в гараже тепло, – с гордостью произнес он и нажал на кнопку вызова лифта.

Двери открылись мгновенно. Сколфилд жестом пригласил их войти, пропустив Мириам вперед.

– Как давно вы с Хелен живете здесь, Пол? – спросил Кевин.

– Мы переехали сюда почти сразу же, как только мистер Милтон купил этот дом. Это было... шесть лет назад.

– Очень красивое место, правда? – сказала Мириам.

– Да, вы правы, – улыбнулся Пол. – Совсем рядом находится Линкольн-центр, много художественных галерей. До театрального квартала рукой подать. Нью-Йорк будет в полном вашем распоряжении, Мириам.

Двери лифта открылись. Сколфилд нажал на кнопку блокировки дверей и указал, что нужно идти направо.

Они остановились перед квартирой 15Д. На темной дубовой двери блестела маленькая металлическая пластинка для молоточка.

– Как мило, – сказала Мириам, глядя на молоточек. – Обожаю старину.

Пол достал ключи, открыл дверь и отступил в сторону. Перед ними открылся просторный холл, который вел в гостиную. Темно-синие бархатные портьеры с золотой окантовкой были раздвинуты и сразу открывали ряд окон. Даже в такой серый, пасмурный день в квартире оказалось очень светло.

– Как просторно! – вырвалось у Мириам, как только она вошла в квартиру. – Сколько воздуха!

Они вошли в холл с паркетными полами. Дверь справа вела в гостиную на нижнем уровне с камином из белого мрамора. Пол застилал абсолютно новый бледно-голубой ковер, не такой яркий, как у них в Блисдейле. Гостиная оказалась не пустой. В правом углу стоял спинет.

– О, Кевин! – воскликнула Мириам, прижав руку к груди. – Я всегда мечтала!

Она подошла к инструменту и пробежалась пальцами по клавишам.

– Он даже настроен! – Мириам сыграла несколько тактов «Воспоминаний».

– Мириам прекрасно играет, – пояснил Полу Кевин. – Мы собирались купить рояль, но решили подождать, пока у нас не появится собственный дом.

– Как он здесь оказался? – спросила Мириам.

– Это инструмент мистера Милтона, – пожал плечами Пол. – Он всегда здесь стоял.

Мириам любовно погладила спинет и улыбнулась.

– Какой чудесный сюрприз, – тихо произнесла она.

– Рад, что вы сможете на нем играть, – кивнул Пол.

Мириам изумленно покачала головой и направилась во вторую гостиную.

– Ты не поверишь, Кевин! Именно такие обои я и собиралась купить для нашей гостиной. Я уже присмотрела их в соседнем магазине!

Мириам полюбовалась сверкающей хрустальной люстрой и отправилась на просторную кухню, выдержанную в лимонно-желтых тонах. На сверкающей стойке стояли современные кухонные приборы. Уголок для завтрака располагался у окна, откуда открывался тот же потрясающий вид на Гудзон, что и из гостиной.

А уж от вида главной спальни у Мириам просто захватило дух. Даже у Кевина не нашлось слов. Комната была вдвое больше, чем у них в Блисдейле. Справа от двери в ванную стоял большой туалетный столик с мраморной столешницей. Зеркала делали комнату еще просторнее.

– Наша мебель здесь не будет смотреться, Кев. Нам придется многое покупать.

– Ну началось! – Кевин шутливо скосил глаза на Пола. – Нам нужно купить то, нам нужно купить это...

– Мы все купим, Кев!

– Хорошо, хорошо...

– Не волнуйтесь об этом, Мириам. Кевин теперь сможет себе это позволить, – сказал Пол.

– Благодарю за поддержку, приятель.

Пол рассмеялся.

– Со мной было то же самое! Моя жена все еще не завершила грандиозный шопинг.

Мириам уже восхищалась главной ванной – ванна с джакузи, медные краны и прочие прелести жизни. Потом она отправилась инспектировать вторую спальню. Вернувшись, она объявила, что прежние жильцы явно превратили ее в детскую.

– Там обои с мультяшными героями!

– Вы можете поменять все, что сочтете нужным, – заметил Пол.

– Нет-нет! Детская – это прекрасно. Мы тоже собираемся завести детей, – ответила Мириам, взглядом ища поддержки у Кевина. Тот с улыбкой кивнул.

– Полагаю, это означает, что здесь вы будете счастливы?

– Счастливы? А как скоро мы можем въехать?

Даже Кевин рассмеялся от столь неожиданного энтузиазма. Он был готов к любому сопротивлению, даже если квартира оказалась бы прекрасной. Хотя за последние десять лет Блисдейл стал почти настоящим городом, Мириам любила считать себя деревенской девушкой.

Оставались еще вопросы безопасности и загрязнения окружающей среды. Родители Кевина и Мириам всегда говорили об этом – не потому, что верили всему, что говорят и пишут. Просто им хотелось, чтобы дети жили поближе к ним. Но, похоже, Мириам обо всем позабыла. По крайней мере сейчас.

– О, Кев, я даже не заметила террасу! – воскликнула она, подходя к стеклянным дверям.

Кевин взглянул на Пола, но тот был совершенно спокоен – хотя именно на этой террасе успешный адвокат и его близкий друг совсем недавно свел счеты с жизнью. Мириам открыла двери и вышла.

– Кевин, иди сюда.

Он вышел к ней, и они остановились, залюбовавшись потрясающим видом.

– Просто дух захватывает! – сказала Мириам. – Только представь, как мы будем сидеть тут теплыми вечерами, потягивая вино и любуясь звездами...

Кевин кивнул. Но мысли о Ричарде Джеффи не покидали его. О чем думал этот человек перед тем, как совершить самоубийство? Судя по форме парашюта и ограждений, ему пришлось забраться наверх и прыгнуть оттуда. Вряд ли такое можно сделать под влиянием импульса. Наверное, он все продумал и решил, что другого выхода у него нет. Как это печально!

– Кевин, ты так не думаешь?

– Что? О, да, да. У меня просто нет слов.

Кевин с облегчением услышал звонок в дверь.

– Уже гости? – удивился Пол.

Они вместе вышли в холл и открыли дверь. Словно порыв свежего весеннего ветра, в квартиру ворвались Норма Котейн и Джин Маккарти. Они хохотали и говорили одновременно.

– Я Норма Котейн.

– А я Джин Маккарти.

– А вы, наверное, Мириам, – сказала Норма. – Мы дожидаться не могли, когда вы приедете. Дейв не велел нам идти, чтобы у вас было время осмотреться, но Джин сказала...

– А зачем ждать? Это же наша работа – помочь вам устроиться!

– Привет. – Норма сердечно пожала Мириам руку, Мириам улыбнулась, ничего не говоря. – Мы живем в квартире 15Б.

– А мы в 15В, – подхватила Джин. Стоило Норме выпустить руку Мириам, как ее сразу же подхватила Джин.

Они замолчали, пытаясь перевести дух.

– Пол? – требовательно произнесла Норма.

– А, да... Это Кевин и Мириам Тейлор. А вы уже знаете, кто это такие.

– Типичный адвокат, – хмыкнула Джин. – Ни одного лишнего слова, если за него не заплачено.

Обе женщины рассмеялись в унисон. Со стороны их можно было принять за сестер. Хотя у Нормы была аккуратная стрижка под пажа, а длинные волосы Джин свободно лежали на плечах, цвет волос был почти одинаковым – светло-русым. Пожалуй что у Нормы волосы были чуть темнее. Обе оказались невысокими, крепкими. Норма была чуть плотнее подружки.

Кевин подумал, что перед ним две самые энергичные женщины, каких он только видел в своей жизни. Светло-голубые глаза Нормы сверкали, как бриллианты подо льдом. Зеленые глаза Джин искрились практически так же. У обеих была нежная гладкая кожа с ярким, здоровым румянцем и алые губы. Одетые в джинсы, одинаковые темно-синие футболки и розовые кроссовки, они напоминали членов одной спортивной команды.

– Заходите ко мне на кофе, – предложила Джин, подхватывая Мириам под руку. – Я купила отличные маффины – совсем без сахара. Здесь рядом есть прекрасная кондитерская, на углу Бродвея и 63-й улицы...

– Можно подумать, это ты ее нашла, – фыркнула Норма. – Я заметила ее первой!

Мириам рассмеялась, и женщины буквально потащили ее к двери. Она беспомощно обернулась на Кевина.

– Все в порядке, – улыбнулся он. – Мы с Полом едем в офис. Я вернусь через пару часов... тебе на помощь!

– На помощь? – Норма нахмурилась. – Это мы ей помогаем! Вы думаете, ей интересно выслушивать вашу скучную юридическую абракадабру? А мы сейчас поделимся с ней ценнейшей информацией о соседних магазинах и других полезных заведениях.

– Ну, хотя бы она скучать без меня не будет, – пробормотал Кевин.

– В ее жизни больше не будет ни одного скучного дня, – заявил Пол, но сделал это настолько высокомерно и самоуверенно, что Кевин даже взглянул на него, чтобы убедиться в том, что тот не шутит.

Сколфилд не шутил.

– А где ваша жена, Пол?

– Хелен – человек более сдержанный, чем две эти дамы, но она вам понравится, когда вы познакомитесь. Однако нам с вами пора. Лимузин ждет.

Кевин кивнул. Прежде чем закрыть дверь, он обернулся и услышал смех Нормы и Джин. И смех Мириам.

Ну разве все не прекрасно? Разве не замечательно?

Он удивился тому, что подобные вопросы пришли ему на ум.

– Кофе? – предложил Пол. Он наклонился вперед и налил две чашки из кофейника, приготовленного водителем и поставленного на специальную плитку.

– Да, конечно.

Кевин откинулся на спинку кожаного сиденья и погладил подушки. Лимузин тронулся. Это был «Мерседес» в специальной комплектации.

– Только так и нужно путешествовать по Нью-Йорку, – сказал он.

– Я тоже так думаю, – ответил Пол, протягивая Кевину чашку. – Отсюда и города не замечаешь. – Пол сидел напротив Кевина, скрестив ноги. – Мы каждое утро пьем кофе и просматриваем «Уолл-стрит джорнал», чтобы подготовиться к бою. В моей жизни это уже так давно, что теперь я воспринимаю все как должное.

– Вы уже шесть лет работаете у мистера Милтона?

– Да. Я работал в провинции, в небольшом городке Монтичелло. Занимался недвижимостью, иногда дорожными происшествиями. Мистер Милтон обратил на меня внимание, когда я защищал местного врача, которого обвинили в преступной небрежности.

– Да? И как?

– Полная победа. – Сколфилд наклонился к Кевину. – Несмотря на то, что тот ублюдок был явно виновен в безумном высокомерии, бесчувственности и безответственности.

– И как же вам удалось справиться?

– Запутал истца и обвинение. У парня была травма глаза, а врач несколько дней не уделял ему внимания. Он уехал на выходные играть в гольф и забыл сказать, чтобы партнер принял того бедолагу. За эти дни глаз у парня вытек, и он его потерял.

– Господи боже!

– Парень был из простых, дорожный рабочий. Сестра заставила его подать в суд, но он не мог вспомнить, когда врач осматривал его, что он делал. К счастью для нас, в больничных документах тоже царил полный бедлам. Конечно, я нашел специалиста из Нью-Йорка, который подтвердил, что врач все сделал правильно. Заплатил этому типу пять тысяч долларов за час работы, но спас своего клиента от тюрьмы.

– А как же тот бедолага? – вырвалось у Кевина, прежде чем он успел собраться с мыслями.

Пол пожал плечами.

– Мы предлагали его адвокату сделку, но жадный ублюдок решил, что выиграет дело. – Он улыбнулся. – Мы делаем то, что должны делать, дружище. Теперь ты тоже это знаешь. Вот после этого дела, – продолжил он, – мистер Милтон и решил встретиться со мной. Мы пообедали, поговорили, и на следующий день я приехал встретиться с ним. С того времени я тут и работаю.

– И ни разу не пожалели, я полагаю?

– Ни на мгновение!

– Да, на меня тоже все произвело впечатление – и особенно мистер Милтон. – Кевин на минуту задумался. – Во вчерашней суете я не спросил вас о нем. Откуда он?

– Из Бостона. Окончил юридический факультет Йельского университета.

– Из богатой семьи? Его отец тоже адвокат?

– Семья богатая, но они не юристы. Джон не любит говорить о своем прошлом. Его мать умерла в родах, а с отцом он не ладит. Можно сказать, что отец его выгнал.

– Да?

– Пожалуй, это лучшее, что могло с ним случиться. Ему пришлось самому пробивать себе дорогу. Он напряженно трудился и быстро сделал себе репутацию. Этот человек сам себя сделал – в прямом смысле слова.

– А почему он не женат? Он не...

– Определенно нет! У него есть женщины, но он побаивается серьезных отношений. Закоренелый холостяк – и счастлив этим. Хью Хефнер тоже не страдает в одиночестве.

Кевин рассмеялся и посмотрел на толпы людей, снующих по улицам. Как приятно было сидеть в лимузине, работать в Нью-Йорке, наслаждаться успехом и блестящими перспективами.

Что он сделал, чтобы заслужить все это? Впрочем, дедушка всегда говорил, что дареному коню в зубы не смотрят, поэтому он быстро отогнал эти мысли. Ему не терпелось приступить к работе.

Как только они вошли в офис, Диана сообщила, что мистер Милтон, Дейв и Тед уже ждут их в конференц-зале.

– О, я почти забыл, что у нас пятиминутка. И это замечательно, – добавил Пол, хлопая Кевина по плечу. – Сейчас вас и окрестят.

Глава 5

Конференц-зал – темно-серый прямоугольный зал без окон – был ярко освещен. Единственным украшением его были большие цифровые часы на задней стене. Никаких картин, как в коридоре и приемной. Голые стены и мрачная серая плитка на полу наводили на мысли о больничной палате. В зале ничем не пахло – ни приятных запахов, ни неприятных. Тихо гудел кондиционер, нагнетая стерильный прохладный воздух.

Мистер Милтон сидел во главе длинного черного стола. Этот стол и стулья были единственной мебелью в зале. Дейв и Тед сидели напротив друг друга. Вокруг них были разложены папки и документы. Между ними и мистером Милтоном с обеих сторон стола стояли свободные стулья. Карла подала кофе.

– Доброе утро, – поздоровался Милтон. – Вашей жене понравилась квартира?

– Просто фантастика. Не думаю, что вечером мне удастся ее вытащить оттуда.

Дейв и Тед понимающе переглянулись. По-видимому, с их женами было то же самое. Кевин заметил, что Милтон пытается сдержать улыбку. Улыбались только его глаза, а все лицо жило своей жизнью – губы были плотно сжаты, щеки напряжены.

– Да, и пока я не забыл – хочу поблагодарить вас за кольцо.

– Уже нашли в вашем столе? – Джон Милтон повернулся к широко улыбающимся Дейву и Теду. – Я же говорил, что это энергичный молодой адвокат.

Все посмотрели на Кевина с одобрением.

– Кевин, почему бы вам не сесть справа от Дейва?

– Конечно. – Кевин посмотрел на Дейва. – Доброе утро.

Пол сел справа от мистера Милтона, надел очки и открыл папку.

– Мы как раз собирались начать, – объяснил Милтон. – Рад, что вы смогли присоединиться. Никаких формальностей, но периодически мы собираемся, чтобы быть в курсе всех дел.

– Еще кофе? – мягко спросила Карла.

– Нет, спасибо. Я и без того выпил слишком много кофе сегодня.

Она быстро ретировалась. Карла уселась в кресло за спиной мистера Милтона, вооружилась ручкой и блокнотом и выжидательно посмотрела на собравшихся.

– Начинайте, Тед, – сказал мистер Милтон.

Тед Маккарти заглянул в свою папку.

– Хорошо, – сказал он. – Мартин Кроули живет на втором этаже жилого дома на углу 83-й улицы и Йорк. Почти четыре года он работает поваром в буфете в «Джинджерс Паб». Владельцы и управляющий характеризуют его исключительно хорошо – прекрасный работник, очень ответственный. Всю жизнь он был холостяком, в Нью-Йорке у него нет родных. Крепкий мужчина, с короткой стрижкой – почти такой же, как у Дейва, – добавил Тед, с улыбкой посмотрев на Дейва. Дейв не улыбнулся.

– Продолжайте, – спокойно произнес мистер Милтон, полужакрыв глаза, словно слова Теда доставляли ему чувственное наслаждение.

– Соседи, кроме Блаттов, разумеется, не могут о нем ничего сказать. Он одиночка, вежливый, но неразговорчивый. У него есть хобби – собирает модели самолетов. Его квартира буквально забита ими.

– Сколько ему лет? – спросил Дейв.

– Сорок один год.

– Переходите к девочке, – приказал Милтон.

– У его соседей, Блаттов, двое детей – мальчик 10 лет и 15-летняя дочь. Как-то вечером Тина, их дочь, вернулась домой вся в слезах. Она сказала, что Мартин пригласил ее к себе,

чтобы показать модели самолетов, а когда она пришла, он изнасиловал ее. Блатты вызвали полицию.

– Ее осмотрел врач?

– Да. Когда спермы не обнаружили, она заявила, что Мартин пользовался презервативом. – Тед посмотрел на Милтона. – Она сказала, что, даже насилуя ее, он говорил, что боится СПИДа.

– Боится заразиться или заразить ее? – поинтересовался Дейв.

– Она не сказала.

– Что у них есть еще, кроме показаний девочки? – Тон голоса мистера Милтона был таким, что все тут же сосредоточились.

– Еще несколько царапин на плечах и руках. Трусики девочки были разорваны. Во время обыска в квартире Мартина была обнаружена перламутровая расческа. Мать Тины заявила, что это расческа ее дочери.

– Даже если это и так, то улика доказывает лишь то, что она находилась в его квартире, но не факт изнасилования, – заметил Пол.

– Мартин не сказал ничего компрометирующего? – спросил Милтон.

– Он был достаточно умен, чтобы отказаться отвечать на вопросы без присутствия адвоката.

– Он был дома, когда, по утверждению девочки, произошло нападение?

– Да. Он был один – сказал, что собирал новую модель.

– Что еще?

Тед заглянул в свои заметки.

– Примерно шесть лет назад его обвиняли в изнасиловании 12-летней девочки в Талсе, штат Оклахома. Дело тогда до суда не дошло.

– Это неважно. Даже если его подвергнут перекрестному допросу, они не могут допрашивать его о тех обвинениях – только о вынесенных приговорах.

– Не думаю, что нам придется допрашивать его. Сегодня я побывал в школе, где учится девочка. У нее не лучшая репутация. Ее считают сексуально распушенной. Двое старшеклассников готовы свидетельствовать против нее. Я смогу быстро ее дискредитировать. И собираюсь сообщить об этом ее родным – может, дело и не дойдет до суда.

– Очень хорошо, Тед. – Улыбка мистера Милтона коснулась всего лица – глаз, щек, уголков рта. – Очень хорошо. Я хотел бы познакомиться с деталями того дела в Талсе. – Правой рукой он сделал жест в сторону Карлы, и та что-то быстро записала в блокнот. – Дейв?

Кивнув, Дейв Котейн раскрыл папку и обвел всех собравшихся взглядом.

– Похоже, на этой неделе все заголовки будут мои.

– Отлично, – сказал Пол. – Публичность пойдет нам на пользу.

Сколфилд и мистер Милтон обменялись довольными взглядами.

– Дейв занимается весьма резонансным делом, – пояснил Кевину мистер Милтон. – Возможно, вы читали об этом: несколько студентов колледжа были изнасилованы и зверски убиты. Их тела изуродовали. Убийства произошли в районе от верхнего Бронкса до Йонкерса и Вестчестера. Мужчину арестовали и предъявили обвинения.

– Да. По-моему, очередную жертву нашли на прошлой неделе?

– Во вторник, – кивнул Дейв. – В углу парковки у ипподрома в Йонкерсе. Труп был завернут в пластиковый мешок для мусора.

– Я помню. Страшное дело...

– Вы знаете лишь половину. – Дейв вытащил несколько листов и протянул их Кевину. – Вот остальное. Отчет коронера напоминает подробное описание нацистской

камеры пыток, на что, кстати, – Дейв повернулся к мистеру Милтону, – и собирается делать упор обвинение.

– Почему? – спросил Кевин. Это дело почему-то вызвало у него неожиданный интерес.

– Мой клиент, Карл Обермейстер, был членом гитлерюгенда. Конечно, он был ребенком и делал то, что ему говорили, но его отец отличился еще больше – он был охранником в Аушвице.

– Это не имеет значения, – заметил мистер Милтон, отмахиваясь от этих слов. – Его семью никто не судит.

– Верно, – кивнул Дейв и вернулся к своим документам.

– Что еще интересного в отчете коронера? – спросил мистер Милтон. – Пожалуй, Кевину стоит это услышать.

Удивленный Кевин повернулся к нему:

– Все нормально, я просто...

– Помимо разреза в центре груди коронер обнаружил, что во влагалище девушки вводили раскаленный металлический стержень, – быстро начал Дейв.

– Вряд ли тут удастся обнаружить сперму, необходимую для доказательства вины, – заметил Тед.

– Господи боже, – пробормотал Кевин.

– Мы уже закалились, Кевин, – сказал мистер Милтон. – Мы имеем дело с самыми жестокими преступлениями, а не только с бизнесом и недвижимостью.

Голос Милтона был напряженным и строгим. Его слова прозвучали как выговор.

– Конечно, – тихо произнес он. – Извините.

– Продолжайте, – приказал Милтон.

– Обермейстера остановили в непосредственной близости от места происшествия. У полисмена возникли подозрения. Он слишком нервничал, принимая квитанцию на штраф за превышение скорости. Когда утром тело обнаружили, патрульный вспомнил Карла Обермейстера. Полиция отправилась к нему на квартиру, чтобы провести допрос, но тут чрезмерно амбициозный молодой следователь допустил ошибку. Он обыскал квартиру без ордера и обнаружил проволочную обвязку, сходную с той, которой связывали жертв. Полиция задержала Карла на пять часов и допрашивала его, пока он не сознался.

– Значит, он сознался, – пробормотал Кевин.

– Да, – кивнул Дейв, улыбаясь. – Но я проанализировал все действия полиции. Все это можно будет использовать в суде. Пока они держали его в участке, у него не было возможности позвонить адвокату. Правило Миранды не было соблюдено, а доказательства, обнаруженные детективом, суд во внимание не примет. У них ничего нет. Карл скоро будет на свободе.

Мистер Милтон отечески улыбнулся Дейву. Тот моргнул, словно принимая благословение.

– Очень, очень хорошо, Дейв. Отличная работа, просто отличная!

– Поздравляю, Дейв, – сказал Пол.

– Здорово, – добавил Тед. – Просто превосходно!

Кевин с изумлением смотрел на партнеров. Они были так довольны собой! Неожиданно он понял, что Дейв Котейн был евреем. И он только что предложил успешный план защиты садиста, имевшего нацистские корни! Его это совершенно не беспокоило. Напротив, на его лице явственно читалась гордость.

– Но я все же хочу ознакомиться с докладом коронера. Карла, сделайте мне копию, – произнес мистер Милтон, не поворачиваясь к секретарше. Она сделала пометку в блокноте. Мистер Милтон посмотрел на Пола, потом на всех остальных. – А теперь Пол расскажет нам о библейском деле.

Тед и Дейв улыбнулись.

– Библейском? – не понял Кевин.

– Каин и Авель, – пояснил Пол и взглянул на Джона Милтона.

– Именно. Расскажите нам, Пол, пожалуйста.

Сколфилд раскрыл свою папку.

– Пат и Моррис Галан, ему около 50 лет. Пат – дизайнер интерьеров, Моррис владеет небольшой компанией по розливу напитков. У них есть 18-летний сын Филипп. Когда Пат был 41 год, в семье родился второй сын, Арнольд. Событие довольно неожиданное – и супруги никак не могли принять решение, а потом стало слишком поздно. Ребенок родился, но в таком возрасте это нелегко. Пат хотела продолжать работу и злилась на ребенка.

– Она в этом призналась? – спросил мистер Милтон.

– Она обращалась к психологу и открыто говорила о своих чувствах к ребенку, потому что считала, что все проблема в этом. У Галанов возникли семейные проблемы. Каждый считал, что другой недостаточно заботится о малыше. Пат обвиняла Морриса в том, что он хочет, чтобы она ушла с работы. В конце концов обоим пришлось обращаться к психоаналитикам. А основная забота об Арнольде легла на плечи Филиппа. Подросток от этого тоже в восторг не пришел. С этого все и началось.

– Расскажите о преступлении, – отрывисто сказал мистер Милтон.

– Как-то вечером, купая младшего брата, Филипп потерял контроль над собой и утопил его.

– Утопил? – переспросил Кевин – Пол говорил об этом слишком уж спокойно.

– Он мыл ему голову. Арнольду тогда... – он заглянул в бумаги, – ...было пять лет. Мальчик сопротивлялся, хныкал... Филипп вышел из себя и удерживал голову брата под водой слишком долго.

– Мой бог! А где же были их родители?

– В этом все и дело, Кевин. Их не было в городе. Они, как обычно, жили собственной жизнью. Как бы то ни было, миссис Галан обратилась к нам с просьбой защищать ее сына Филиппа. А муж не хочет иметь с ним ничего общего.

– У Филиппа уже были проблемы с насилием? – спросил Дейв.

– Ничего особенного. Драки в школе, но до полиции дело не доходило. Хороший ученик. Все относится к нему очень хорошо. Впрочем, он особо не переживает.

– Что вы хотите сказать? – поразился Кевин. – Разве он не понимает, что совершил?

– Понимает, но... – Пол повернулся к Милтону. – Он не сожалеет. Не сожалеет настолько, что обвинение собирается говорить о предумышленном убийстве. Они пытаются доказать, что ему не велели купать брата. Он сделал это, чтобы убить мальчика. Во время допроса мать призналась, что не велела ему купать Арнольда. Мне бы не хотелось подвергать его перекрестному допросу. Он так говорит о погибшем брате... Если бы я был присяжным, то осудил бы его без колебаний.

– Он мог спланировать убийство заранее? – спросил Кевин.

– Наша задача доказать, что это не так, – быстро перебил его Милтон. – Мы защищаем его, а не обвиняем. Как вы собираетесь с этим справиться, Пол?

– Думаю, вы были правы насчет родителей. Я поработаю с ним, покажу, что они сами во всем виноваты, что мальчик находился под сильным давлением. А потом я вызову доктора Марвина, который подтвердит его нестабильное психическое состояние... смешанные роли, ну и все такое... В подростковом возрасте он подвергся такому давлению, которое могло бы привести и к самоубийству – сегодня это не редкость среди подростков.

Пол повернулся к Кевину.

– Не знаю, спланировал он это или нет, но, как сказал мистер Милтон, миссис Галан наняла меня, чтобы я его защищал, а не обвинял. Кроме того, даже если он не раскаивается

в содеянном, думаю, во всем виноваты его родители и их отношение. Ведь тем вечером, когда они вернулись домой, он спокойно спал. И они даже не заглянули к Арнольду! Лишь на следующее утро мистер Галан обнаружил труп пятилетнего сына в ванне.

– Боже правый!

– Вы с нами уже достаточно долго, Кевин, – заметил мистер Милтон. – Пора бы уже и перестать произносить нечто подобное... – Кевин смутился. – Вас не должно удивлять то, что в мире так много боли и страданий. А Иисусу, похоже, нет до этого дела, – продолжал мистер Милтон.

– Но я не понимаю, как вам удалось к этому привыкнуть...

– Вам придется – иначе будет сложно справляться со своей работой. И вы уже кое-что об этом знаете, – улыбаясь, сказал Милтон.

Он явно намекал на дело Лоис Уилсон. Кевин почувствовал, что краснеет. Он отвернулся и заметил, что все смотрят на него.

Пол был серьезен, как и мистер Милтон. Дейв был обеспокоен, а Тед улыбался.

– Думаю, для этого нужно время, – пробормотал Кевин, – и опыт.

– Совершенно верно, – согласился Милтон. – Время и опыт. И теперь, когда вы познакомились с нашей текущей загрузкой, пора приступить к рассмотрению собственного дела.

Мистер Милтон подтолкнул Дейву папку, и тот передал ее Кевину. Кевину страшно хотелось приступить к какому-нибудь сложному делу, но почему-то он почувствовал холодок в спине. Все смотрели на него, и он просто улыбнулся.

– Это будет замечательное дело, Кевин, – улыбнулся мистер Милтон. – Настоящее боевое крещение. Но такой путь прошли все присутствующие – и посмотри на них сегодня...

Кевин огляделся. Все смотрели на него. Все были яркими, энергичными, полными сил, словно капитан Ахав, преследующий своего Моби Дика. Кевину показалось, что он попал не в юридическую фирму – он стал членом братства по крови, братства проклятых адвокатов. Они возвели крепость из закона и процедуры; они превратили их в оружие. За что бы они ни взялись, их ожидали победа и успех.

А самое главное – все они стремились угодить Джону Милтону. Он сидел во главе стола, довольный, насытившийся их рассказами о планах предстоящих судебных сражений.

– На следующем совещании, Кевин, мы заслушаем вас, – сказал Джон Милтон, поднимаясь.

Все встали и стоя ожидали, когда он выйдет. За ним спешила Карла. Когда они вышли, Дейв, Тед и Пол повернулись к Кевину.

– В какой-то момент мне показалось, что он разозлился, – сказал Дейв. – Когда вы сказали «Боже правый»...

– Но почему?

– Мистер Милтон не терпит, когда адвокат начинает жалеть жертву клиента, которого он должен защищать. Это первое и главное наше правило, – объяснил Пол.

– И в особой степени это относится к делу Дейва, – кивнул Тед.

– Почему?

– Потому что у клиента Дейва, в отличие от двух других, нет средств. Мистер Милтон сам оплачивает его защиту.

– Вы шутите?

– Мы не шутим, – сказал Дейв. – Он заметил брешь в системе и добивает ее. Таков его стиль.

– И поэтому мы добиваемся таких успехов, – с гордостью, даже высокомерием добавил Тед.

Кевин кивнул и снова взглянул на своих новых партнеров. Они не были рыцарями, а их офис не напоминал Круглый стол в Камелоте. Но они тоже войдут в легенду. Кевин был в этом уверен.

Мириам казалось, что ее лицо покрылось морщинами от постоянной улыбки. Стоило Кевину уйти, она только и делала, что улыбалась и смеялась. Норма и Джин оказались очень веселыми и жизнерадостными. Когда умолкала одна, тут же заговаривала другая. Сначала их веселье показалось Мириам неестественным – она даже подумала, что они принимают какие-то средства. Разве можно быть настолько энергичными, разговорчивыми и жизнерадостными так долго и не почувствовать себя вымотанными?

Но отношение этих женщин к жизни доказывало обратное. Обе были фанатками здорового образа жизни – отсюда и маффины без сахара. И обе были идеальным примером пользы подобного отношения к жизни: подтянутые фигуры, чистая, светлая кожа, прекрасные белые зубы, яркие глаза, позитивное восприятие самих себя.

Хотя они обе не работали и не строили карьеру, их жизнь казалась полной. Им приходилось расписывать по часам каждый день, чтобы успеть сделать все задуманное. Уборкой и готовкой они занимались по утрам. По понедельникам, средам и пятницам у них была аэробика. По вторникам они отправлялись за покупками. Четверг был днем музеев и галерей. Субботу и воскресенье они, конечно же, посвящали театру и кино. Вечера были заняты ужинами, выставками и общением с друзьями.

Более того, Мириам сразу же поняла, что Норма и Джин вместе с неизвестной ей Хелен Сколфилд образуют тесный, самодостаточный круг. О других людях они попросту не говорили.

Судя по всему, три пары постоянно проводили время вместе – даже вместе ездили в отпуск, если служебное расписание мужей это позволяло.

Как и предполагал Кевин, эти жительницы города постоянно чем-то занимались. Их жизнь была комфортной и интересной. Мириам не могла представить себе, чтобы они после обеда лениво листали журналы, смотрели мыльные оперы и дожидались, когда мужа вернутся с работы, как в последнее время делала она сама. А своих блисдейлских подруг ей с каждым днем все труднее становилось вытащить в город на выставку, за покупками или в театр. У них всегда находились отговорки – не хочется стоять в пробках и толкаться в час пик.

Зато эти две женщины, казалось, абсолютно не замечали никаких трудностей городской жизни. Они просто жили в этом городе – и все, не испытывая ни малейшей неуверенности, страха за собственную безопасность или неудобств. Мириам, которая выросла на Лонг-Айленде, поражалась тому, что они не чувствуют себя в тесноте. Их квартиры оказались такими же просторными и светлыми, как и ее дом в Блисдейле.

Квартира Нормы была отделана в традиционном стиле, как и дом Мириам и Кевина в Блисдейле. Только Норма и Дейв выбрали более консервативные и сдержанные тона. Квартира Джин оказалась яркой, светлой и просторной. Она выбрала ультрасовременную мебель – сплошные квадраты и кубы, пластик и стекло. И хотя Мириам почувствовала себя здесь неуютно, обстановка была интересной. Из обеих квартир открывался тот же чудесный вид, что и из доставшейся им с Кевином.

– Мы все болтаем и болтаем, – в конце концов поняла Норма. Они сидели в ее гостиной и пили белое вино из больших бокалов. – А вам даже словечка не даем вставить.

– Все в порядке.

– Нет, это невежливо, – согласилась с подругой Джин.

Она откинулась на спинку дивана и скрестила длинные, стройные ноги. На щиколотке красовалась золотая цепочка, украшенная мелкими бриллиантами. Мириам почувствовала,

что они очень богаты. Обе квартиры были заполнены дорогими вещами. Дорогим было все: и огромные телевизоры, и эксклюзивные звуковые системы, и мебель, и утварь, и элементы декора.

– Честно говоря, я просто сижу и восхищаюсь вашими квартирами. У вас обеих столько прекрасных вещей.

– У вас будет то же самое, – подхватила Норма.

Мириам покачала головой. Ее глаза наполнились слезами.

– В чем дело, Мириам? – тут же спросила Джин.

– Ничего... Я просто не могу поверить... Все случилось так быстро. Мне кажется, что меня вырвали из одного мира и перенесли в совершенно другой... Не то чтобы это было плохо... Просто... просто...

– Это подавляет, – серьезно кивнула Норма. – Со мной было то же самое.

– И со мной, – повторила вслед за ней Джин.

– Но не стоит волноваться. – Норма наклонилась и похлопала Мириам по колену. – Не поверите, как быстро все это станет привычным. И вы будете наслаждаться своей жизнью. Правда, Джин?

– Она говорит правду, – торжественно произнесла Джин, и обе покатались со смеху.

Мириам сквозь силу улыбнулась, и тревога вроде бы отступила.

– Но давайте вернемся к вам. Чем вы занимались, когда ваш очаровательный молодой муж трудился на юридических галерах в этом... как его... Блисдейле? – спросила Норма.

– Да, в Блисдейле. Городок небольшой, но мы его любим. То есть любили. – Мириам помолчала. – Забавно, сейчас мне кажется, что я уехала оттуда давным-давно.

Ее охватило странное чувство, и она прижала руку к горлу. Женщины смотрели на нее с одинаковыми изумленными улыбками.

– Вообще-то, – произнесла Мириам, – я пыталась стать моделью, но мне удалось лишь выступить на показах в паре универмагов – и все. Я быстро поняла, что это не та карьера, о какой я мечтала. Я помогала отцу...

– Он дантист?

– Да. Я полгода работала в приемной, но потом решила сосредоточиться на Кевине и домашней жизни. В этом году мы хотели завести ребенка.

– Мы тоже, – сказала Норма.

– Простите?

– Мы тоже собираемся в этом году завести детей, – повторила Норма, глядя на Джин. – Честно говоря...

– Мы решили зачать их одновременно, хотя наши мальчики об этом и не догадываются. – Обе рассмеялись. – Может быть, теперь и вы присоединитесь к нам.

– Присоединюсь к вам? – Мириам была удивлена.

– Ну да! Мистер Милтон предложил это Джин на одной из вечеринок. Подождите, пока вы увидите его пентхаус. Он просто обязан устроить вечеринку – ведь в фирме появился новый партнер.

– У него прекрасные вечеринки – изысканная еда, музыка, интересные гости...

– Как это «мистер Милтон предложил нам»? – Мириам повернулась к Джин.

– Порой у него странное чувство юмора. Он знал, что в этом году мы решили завести детей, поэтому отозвал меня в сторону и сказал, что было бы славно, если бы у нас с Нормой дети родились в одно и то же время, может быть, даже на одной неделе. Я рассказала Норме, и она решила, что это замечательная идея.

– Мы спланировали настоящую кампанию, отмечаем дни в своих календарях, ну и все такое, – серьезно сказала Норма, но тут же расхохоталась.

Джин неожиданно перестала смеяться.

– Мы покажем вам наши планы. Может быть, вы присоединитесь к нам, если, конечно, вы с Кевином уже не...

– Нет, пока нет.

– Отлично!

Мириам поняла, что они не шутят.

– Вы говорите, ваши мужья ни о чем не знают?

– Даже не догадываются, – ответила Норма.

– Но ведь вы же не рассказываете мужу абсолютно все, верно? – поинтересовалась Джин.

– Мы очень близки, и такой важный вопрос...

– Мы тоже близки, – перебила ее Норма. – Но Джин права. У вас должны быть личные, женские секреты. Нас трое, и нам хорошо вместе. Мужчины – существа замечательные, особенно наши... Но, в конце концов, они просто мужчины!

– Ты должна была сказать «нас четверо», – поправила ее Джин. Норма поняла ее не сразу. – Нас *четверо*, и нам хорошо вместе. Ты забыла Хелен.

– А, да, Хелен... В последнее время мы редко видимся. Она стала... очень замкнутой, – сказала Норма, отмахиваясь от подруги, и они снова покатались со смеху.

– Что вы имеете в виду?

– Да, разумеется, мы несправедливы. После смерти Глории Джеффи у Хелен случилось что-то вроде нервного срыва, и теперь она на таблетках. Она проходит курс терапии... Но все равно она замечательная, добрая и очень красивая женщина.

– Глории Джеффи?

Норма и Джин переглянулись.

– О, простите, – сказала Джин. – Я думала, вы знаете о Джеффи. – Она повернулась к Норме. – Похоже, я проболталась.

– Похоже, да, партнер.

– Кто такие Джеффи? – спросила Мириам.

– Впрочем, вы все равно скоро обо всем узнали бы. Просто мне не хотелось первой опрокидывать на вас ушат с холодной водой. Вы сегодня так счастливы...

– Все в порядке. Мне нужно немного охладиться. Наивно было бы думать, что здесь все в шоколаде.

– Отличное отношение, – улыбнулась Норма. – Мне нравится. Наконец-то в нашей группе появится человек, умеющий видеть перспективу. Нас с Джин иногда заносит. А Хелен сейчас так подавлена. Мы просто стараемся избегать неприятного.

– Расскажите же мне о Джеффи, – настаивала Мириам.

– Ричард Джеффи – это адвокат, место которого занял ваш муж. Его жена умерла при родах, и он покончил с собой, – быстро проговорила Джин.

– Господи, оже!

– Да. У них было... все, ради чего стоило жить. Ребенок, мальчик, родился здоровым, – сказала Норма. – Ричард был блестящим адвокатом. Дейв говорит, что Ричард обладал самым острым умом, с каким ему только доводилось сталкиваться. Включая мистера Милтона.

– Какая трагедия! – Мириам на минуту задумалась, потом до нее дошло: – Они жили в нашей квартире, верно? – Норма и Джин кивнули. – Я думала... детская...

– Мне так жаль, что я вас расстроила, – застонала Джин.

– Нет, – нет, все в порядке. А как умер мистер Джеффи?

Норма нахмурилась и отвернулась.

– Он выбросился с балкона, – быстро ответила Джин. – Ну вот, теперь я рассказала вам все. Если вы расстроитесь, Тед будет во всем винить меня.

– Нет-нет, я уверена...

– Дейв тоже не обрадуется, что я принимала в этом участие, – добавила Норма.

– Нет, действительно все в порядке. Я с этим справлюсь. Просто Кевин должен был рассказать мне все с самого начала.

– Он, наверно, пытается вас защитить. Как любой хороший муж. Дейв и Тед такие же, правда, Джин?

– Точно! Не вините их за это, Мириам.

– Но мы же не дети! – воскликнула Мириам.

Ее реакция не обидела собеседниц. Они снова расхохотались.

– Нет, мы не дети, – сказала Норма. – Но нас любят, балуют, защищают. Вы даже не понимаете, насколько это важно, но, поверьте мне... поверьте нам, очень скоро вы поймете, как это замечательно. Вот мы с Джин никогда не спрашиваем наших мужей о грязных деталях их процессов, и мальчики никогда не говорят об этом в нашем присутствии.

– Они такие заботливые, – добавила Джин.

Мириам переводила взгляд с одной на другую, но потом успокоилась. Может быть, это и правильно. Может быть, если бы она не вникала в подробности дела Лоис Уилсон, то не так расстраивалась бы тому, как Кевин выиграл этот процесс. И тогда его успех ее настоящему порадовал бы. Ведь в этом успехе был и ее вклад.

– В конце концов, – Норма решила довести дело до конца, – они так много работают, чтобы у нас была приятная жизнь.

– И меньшее, что мы можем сделать, – подхватила Джин, – это облегчить им эту задачу. Они снова рассмеялись в унисон и выпили вина.

Мириам молчала.

– Расскажите мне о Хелен Сколфилд, – попросила она. – Как она себя чувствует?

– Ей лучше. Терапия творит чудеса. Как только мистер Милтон узнал о ее проблеме, то тут же рекомендовал хорошего специалиста, – сказала Норма.

– И она снова начала рисовать, – добавила Джин. – Это очень помогает.

– Да, да! Она отлично рисует. Уверена, что она будет рада показать вам свои работы.

– Она отлично рисует! Похоже на Шагала, но есть что-то и от Гудфелоу. Помнишь, того художника-абстракциониста, которого мы видели в галерее Симмонса в Сохо в прошлом месяце? – сказала Джин. Норма кивнула.

Мириам покачала головой и улыбнулась.

– Что-то не так? – насторожилась Джин.

– Вы такие... такие столичные, – сказала Мириам, вспомнив слова Кевина. – Вы берете все абсолютно спокойно и ничего не боитесь. Это замечательно. Я вами восхищаюсь.

– Похоже, вы одна из тех затворниц, которые обитают в мире вашего Лонг-Айленда, – внезапно посерьезнев, сказала Джин. – Я права?

Мириам на минуту задумалась. Иногда она действительно чувствовала себя такой. В 12 лет родители отправили ее в частную школу. Оттуда она перешла в закрытый средний колледж, потом в колледж и школу моделей. Ее всегда баловали, всегда защищали.

И Кевин с первого дня их семейной жизни относился к ней так же. Теперь ей уже казалось, что в «Бойл, Карлтон и Сесслер» он пошел только потому, что ей хотелось вести такую жизнь в Близдейле... Может быть, она мешала его карьере? Может быть, они и раньше могли жить так, как сейчас? Ей неприятно было считать себя эгоисткой, но все же...

– Думаю, вы правы.

– У нас с Нормой всегда была очень обеспеченная жизнь. Отец Нормы – пластический хирург, у него приемная на Парк-авеню. Они всегда жили в Ист-Сайде. Мои родители тоже очень состоятельные люди из округа Саффолк. Мой отец – брокер, а мама занимается недвижимостью. Она могла бы и Бруклинский мост продать.

– Она такая, – кивнула Норма. – Я ее знаю.

– Но вам не нужно беспокоиться, – снова заговорила Джин. – Вы очень скоро станете похожей на нас и будете совершать такие же безумства. Захотите вы или нет, – пророчески добавила она.

Повисла неловкая пауза, потом Норма расхохоталась. Джин тоже засмеялась. И Мириам рассмеялась – будто предсказание Джин начало сбываться.

Глава 6

Выйдя из конференц-зала, адвокаты разошлись по кабинетам – работать над своим делами. Кевин простился и направился к себе. Он уселся в удобное кожаное кресло и раскрыл папку, которую передал ему Милтон. Он начал просматривать материалы, вырабатывая тактику защиты и делая пометки. Примерно через час он откинулся на спинку кресла, потряс головой и улыбнулся. Если остальные и знали, что поручил ему мистер Милтон, то никак этого не показали. Это было дело, способное мгновенно упрочить репутацию молодого адвоката, поскольку внимание прессы было обеспечено. И Джон Милтон решил поручить это дело ему.

Ему! Даже его воспаленное эго и неутолимое честолюбие не были готовы к такой возможности – ведь в конторе было еще три адвоката, гораздо более опытных в уголовном законодательстве.

Неудивительно, что Джон Милтон хотел, чтобы он приступил к работе немедленно. Об этом деле только начинали писать газеты. Судя по сопроводительной записке Джона Милтона, его потенциального клиента собираются обвинить в убийстве жены.

Чуть более двадцати лет назад 41-летний Стэнли Ротберг женился на Максине Шапиро, единственной дочери Эйба и Перл Шапиро – владельцев одного из самых больших и известных курортных отелей в горах Кэтскилл. Отель находился в Сэндберге, небольшом городке неподалеку от того места, где Пол Сколфилд начинал свою карьеру. Кевину было ясно, что Пол гораздо лучше подходил для этого дела, потому что хорошо знал окрестности. Отель Шапиро быстро сделал себе репутацию – здесь выступали знаменитости, отель существовал очень давно, а примерно десять лет назад здесь стали готовить булочки с изюмом по рецепту самой Перл Шапиро. Булочки пользовались популярностью в супермаркетах и широко рекламировались по телевизору.

Эйб и Перл Шапиро уже умерли. Стэнли Ротберг начинал уборщиком посуды, потом стал официантом в гостиничном ресторане. Он познакомился с Максиной Шапиро, очаровал ее, и они поженились – все знали, что Эйб и Перл не одобряли этот брак. Однако неудивительно, что Ротберг тут же стал главным управляющим одного из крупнейших отелей курортного района.

Максина оказалась женщиной болезненной. У нее развился лабильный диабет, она потеряла ногу и последние несколько лет была прикована к инвалидному креслу. При ней неотлучно находилась сиделка. В прошлые выходные ее обнаружили мертвой – результат передозировки инсулина. Мистер Милтон был уверен, что Стэнли Ротберга обвинят в убийстве первой степени. Все знали, что у него была подружка на стороне. У Ротбергов не было детей, поэтому он был единственным наследником многомиллионного состояния – крупного отеля и пекарни. Тут был и мотив, и возможность.

Кевин почувствовал, что в кабинет кто-то вошел. В дверях стоял Джон Милтон. Кевина поразило, как быстро этот человек меняет внешность. При каждой встрече он был разным. Сейчас он показался Кевину более плотным, высоким и даже более старым. Он заметил морщины на его лице, которых не видел прежде. Или это просто игра света?

– Уже разбираетесь? Отлично, Кевин. Мне нравится, когда мои партнеры берутся за дело засучив рукава, – сказал Милтон. – Если вам удастся сохранить этот напор, этот голод, в суде вас ждет успех.

– Я читал об этом деле в воскресной газете. Насколько я знаю, обвинения еще не предъявлены. Но, как я понял, вы считаете, что обвинят Стэнли Ротберга?

– Вне всяких сомнений. – Джон Милтон вошел в кабинет, и морщины исчезли с его лица. – Мои источники сообщили, что арест – это дело ближайших дней.

– Полагаю, мистер Ротберг тоже так думает? Когда вы с ним встречались?

– Я еще с ним не встречался, Кевин.

– Извините?

– Я хотел, чтобы вы были знакомы с делом, когда он к нам обратится. Он будет нервничать оттого, что его защиту я поручил такому молодому адвокату, но когда он поймет, насколько вы компетентны...

– Не понимаю. – Кевин закрыл папку и сел в кресло. – Вы говорите, что мы еще не взялись за это дело?

– Формально нет, но возьмемся. Почему бы не забежать вперед и не запланировать нашу встречу со Стэнли Ротбергом в начале следующей недели. По моему разумению, до этого времени его не арестуют. Я устрою официальное предъявление обвинения и залог.

– Но почему вы думаете, что он обратится к нам? Он вам звонил?

Джон Милтон уверенно улыбнулся, его глаза снова полыхнули пламенем – на сей раз чуть ярче.

– Не волнуйтесь. Когда у него возникнут неприятности, он поймет, куда идти. У нас есть общие знакомые, которые с ним уже говорили. Уж поверьте мне. В любом случае вы должны изучить все медицинские данные касательно его жены.

– Разумеется, – кивнул Кевин.

Его мысли путались, он не понимал, в чем дело. Конечно, подобная перспектива не могла его не радовать, но он испытывал странную неуверенность. Почему мистер Милтон так быстро предложил новому сотруднику столь важное дело? Не следовало ли начать с чего-то более простого, прежде чем браться за нечто подобное?

– Уверен, вы уже представляете себе эту защиту. Вам что-то пришло в голову?

– Ну... я думал... Я прочел, как страдала Максина Ротберг. У них со Стэнли не было детей. Она была прикована к инвалидному креслу. Она вела жизнь затворницы посреди яркого и роскошного мира. Она, несомненно, была очень подавлена и несчастлива.

– Вы угадали мои мысли... Самоубийство!

– Исходя из того, что мы имеем, она иногда сама делала себе инъекции, несмотря на присутствие сиделки.

Джон Милтон улыбнулся и покачал головой.

– Вы очень вдумчивый молодой человек, Кевин. Уверен, я буду более чем удовлетворен вашей работой. Поинтересуйтесь и сиделкой тоже. Мы сможем многое использовать, ручаюсь.

Милтон повернулся, чтобы уйти, но Кевин остановил его.

– Мистер Милтон...

– Да?

– Как вы собрали все это? – Кевин указал на закрытую папку. – Откуда такая подробная информация?

– У меня есть частные детективы, которые работают исключительно на меня. Я буду вас время от времени знакомить, чтобы они общались непосредственно с вами. Кое-что есть в моих компьютерных файлах. – Милтон коротко рассмеялся. – Вы слышали об адвокатах, которые связаны со «Скорой помощью»? Ну а мы выискиваем интересные преступления. Здесь очень важна агрессивность, Кевин. Она приносит гораздо больше, чем вы можете себе представить.

Кевин кивнул, и мистер Милтон вышел. Он снова уселся за стол.

Он был прав. Городской мир отличался от его прежнего мира, и существенно. Это Нью-Йорк, где лучшие соревнуются между собой – и побеждают лишь самые сильные. «Бойл, Карлтон и Сесслер» бледнели перед такой фирмой, как «Джон Милтон и партнеры». Подумать только, на заре своей адвокатской карьеры они казались ему какими-то особенными.

Его завораживал их образ жизни. Но они были слабыми, вялыми, умирающими в своем комфорте. Где были трудности? Где сложные дела? Когда они в последний раз хоть чем-то рисковали? Кевин уже перерос их на голову. Никто из них не решился представлять интересы Лоис Уилсон, а потом они встревожились, потому что на их лилейно-белоснежной репутации могло появиться пятно. Самым большим приключением в их жизни было посещение нового изысканного ресторана. И он чуть было не стал одним из них!

Джон Милтон спас его. Именно – спас!

Кевин быстро поднялся, взял папку под мышку и вышел из кабинета.

– Мистер Тейлор, – окликнула его Венди, поднимаясь из-за своего стола, как русалка из морской пены. – Извините. Я не видела, как вы вошли.

– Все в порядке. Я просто хотел кое-что прояснить, но зачитался.

Венди кивнула. Ее карие глаза потемнели, словно она точно знала, что так привлекло его внимание. Она откинула назад волосы и посмотрела на папку у него под мышкой.

– Подождите минутку. – Венди повернулась и подошла к шкафу. Оттуда она достала алый кожаный кейс. – Я должна была вручить его вам, когда вы официально вступите в должность, но поскольку вы уже приступили...

Она протянула кейс Кевину. Темно-коричневые буквы цвета запекшейся крови гласили «Джон Милтон и партнеры». В нижнем правом углу он увидел надпись «Кевин Уингейт Тейлор».

– Очень красиво. – Кевин пробежался пальцами по выпуклым буквам.

Венди улыбнулась.

– У всех партнеров такие. Это подарок от мистера Милтона.

– Не забыть бы поблагодарить его. И вам спасибо, Венди.

– Да, сэр. Могу я еще что-нибудь сделать для вас?

Он на минуту задумался.

– Да. Соберите всю информацию о диабете и все, что известно об истории отеля Шапино в Кэтскиллских горах.

Венди широко улыбнулась.

– Все уже сделано, мистер Тейлор.

– Не может быть!

– Мистер Милтон просил об этом в прошлую среду.

– Отлично. Просто отлично. Я все заберу и начну работать. Спасибо.

– Хорошего дня, мистер Тейлор.

По пути он заглянул в кабинет Теда Маккарти, но тот разговаривал по телефону. Тед махнул ему, и Кевин двинулся дальше. Дверь кабинета Дейва Котейна была закрыта, поэтому он вышел в приемную и попросил Диану вызвать лимузин.

– Машина будет ждать вас у входа, мистер Тейлор. Распоряжайтесь ею по своему усмотрению. Харон нам не понадобится до конца дня.

– Спасибо, Диана.

– Хорошего дня, мистер Тейлор.

– Вам тоже.

Мягкий толстый ковер пружинил под ногами. Секретарши были не просто красивы и вежливы, они были дружелюбными, искренними... возбуждающими. Все в этом офисе было приятным – цвета, энергетика, новизна. Ему не хотелось уходить.

Кевин спустился на лифте, помахал охраннику в вестибюле, и тот ответил, словно они были старыми друзьями. Пройдя через вращающиеся двери, Кевин остановился и прищурился. Тяжелые, темные тучи заметно поредели, и лучи полуденного солнца отражались от стекол, луж на тротуаре и блестящего лимузина. Харон открыл перед ним дверь и отступил.

– Спасибо, Харон. Сначала поедем домой, а потом в «Русскую чайную» обедать.

– Прекрасно, мистер Тейлор.

Водитель мягко закрыл дверцу, и через мгновение машина тронулась с места. Кевин откинулся на спинку и закрыл глаза. Ему нужно было так много рассказать Мириам. Он был уверен, что они проболтают весь обед и всю дорогу до Блисдейла. А когда он расскажет, какое первое дело ему поручил Джон Милтон...

Он открыл глаза и провел рукой по кейсу, потом открыл его и посмотрел на папку. Очень скоро она станет толстенной. Это точно. Кевин улыбнулся. Тоже мне, опытный адвокат! Все материалы уже подготовлены и ждут его. Ну и фирма – частные детективы, компьютеризированная библиотека, эффективные секретари... Кевин почувствовал себя увереннее. При такой поддержке он просто обязан добиться успеха.

Тут неожиданно ему вспомнились слова Венди, и он задумался. Может быть, он неправильно расслышал? Он открыл папку и посмотрел на даты, чтобы удостовериться.

Венди сказала, что мистер Милтон запросил информацию по диабету и отелю Шапиро в прошлую среду. Но Максину Ротберг нашли мертвой в ее постели лишь в эти выходные. Почему же мистер Милтон интересовался этой информацией уже в среду? Наверное, Венди ошиблась или он неправильно ее понял. Кевин закрыл кейс.

Конечно же, это недоразумение – а что же еще?

– Еще вина? – предложила Норма, наклоняя бутылку к бокалу Мириам.

– Нет, спасибо. Думаю, мне лучше вернуться в свою квартиру. Кевин будет искать меня.

– Ну и что?

– Пусть он тебя найдет! – сказала Джин. Она посмотрела на Мириам и покачала головой. – Вижу, нам с тобой есть над чем поработать, Норма.

– Мужчины порой воспринимают женщин как должное. Нам следует держать их на коротком поводке, сохранять таинственность, заставлять задумываться. Иначе превратишься в очередное имущество.

– Кевин не такой, – возразила Мириам.

– Чепуха, – отмахнулась Джин. – Он мужчина. И этого не изменить.

Норма и Джин снова рассмеялись. Они показались Мириам простыми девчонками, их глаза проказливо блестели.

Она не успела ответить, как прозвонил звонок.

– Это должно быть Кевин, – сказала Мириам.

Они поднялись и направились к двери. Норма обняла Мириам.

– Не могу дождаться, когда вы переедете, – сказала она. – Общение с тобой даст нам возможность снова сделать прекрасные открытия.

Джин открыла дверь ипустила Кевина.

– Привет! Вы нас нашли. – Она повернулась к Мириам и подмигнула. – Мы так и думали, что у вас получится.

– Простая дедукция, – улыбнулся Кевин и посмотрел на Мириам. – Хорошо провела время?

– Отлично, просто отлично!

– Вам не стоит беспокоиться, – улыбаясь, проговорила Джин и снова подмигнула Мириам. – Она уже одна из нас.

– Надеюсь, это к лучшему, – пошутил Кевин.

Он явно заигрывал, и девушки захихикали. Норма обняла и поцеловала Мириам, потом Джин сделала то же самое.

– Скоро увидимся, – сказала Мириам.

Девушки стояли в дверях и улыбались. Кевин и Мириам направились к лифту.

– Похоже, вы трое подружились? – спросил Кевин.

– Да.

– Не слышу радости в голосе, – осторожно произнес Кевин.

В лифте Мириам молчала. Прежде чем двери открылись, она повернулась к мужу:

– Почему ты не сказал мне о Джеффи?

Кевин кивнул.

– Я должен был догадаться, что они скажут. – Он сделал глубокий вдох. – Это печальная история, и мне не хотелось портить впечатление от квартиры. – Кевин повернулся к жене. – Я обязательно сказал бы тебе. Прости меня. Не следовало скрывать это от тебя. Просто мне хочется окружать тебя красотой и счастьем. Мне хочется, чтобы в нашей жизни наступило лучшее время, Мириам.

Мириам кивнула. Все было так, как говорили Норма и Джин – Кевин хотел оградить ее от печали и депрессии. Она решила, что не стоит винить его за это.

– История трагическая, но нас она не касается, – сказала она.

Кевин просиял.

– Я тоже так думаю. – Он обнял жену.

– Почему мы вышли здесь? – спросила она, поняв, что они оказались в вестибюле. – Разве нам не нужно в гараж?

– У меня есть сюрприз. – Кевин указал на входную дверь. Когда они выходили, Филипп поднялся, чтобы проводить их. – Это Филипп, Мириам, дневной дежурный.

– Рад познакомиться с вами, миссис Тейлор. Если у вас возникнут какие-то проблемы или вам что-то понадобится, сразу же обращайтесь ко мне.

– Спасибо большое.

Филипп распахнул перед ними дверь. Когда они вышли, Харон открыл дверцу лимузина.

– Что это? – спросила Мириам, глядя на машину и на Харона.

– Это служебный лимузин. Он всегда в распоряжении партнеров. Харон, это моя жена, Мириам.

Харон кивнул. Его миндалевидные глаза смотрели на нее так пристально, но Мириам смутилась и инстинктивно прикрыла руками грудь.

– Здравствуйте, – сказала она и быстро проскользнула внутрь. Следом за ней вошел Кевин. – Куда мы едем?

– В «Русскую чайную», – ответил Кевин. – Я заказал столик по телефону из лимузина, как только выехал из офиса. Коктейль, мадам? – предложил он, открывая мини-бар. – Могу сделать твой любимый, «Кровавую Мэри».

Коктейли в роскошном лимузине, обед в «Русской чайной», невероятная квартира на Риверсайд-драйв, восхитительные молодые подружки – Мириам только головой качала. Заметив выражение ее лица, Кевин рассмеялся.

– Думаю, стоит сделать два и присоединиться к тебе, – сказал он.

Коктейль еще больше улучшил настроение Мириам.

– Ну, – сказал Кевин, сделав напитки и откинувшись на спинку, – расскажи мне о наших соседях. Что это за люди?

– Поначалу они кажутся немного утомительными, особенно когда я вспоминаю наших знакомых в Блисдейле. Порой они такие столичные и глубокие, а потом вдруг превращаются в девочек-подростков. Но с ними весело, Кев.

– Прости, я оставил тебя так надолго, но...

– Знаешь, я даже не заметила времени. Они заболтали меня.

Мириам стала описывать квартиру Джин и Теда, потом перешла к Норме. Она болтала без умолку, рассказывала ему все подробности о своих новых подружках, кроме, разумеется,

планов одновременного зачатия и того, как они обрадовались, узнав, что она еще не беременна.

Она хотела рассказать Кевину и об этом. Она почти рассказала – раз или два. Но каждый раз, начиная, она представляла себе Норму и Джин и то, что они почувствуют, узнав, что она раскрыла их первый секрет. Это может разрушить их дружбу, которая еще даже и не началась. Да и зачем об этом говорить? Это невинная, почти смешная идея, которая вряд ли осуществится так, как они задумали.

После обеда они вернулись в свою квартиру, чтобы еще раз все осмотреть перед возвращением в Блисдейл. Мириам хотела точно убедиться, что это не сон. Кевин ждал у входной двери, а она еще раз обошла все комнаты.

– Какая прекрасная квартира, правда, Кев? – спросила Мириам, словно желая получить подтверждение своим чувствам. – Но неужели он может позволить себе сдать ее нам бесплатно? Он мог бы получить целое состояние, сдавая эту квартиру, верно?

– Он каким-то образом оформляет это для получения налогового вычета. Впрочем, как говорил мой дед, дареному коню...

– Знаю, знаю, но все же...

Однако дурные предчувствия ее не покидали. Прекрасная новая работа Кевина, роскошная новая квартира, замечательные новые друзья... Разве бывает такое, чтобы все хорошее случалось разом?

– Зачем бороться с удачей? – спросил Кевин.

Она повернулась к нему, и он пожал плечами. Мириам улыбнулась. Кевин был прав. Почему бы не расслабиться и просто не насладиться жизнью? Кевин обнял жену.

– Я люблю тебя, Мириам. Я готов на все, лишь бы ты была счастлива.

– Я и раньше не жаловалась, Кев.

– Знаю, знаю, но почему бы нам не получить все это, если мы можем?

Он поцеловал Мириам, они еще раз взглянули на квартиру и вышли.

Насколько другой была дорога в Блисдейл, совсем не такой, как утром. Когда они ехали в Нью-Йорк, Мириам почти всю дорогу молчала. Но после обеда в «Русской чайной» и до того момента, когда Кевин остановил машину возле их дома в Блисдейл Гарденз, Мириам не умолкала. Если он и боялся, что Мириам не понравятся перемены в их жизни, то теперь все страхи развеялись. Она буквально лучилась энтузиазмом.

По дороге домой он несколько раз пытался рассказать ей о тех делах, которые обсуждали на совещании, и о собственном деле, но стоило ему начать, и она тут же прерывала его очередным предложением относительно новой квартиры. Казалось, она не хочет ничего знать о его работе. Странно, ведь раньше она всегда вникала во все детали дела, даже если речь шла о скучных вопросах недвижимости. В конце концов он махнул рукой и целиком сосредоточился на дороге.

Только когда показался Блисдейл, Мириам немного успокоилась. Словно они пересекли какую-то невидимую границу и вернулись из мира мечты в реальность. Утренние тучи окончательно рассеялись. Чистое ноябрьское небо сверкало голубизной. Дети с визгом и криками выпрыгивали из школьного автобуса, и их голоса разносились в чистом, холодном воздухе.

Солнце растопило почти весь снег, выпавший ночью. Лишь кое-где на газонах и лужайках остались небольшие клочки снежного покрова. Но детям было достаточно и этого. Стоило им сойти с автобуса, как мальчишки и даже некоторые девочки начали кидаться снежками друг в друга. Кевин улыбнулся, наблюдая за ними. Пока дети выходили, на широкой улице за автобусом собралась небольшая очередь из машин. Большие деревья укрывали их от солнца. Сельская роскошь и умиротворение разительно контрастировали с тем бурлящим,

кипящим, полным энергии городом, откуда они только что приехали. И эта картина успокаивала. Мириам откинулась на спинку. На ее губах играла мягкая, ангельская улыбка.

– Как бы мне хотелось сохранить и то, другое, Кев, – медленно сказала она, поворачиваясь к нему. – Энергию Нью-Йорка и спокойствие Блисдейла.

– А мы и сохраним! Мы сможем! – вдруг сказал Кевин. Глаза его блеснули от возбуждения. – Если нам не придется платить за квартиру, мы можем серьезно подумать о летнем доме на Лонг-Айленде.

– Верно! О, Кевин, мы же сделаем это, правда? У нас будет все!

– Почему бы и нет? – рассмеялся он. – Почему бы и нет?

Кевин решил не рассказывать жене о первом деле в «Джон Милтон и партнеры», пока не вернется из «Бойл, Карлтон и Сесслер», хотя его буквально переполнял восторг и энтузиазм. Он подумал, что и она тоже будет гордиться им, когда все узнает.

Как только они подъехали к дому, Кевин сказал, что с Сэнфордом Бойлом следует встретиться прямо сегодня. Нужно сообщить ему о принятом решении.

– Не могу дождаться этого момента – я буду получать вдвое больше! А они еще так гордились собой!

– Не будь высокомерным, Кев, – предостерегла его Мириам. – Ты сильнее их, но не забывай: высокомерие ни к чему хорошему не приводит.

– Ты права. Попробую вести себя, как... как повел бы мистер Милтон, – кивнул Кевин. – У этого человека есть стиль.

– Не могу дождаться, когда мы познакомимся. Норма и Джин говорили о нем, ты постоянно говоришь о нем. Мне уже кажется, что этот человек – как Рональд Рейган, Пол Ньюмен и Ли Якокка в одном лице.

Кевин рассмеялся.

– Верно, верно... Может быть, я и преувеличиваю, но, признаюсь, он произвел на меня самое глубокое впечатление. Ты всегда мыслила более трезво. Хорошо, что ты рядом со мной – ты помогаешь мне не отрываться от земли, Мириам.

– Наверное, так оно и есть, – согласилась она. – Норма и Джин говорили мне то же самое.

– Правда? А почему бы и нет? Они сразу почувствовали в тебе восприимчивого и интеллигентного человека – и это неудивительно.

– О, Кев...

Он поцеловал ее в щеку.

– Пожалуй, стоит позвонить родителям, – сказала Мириам, выбираясь из машины. – Твоим звонить?

– Я сам позвоню им вечером.

Она наблюдала, как Кевин отъезжает от дома, и ее возбуждение все больше нарастало. Она сделала глубокий вдох и огляделась. Ей все здесь нравилось. Безмятежность, спокойствие маленького городка, простота жизни давали ей ощущение баланса и позволяли жить в мире с самой собой. Они уже многого добились, гораздо большего, чем многие люди в их возрасте. Не проявляют ли они алчность? Или Кевин прав, когда возмущается тем, что другие люди, которые ничуть не умнее его, имеют намного больше?

Мириам подумала, что она не должна удерживать мужа. Но ей никак не удавалось избавиться от неприятного ощущения в груди. Впрочем, не стоит беспокоиться. Это естественная реакция. Кто не волновался бы после таких глобальных перемен в жизни?

Мириам поспешила в дом, обдумывая планы сборов и переезда – ведь времени совсем немного.

Секретарши в «Бойл, Карлтон и Сесслер» сразу почувствовали перемену, произошедшую с Кевином. Кевин заметил это по выражению лица Миры, как только вошел в офис.

– Мира, мистер Бойл у себя?

Большие карие глаза пристально изучали его, но он спрятался за привычной улыбкой, словно под маской.

– Да.

– Узнайте, пожалуйста, не сможет ли он уделить мне десять минут. Я буду в своем кабинете.

Каким маленьким, незначительным, даже удушающим показался ему этот кабинет. Войдя, Кевин чуть не расхохотался. Стол был вдвое меньше того, что стоял в его кабинете у Джона Милтона. Кевин ощущал себя, как человек, за один день сменивший крохотный «Шевроле» или «Форд» на «Мерседес». Что ждало его здесь после успешного завершения дела Лоис Уилсон? Он смотрел на папки, лежавшие на его столе, – подросток, угнавший соседскую машину, чтобы покататься; завещание, подготовленное для Бенджаминов; штраф за превышение скорости Бобу Паттерсону, с которым нужно было разобраться. Какая чушь!

Кевин сел в кресло и положил ноги на стол. «Прощай, каморка! – думал он. – Прощайте, тоска, зависть, бесплодные мечтания! Прощайте, мелкое мышление и мелкие перспективы! Здравствуй, Нью-Йорк!»

Позвонила Мира.

– Мистер Бойл готов встретиться с вами прямо сейчас, мистер Тейлор.

– Прекрасно, Мира, – чуть ли не пропел он. – Спасибо!

Кевин быстро поднялся, выпрямился, еще раз оглядел кабинет и отправился к Сэнфорду Бойлу, чтобы сообщить о своем уходе.

– Понимаю... Значит, то предложение показалось вам привлекательным? – Брови Бойла поползли друг к другу, словно страдающие гусеницы.

– Вдвое больше денег, чем здесь. Даже если бы я стал полноправным партнером, Сэнфорд. – Брови Бойла чуть не уползли с его лица. – Я буду работать в «Джон Милтон и партнеры».

– Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь о них слышал, Кевин, – произнес Сэнфорд Бойл.

Кевин пожал плечами. Это его не удивило. Ему так и хотелось сказать: «Вы и ваши «полноправные» партнеры вообще ничего не знаете о мире за пределами вашего драгоценного Блисдейла. Но поверьте мне, Сэнфорд, тот мир гораздо больше, шире и интереснее вашего!»

Но он этого не сказал; совет Мириам не быть высокомерным помог ему сдержаться. Он просто вернулся в свой кабинет и собрал личные вещи. Мира, Мэри и Тереза не пришли пожелать ему удачи. Когда он складывал вещи в машину, они смотрели на него с разочарованием и неодобрением. Он вырвался из-под их контроля. Деревенские, нетерпимые к честности, ограниченные, жалкие существа! *«Типичное мышление маленького городка, – подумал он. – Они осуждают меня за то, что я хочу быстро и кардинально изменить свою жизнь к лучшему!»* Он был уверен, что они считают его неблагодарным. *«Им хотелось бы, чтобы я ползал и умолял, – думал он. – То-то они удивятся, прочитав обо мне в «Нью-Йорк таймс», когда начнется дело Ротберга».*

Оказавшись в машине, Кевин ощутил облегчение и радость. Но Мэри Экерт оказалась не столь стойкой, как две другие секретарши. Она все же подошла к нему проститься.

– Мы очень расстроены и огорчены тем, что все сложилось именно так, мистер Тейлор, – сказала она.

– Надеюсь, вы еще порадуетесь за меня, Мэри. Вы знаете, я не пропаду.

Он захлопнул дверцу. Мэри стояла возле машины, сложив руки и глядя на нее. Он опустил окно.

– Как бы то ни было, спасибо вам за все. Вы всегда были очень эффективным и компетентным секретарем, Мэри. Я высоко ценю вас.

Ему не удалось избавиться от снисходительного тона – уж очень естественно он прозвучал сейчас. Мэри без улыбки кивнула. Машина тронулась, и Мэри направилась к офису. Неожиданно она обернулась, словно что-то вспомнив.

– Я не должна была говорить вам... Но он был так груб по телефону...

– Кто?

– Гордон Стэнли, отец Барбары Стэнли.

– Да? И что он сказал? Впрочем, теперь это неважно.

– Он сказал, что когда-нибудь вы поймете, что сделали, и возненавидите себя.

Кевин понимал, что Мэри разделяет те же чувства. Он просто покачал головой и уехал, а Мэри продолжала смотреть ему вслед.

Все это немного подпортило Кевину настроение. К счастью, на помощь пришел Джон Милтон. Он словно почувствовал, что происходит с Кевином. Мириам встречала его у дверей дома. На ее лице сияли те же радость и восторг, как и в тот момент, когда она впервые увидела нью-йоркскую квартиру.

– Кевин! Ты не представляешь! Как это трогательно!

– Что?

– Посмотри. – Мириам провела его в гостиную. – Это привезли через пять минут после твоего отъезда.

На столе в гостиной огромный букет – две дюжины кроваво-красных роз.

– Он прислал мне цветы! – воскликнула Мириам.

– Кто?

– Мистер Милтон, дурачок! – Она достала карточку и прочла: «Мириам в день начала прекрасной новой жизни. Добро пожаловать в семью. Джон Милтон».

– Надо же!

– О, Кевин, я никогда не думала, что могу быть так счастлива!

– Я тоже, – пробормотал он. – Я тоже.

Своевременный и продуманный подарок Джона Милтона, словно факел, пылающий во мраке, развеял последние сомнения Тейлоров по поводу расставания с Блисдейлом.

Глава 7

Когда Тейлоры прибыли с грузчиками и вещами, Норма и Джин уже поджидали их возле квартиры. Девушки оделись в джинсы и футболки – они были готовы к работе.

– Это так мило с вашей стороны! – воскликнула Мириам.

– Пустяки! – отмахнулась Норма. – Мы теперь как три мушкетера!

Девушки подхватили ее под руки и запели: «Один за всех и все за одного!» Мириам рассмеелась, и они принялись распаковывать коробки, а Кевин руководил расстановкой мебели. Как только в гостиной появилась стереосистема, Норма настроила ее на ретрорадиостанцию, и они с Джин стали подпевать. Им удалось заразить Мириам своим праздничным настроением. Они смеялись и танцевали под музыку, переставляя вещи с места на место. Кевин покачал головой и улыбнулся. Эта тройка вела себя так, словно девушки знали друг друга всю жизнь.

Он был рад за Мириам. Ее подружки по Блисдейлу были очень сдержанными и консервативными. Ей редко удавалось по-настоящему расслабиться и подурчиться.

Настало время обеда. Они заказали пиццу. Кевин принял душ и переоделся, чтобы чуть попозже отправиться в офис. Женщины обсуждали размещение картин, фотографий и прочих мелочей, а потом принялись за перестановку мебели.

Собравшись уходить, Кевин заглянул в гостиную и объявил, что уходит.

– Чувствую, что вам будет лучше, если я перестану вам мешать, – заявил он, и никто ему не возразил. – Неужели никто не хочет, чтобы я остался?

Три женщины, удивительно похожие друг на друга, остановились и посмотрели на него, как на чужака, который вторгся в их мир.

– Хорошо, хорошо, не просите. Я не могу остаться. Увидимся позже, дорогая. – Он поцеловал Мириам в щеку.

Закрывая за собой дверь и направляясь к лифту, он слышал смех, доносившийся из их квартиры. Ему было приятно, что все идет так хорошо. Он ощутил прилив сил. Ему захотелось немедленно начать работу.

Он нажал кнопку вызова лифта. И в этот момент в коридоре открылась и закрылась дверь. Кевин повернулся и увидел, что из квартиры Сколфилдов вышла женщина. Он решил, что это Хелен Сколфилд. Она несла картину, завернутую в коричневую бумагу. Она двигалась медленно, словно в трансе, с трудом передвигая ноги. Когда она вышла из тени на свет, Кевин смог ее рассмотреть. Хелен оказалась высокой, почти такого же роста, что и Пол, стройной, со светлыми волосами. Волосы длиной до лопаток были расчесаны на прямой пробор. Хотя движения ее были несколько неестественными, горделивой осанке можно было позавидовать. На Хелен была белая хлопковая блузка с рюшами на воротничке и рукавах. Блузка была тонкой, и Кевин сразу же обратил внимание на пышную грудь. Грудь Хелен Сколфилд была высокой и упругой. Даже под длинной и широкой крестьянской юбкой в цветочек Кевин разглядел длинные ноги и стройные бедра. Ремешки коричневых кожаных сандалий обхватывали узкие щиколотки.

Двери лифта открылись, но Кевин был настолько загипнотизирован появлением женщины, что даже не заметил, как они закрылись. Хелен повернулась к нему, в бледно-голубых глазах появилась улыбка. Потом она улыбнулась и светло-апельсиновыми губами. На ее переносице и щеках Кевин заметил крохотные веснушки. Кожа у Хелен была тонкой, на висках виднелись тонкие вены.

– Здравствуйте, – кивнул Кевин. – Вы миссис Сколфилд?

– Да. А вы наш новый адвокат, – ответила она так резко, словно ставила на нем клеймо на всю жизнь.

– Кевин. Кевин Тейлор. – Он протянул руку, и Хелен пожала ее свободной рукой.

У нее были длинные и изящные пальцы. Рука оказалась теплой, даже горячей, словно Хелен била лихорадка. На щеках появился легкий румянец.

– Я как раз собиралась к вам – небольшой подарок на новоселье. – Она подняла картину, чтобы продемонстрировать свой подарок. Картина была завернута, и Кевин так и не узнал, что же на ней изображено. – Я написала ее специально для вас.

– Спасибо, очень мило. Мириам говорила, что вы художница. Мириам – это моя жена, – пояснил Кевин. – Когда мы пришли посмотреть квартиру, нас навестили Норма и Джин. Думаю, они сплетничали обо всем и обо всех. Нет, не то чтобы мужчины этого не делали. Просто...

Кевин умолк, почувствовав, что начинает оправдываться. Хелен продолжала улыбаться, но глаза ее сузились и забегали, словно сканируя его лицо.

– Они все там, – добавил Кевин, указывая на свою дверь, – в квартире... мебель переставляют туда-сюда. – Он рассмеялся.

– Естественно. – Хелен посмотрела ему прямо в глаза так пристально, что он снова почувствовал себя неловко.

Кевин нервно кивнул.

– А я собрался... собрался заехать в офис ненадолго...

– Разумеется.

Он снова нажал на кнопку.

– Уверен, мы будем часто видеться, – произнес он, когда двери раскрылись.

Хелен не ответила. Она просто переступила с ноги на ногу, чтобы заглянуть в лифт, пока двери закрывались. Кевину показалось, что она смотрит на него с сожалением. Он почувствовал себя шахтером, которому предстоит спуститься в недра земли себе на погребель.

Как непохожа была эта женщина на двух других... Совершенно другая, подавленная и покорная. Точно, как говорил Пол – Хелен застенчива и замкнута. Но при этом он не мог припомнить, чтобы кто-нибудь когда-то смотрел на него так пристально. Может быть, потому что она художница? Да, художники всегда изучают лица людей, ища новые идеи, новые темы. И все же Хелен показалась ему весьма привлекательной. В ее лице была какая-то нежность и покой, которые делали ее похожей на ангела. И хотя они общались совсем недолго, ее пышная грудь и длинные ноги запали Кевину в душу. Ему нравились женщины, в которых была некая скрытая сексуальность. Секретарши в офисе Милтона были привлекательны, но слишком откровенно привлекательны, в них не было чего-то особенного. Они будили эротические чувства, но чувства эти были неглубокими, поверхностными. А вот в Хелен Сколфилд чувствовалась настоящая глубина.

Кевин постарался забыть о ней и поспешил к ожидающему его лимузину.

Все – от швейцара до секретарш – приветствовали его так тепло и смотрели с таким восхищением, что он преисполнился чувства собственной значимости. Не пробыл Кевин в кабинете и пяти минут, как ему позвонил Джон Милтон и попросил зайти к нему.

– Кевин, у вас все в порядке?

– Все прекрасно. Мириам велела мне поблагодарить вас за те прекрасные розы. Ей было очень приятно.

– Рад, что ей понравилось. О таких вещах следует помнить, Кевин, – отцовским тоном произнес Милтон. – Женщины любят, когда их балуют. Не забывайте говорить Мириам, насколько она важна для вас. Адам пренебрег Евой в раю – и дорого за это заплатил.

Кевин не понимал, следует ли рассмеяться или кивнуть. Милтон не улыбался.

– Я запомню.

– Уверен, что вы прекрасно относитесь к своей жене. Присаживайтесь же, – предложил Милтон, садясь сам. – Все вышло именно так, как я и говорил. Сегодня утром Стэнли Ротберга арестовали и предъявили обвинение в убийстве жены. Днем и вечером это будет на первых полосах газет и во всех новостях.

Кевин кивнул, затаив дыхание. Все сбывалось. Ему предстояло вести дело, которое многие адвокаты сочли бы кульминацией своей карьеры. Многим приходится долгие годы работать, прежде чем представится подобный случай, а в жизни большинства такого и не случается.

– Я знаю, что вы сейчас заняты – переезд и все такое. Но, думаю, вы сможете подготовиться к завтрашней встрече с Ротбергом?

– Конечно, – ответил Кевин. Он был готов работать день и ночь, если потребуется.

– Я уже говорил, что вам придется изучить все аспекты дела, чтобы продемонстрировать клиенту свою осведомленность и компетентность. Он должен почувствовать, что вы готовы агрессивно защищать его в суде.

– Разумеется, я так и сделаю.

– Отлично. – Милтон улыбнулся, и его глаза блеснули. – Именно этого я от вас и ожидал. Что ж, не буду вас задерживать. И если возникнут какие-то вопросы, сразу же обращайтесь ко мне. Кстати, – добавил он, открывая ящик стола и доставая оттуда визитку, – это мой домашний телефон. В справочнике его нет.

– Благодарю вас. – Кевин поднялся. – В какое время приедет Ротберг?

– Наша встреча назначена на 10 утра в конференц-зале.

– Отлично. – Кевин сглотнул. Сердце отчаянно колотилось в груди. – Пожалуй, пойду поработаю. Я очень признателен за то, что вы так верите в меня.

Венди уже принесла ему все документы, которые он запрашивал. Сначала он изучил информацию о диабете, чтобы быть в курсе симптомов и методов лечения.

Затем он стал изучать все детали, касающиеся сиделки Максины. Это была 52-летняя афроамериканка Беверли Морган. Беверли ухаживала за матерью Максины, когда та перенесла инсульт. Ее профессиональная репутация была безупречной, однако личная жизнь сложилась трагически. У нее было двое сыновей, но муж бросил ее, когда мальчики были еще совсем маленькими. У одного из сыновей к двадцати годам уже был большой криминальный опыт. Он даже успел дважды попасть в тюрьму. В 24 года он умер от передозировки героина. Второй сын женился, завел детей, но, как и его отец, бросил семью и теперь работал на Западном побережье.

Тяжелая жизнь не могла не наложить отпечаток на Беверли Морган. Хотя она не была настоящей алкоголичкой, но все же порой пила больше, чем следовало, – и это обращало на себя внимание. Как еще детективы мистера Милтона могли узнать об инцидентах в баре отеля и о том, что в ее комнате всегда есть бутылка про запас? Недаром мистер Милтон посоветовал ему обратить внимание на эту информацию. Беверли вполне могла совершить ошибку, вводя Максине инсулин. Как бы то ни было, это давало возможность для отвлекающего маневра, позволяло запутать присяжных, судью и сбить с толку обвинение. Если прокурор будет настаивать на том, чтобы вызвать Беверли Морган в качестве свидетеля обвинения, Кевин знал, как быстро дискредитировать ее показания.

Самый неоднозначный момент был связан с интрижкой Стэнли Ротберга. Из прочтенных материалов Кевину стало ясно, что все началось, когда Максина заболела. И Кевин решил именно на этом и построить свою стратегию. Сначала он подумал, что стоит предложить Стэнли сознаться в этом, а потом сказать, что он никак не мог бросить жену, особенно когда она тяжело заболела. Но в то же время он оставался мужчиной – со всеми мужскими потребностями. Кевин подумал, что эту тему вполне можно было бы развить. Присяжные

ценят честность, даже когда человек сознается в аморальном поступке. Он представил, как Ротберг дает показания, с горечью рассказывая о трагедии своей жизни. Стэнли Ротберг любил, он наслаждался жизнью – но какие страдания скрывались за видимостью счастья! Печально заиграли скрипки...

Кевин тряхнул головой, отгоняя такую живую картину. Это вполне возможно, принялся он уговаривать свою совесть. Скорее всего, так и было. С мужской точки зрения подобный аргумент казался вполне убедительным. Нужно встретиться с Ротбергом, составить свое мнение об этом человеке.

Он открыл третью папку и принялся изучать историю болезни Максины Ротберг. И тут его ждал приятный сюрприз. Личный врач Максины, доктор Катлер, мог стать очень полезным свидетелем защиты. Он научил Максину Ротберг делать себе инъекции и определять дозы инсулина – и вполне мог заявить об этом в суде. Кроме того, его отношения с Беверли Морган оставляли желать лучшего, он даже предлагал ее сменить. Конечно, сначала нужно понять, какую линию поведения выберет обвинение, но вся изученная информация подкрепляла его уверенность.

В дверь постучали. Кевин оторвался от бумаг. В кабинет заглянул Пол Сколфилд.

– Как дела?

– Отлично, отлично! Входите.

– Не хочу вас отрывать. Я знаю, что вам поручено серьезное дело.

– Серьезное – не то слово! Дело Ротберга! – Пол улыбнулся и сел, но Кевин заметил, что он не очень удивился. – Об этом деле всю неделю практически каждый день писали газеты, – пояснил он.

Пол кивнул:

– Мистер Милтон всегда так поступает. Если он в ком-то уверен...

Кевин покосился на открытую дверь, наклонился вперед и тихо сказал:

– Рискую показаться неблагодарным или ложно скромным, Пол, но я не понимаю, почему он так уверен во мне. Он почти меня не знает, а моя работа до этого момента...

– Могу сказать вам лишь одно: до сих пор он никогда не ошибался ни в одном человеке – ни в коллегах, ни в клиентах, ни в свидетелях. Впрочем, я заглянул сказать, что если вам нужна моя помощь...

– Но у вас же есть собственные дела...

– Это совершенно нормально. Мы все находим время друг для друга. У каждого из нас есть свои дела, но мы всегда работаем командой. Мистер Милтон сравнивает нас со щупальцами осьминога. И он прав – питаю фирму, мы питаемся сами. Так что... А с квартирой все в порядке?

– Превосходно. Кстати, по пути сюда я встретил вашу жену.

– Да?

– Очень красивая женщина.

– Да, она такая. Мы познакомились на Вашингтон-сквер. Я влюбился в нее с первого взгляда.

– Ее окружает аура такого покоя...

– Да уж. – Пол улыбнулся. – Помню, каким нервным я был до нашей свадьбы. Все становилось для меня трагедией. Было ощущение, что я нес на своих плечах всю тяжесть мира. Но стоило мне прийти домой, и все оставалось за порогом.

Кевин пристально посмотрел на Сколфилда. Он был рад встретить человека, который любил свою жену так же сильно и преданно, как он сам любил Мириам.

– Она несла картину – написала ее специально для нас.

– Правда? Интересно, что за картина. Я не видел ничего нового. – Слова Кевина явно встревожили Пола. Он умолк, а потом уставился в пол.

– Что-то не так?

– Боюсь, что да. Вчера мы получили дурные известия...

– Мне так жаль... Мы можем чем-нибудь помочь?

– Нет, в этом никто не поможет. Мы пытались завести детей, но неудачно. Вчера доктор подтвердил, что Хелен... не сможет стать матерью...

– Какое несчастье...

– Такое случается... Утром я рассказал об этом мистеру Милтону, и он сказал, что нужно просто смириться. Нужно играть теми картами, что тебе выпали.

– Думаю, это хороший совет...

Кевин на мгновение подумал о том, что почувствовал бы, узнав, что он сам или Мириам бесплодны. Ему всегда хотелось иметь ребенка. Как любой потенциальный молодой отец, он часто мечтал, как поведет сына на бейсбольный матч или будет покупать дочери кукол. Когда появятся дети, нужно будет сразу же откладывать деньги на их образование. Они с Мириам твердо решили, что у них будет мальчик и девочка, и уже четырежды серьезно пытались воплотить эту мечту в жизнь. С теми деньгами, которые он будет получать, можно будет завести и четырех детей.

– Да... Мы с Хелен подумываем об усыновлении.

Кевин кивнул.

– А что произошло с сыном Джеффи?

– Его забрал брат Ричарда. Знаете, он тоже адвокат. Он заявил мистеру Милтону, что приложит все усилия к тому, чтобы сын Ричарда пошел по стопам отца.

– Мистер Милтон его знал?

– Он заботился о ребенке после... после самоубийства Ричарда. Такой уж он человек. Но, – сказал он, поднимаясь, – вам нужно возвращаться к работе. Удачи!

Пол направился к выходу, но в дверях остановился:

– Кстати, ходят слухи, что мистер Милтон собирается устроить вечеринку в вашу честь в своем пентхаусе. И уж поверьте: когда он устраивает вечеринку, это настоящее событие!

Мириам сидела на диване совершенно без сил. Она не присела с самого утра. Передохнуть удалось только за обедом. Норма и Джин очень ей помогли, но когда они начали спорить из-за того, кто первым пригласит Мириам и Кевина на ужин, это показалось ей довольно глупым. В конце концов она предложила им бросить монетку, и победила Норма. Завтра предстояло идти к ней, а послезавтра – к Джин.

Однако самым тяжелым испытанием стал приход Хелен Сколфилд. Она неожиданно материализовалась в квартире, словно привидение. Никто не слышал звонка или хлопка двери. Норма, Джин и Мириам остановились немного отдышаться после того, как передвинули диван от одной стены к другой, а потом обратно. Они хохотали над собственной нерешительностью, и вдруг Мириам почувствовала, что в комнате есть кто-то еще. Она повернулась к двери, подумав, что Кевин что-то забыл и вернулся. Но там стояла женщина с большой картиной, завернутой в коричневую бумагу. Она смотрела на них со слабой улыбкой. Хелен показалась Мириам зрелой женщиной, с завистью наблюдающей за детскими играми.

– Ой! – воскликнула Мириам и быстро переглянулась с остальными.

– Хелен, мы не слышали, как ты вошла, – удивилась Норма.

– Как ты себя чувствуешь? – быстро спросила Джин.

– Со мной все в порядке, – ответила Хелен и повернулась к Мириам. – Здравствуйте.

– Привет!

– Хелен, это Мириам Тейлор, – быстро проговорила Норма. – Мириам, это Хелен Сколфилд.

Мириам снова кивнула.

– Я вам кое-что принесла, – сказала Хелен, делая шаг вперед и протягивая свою упакованную картину. – Это подарок на новоселье. Надеюсь, вам понравится.

– Спасибо.

– Уверена, Хелен написала картину сама! – воскликнула Джин.

Мириам мельком заглянула под упаковку.

– Да, да, я написала ее сама... не бойтесь сказать, если она вам не нравится. Мои работы... особые, иные... Я знаю, они не всем нравятся, – произнесла Хелен, глядя на Норму и Джин.

Глядя на Хелен, Мириам подумала, зачем дарить свои картины на новоселье, если они никому не нравятся? Почему бы сначала не поинтересоваться, любит ли человек нечто подобное?

– У нас с Кевином совершенно нет картин. Боюсь, мы с ним в этом отношении абсолютные невежды.

– Недолго вам пребывать в этом состоянии, – рассмеялась Норма.

– Хелен, может быть, съездишь с нами в Музей современного искусства на этой неделе? – предложила Джин.

Все посмотрели на Хелен. Ее улыбка стала шире.

– Возможно, – тихо ответила она.

– Может быть, чашечку кофе? – предложила Мириам, все еще не решаясь развернуть картину.

– Нет, спасибо. Вы так заняты.

– Нам нужно передохнуть, – решительно сказала Джин. – Мы чувствуем себя довольно глупо, передвигая мебель то так, то сяк.

– Я все равно не могу остаться, – ответила Хелен. – Мне нужно к врачу.

– Мне так жаль, – пробормотала Мириам.

– Я лишь зашла поздороваться и познакомиться.

– Может быть, вы зайдете к нам позже, когда вернетесь?

– Хорошо, – ответила Хелен, но в ее голосе не слышалось ни обещания, ни надежды. Она огляделась вокруг. – Ваша квартира будет очаровательной... Такой же очаровательной... – Хелен посмотрела на Норму и Джин, – ...как наши.

– Я в восторге от этого места – такой вид, музеи рядом, хорошие рестораны...

– Да. У нас все рядом – и хорошее, и плохое.

– Мы не хотим думать ни о чем плохом, – с укоризной перебила ее Джин.

– Нет, нет... Я вам и не предлагаю. Зачем вам это? Зачем это вообще нужно? – Хелен явно не ожидала ответа на свой вопрос.

Казалось, будто она совершенно одна и просто размышляет вслух. Мириам взглянула на Норму, но та лишь покачала головой. Джин возвела глаза к потолку и отвернулась.

– К врачу вас отвезет Харон? – спросила Норма. От присутствия Хелен ей явно было не по себе.

– Харон возит нас повсюду, – ответила Хелен. – Это его цель.

Глаза Мириам удивленно расширились. Очень странная формулировка, подумала она.

– Так, может быть, он уже ждет тебя внизу? – спросила Джин.

Мириам заметила, что взгляд Хелен, когда она смотрела на Норму и Джин, изменился. Из мягкого и отстраненного он стал острым и резким. Но Хелен тут же тепло улыбнулась и повернулась к Мириам:

– Извините, что мой первый визит оказался несколько скомканным, но мне хотелось поздороваться и поприветствовать вас в нашем доме, прежде чем отправиться на встречу.

– Благодарю вас. И большое спасибо за картину. О, я ее еще не развернула – очень невежливо. Я сейчас...

– Все в порядке, – остановила ее Хелен. Она коснулась руки Мириам. Заглянув в ее глаза, Мириам разглядела в них мучительную боль. – Картина особенная, но в ней есть... послыл...

– Правда? Звучит интересно.

Мириам начала разворачивать картину. Хелен отступила назад и снова устремила взгляд на Норму и Джин, которые не могли оторвать глаз от свертка. Мириам сняла всю бумагу и подняла картину вверх.

Какое-то время все молчали. Никто не произносил ни слова. Краски на картине были живыми и яркими – яркими настолько, что казалось, за холстом кто-то включил лампу. Сначала Мириам не могла понять, как правильно держать картину. Поскольку Хелен ничего не сказала, она решила, что держит ее правильно.

Верхняя часть картины была покрыта длинными, мягкими мазками сапфирового цвета, исходящими из облатки, расположенной в центре. По цвету и фактуре эта облатка была очень похожа на ту, что используется во время причастия. Под синими мазками виднелось что-то вроде темно-зеленого частокола, острого, резкого, угрожающего. Над ним художница изобразила женскую фигуру, размытую и неопределенную. И на лице женщины явственно читалась мука и страх. Ее тело словно вытекало из бурлящего моря крови. Поверхность моря была покрыта крохотными белыми пузырями, напоминающими черепа.

– Да уж, – сказала Норма, – тут явно есть послыл...

– Какие цвета! – восхитилась Джин.

– Никогда не видела ничего подобного, – вырвалось у Мириам. Испугавшись, что слова ее могли прозвучать обидно, она тут же поправилась: – Но я...

– Если картина вам не нравится, я пойму, – сказала Хелен. – Я уже говорила, мои работы особые...

– Нет-нет, она мне нравится, очень нравится! Дождаться не могу, когда ее увидит Кевин... Да и все остальные... – Мириам повернулась к Хелен. – Такая картина сразу же привлекает внимание и заставляет говорить о себе. Спасибо большое! – Она внимательно посмотрела на Хелен. – Эта картина многое для вас значит, правда?

– Да.

– От этого она еще более ценна для меня. – Мириам старалась говорить искренне, но поняла, что ее слова звучат покровительственно. – Честное слово! – добавила она.

– Если не сейчас, то потом так и будет, – странным тоном произнесла Хелен.

Мириам посмотрела на Норму и Джин. Обе поджали губы, словно пытаясь сдержать смех.

– Извините, что мне нужно уходить так скоро, но...

– Что вы, что вы... Я понимаю... «Сильнее, чем ты думаешь», – подумала Мириам. – Вам нужно идти. Мы увидимся позже. Когда я освоюсь здесь, то вы с Полом обязательно должны прийти к нам на ужин.

Хелен улыбнулась, словно Мириам говорила о чем-то невозможном, поблагодарила и направилась к двери.

– Еще раз спасибо, – повторила Мириам.

Пока Хелен не вышла, никто не произнес ни слова.

А потом Норма и Джин расхохотались до слез. Мириам с улыбкой покачала головой.

– И что мне с этим делать?

– Повесь ее в шкафу в коридоре.

– Или на входной двери, – предложила Джин. – Она будет отпугивать грабителей и коммивояжеров.

– Мне так жаль ее. Ей плохо. А эта картина... – Мириам снова подняла ее. – Это настоящий кошмар!

– В ней есть посыл, – насмешливо повторила Норма, и они с Джин снова рассмеялись.
– Она говорит: «rrrrrrы!!!» – воскликнула Джин, рыча и падая на колени. Норма и Мириам засмеялись.

– До прихода Кевина поставлю ее в угол. Когда он ее увидит, то сразу поймет, почему я ее не повесила.

– Ты просто прелесть, – заметила Норма. – Ты так хорошо с ней справились.

– Она едет к психотерапевту, полагаю?

– Да. Бедному Полу нелегко. Мне его жаль. Мы все стараемся ему помочь, правда, Джин?

– После смерти Глории мы звонили Хелен и приглашали ее с собой в разные места, но она заперлась в квартире и хандрила. В конце концов мистер Милтон велел Полу что-то сделать. Она сейчас-то тебе странной показалась, а тогда вообще было что-то страшное. Однажды она пришла ко мне и закатила истерику, кричала, что мы все должны уехать, что нам грозит страшная опасность... Словно этот дом довел Глорию до смерти, а Ричарда – до самоубийства. Я не могла понять, что она бормочет, и позвонила Дейву. Он связался с Полом, и Пол забрал ее домой.

– Они вызвали врача, и тот прописал ей успокоительное. Она постоянно в таком состоянии...

– Наверное, они были очень близки с Глорией Джеффи, – предположила Мириам.

– Не ближе, чем все мы, – резко ответила Джин. В ее голосе слышалась обида.

– Я лишь подумала...

– Просто она... такая чувствительная, – объяснила Норма, прижимая правую руку ко лбу. – Она же художница, а у художников такие тонкие души. – Копируя голос педантичного университетского профессора, она произнесла: – Она видит трагическую иронию, которая присутствует во всем сущем.

Норма вздохнула.

– И все же мне ее очень жаль, – сказала Мириам, глядя на входную дверь, словно Хелен все еще стояла там.

– Нам тоже, – кивнула Джин. – Просто мы немного устали от всего этого. Это очень угнетает. Да, жизнь Глории Джеффи трагически оборвалась, а самоубийство Ричарда – это просто ужасно. Но все кончилось. И никто из нас не может изменить того, что произошло.

– Нам нужно жить своей жизнью, – добавила Норма.

– Лучшее, что мы можем сделать – это быть веселыми и жизнерадостными рядом с Хелен, – сказала Джин. – Мистер Милтон говорил нам об этом. Помнишь, Норма?

– Да... Что ж, – Норма взглянула на часы, – полагаю, мне пора отправиться в душ и заняться ужином.

– Мне тоже, – согласилась Джин.

– Не знаю, как вас и благодарить...

– Пустяки, ты найдешь способ, – отмахнулась Норма, и они снова рассмеялись.

Как приятно чувствовать себя счастливой, подумала Мириам. Рядом с этими девушками любой мгновенно почувствует себя счастливым. Она обняла Норму и Джин, и они ушли.

Оставшись одна, Мириам рухнула на диван и закрыла глаза. Наверное, она задремала, потому что в следующий момент увидела, что прямо перед ней стоит улыбающийся Кевин и качает головой. В руке он держал кейс.

– Отлыниваешь от работы, лентяйка?

– О, Кев! – Мириам потерла лицо и огляделась. – Наверное, я заснула. Сколько времени?

– Чуть больше шести.

– Правда? Я и правда заснула. Норма и Джин ушли больше часа назад.

– Похоже, вы проделали большую работу, – сказал Кевин, осматриваясь по сторонам. – Ты заслужила роскошный ужин в ресторане. Когда мы ехали домой, Дейв и Тед рассказали мне, что всего в двух кварталах отсюда есть чудесный маленький семейный итальянский ресторан. Домашняя еда и неформальная обстановка. Звучит соблазнительно, правда?

– Да.

– Давай примем душ... вместе...

– Тогда, Кевин, мы не пойдем есть – очень долго.

– Я рискну, – сказал он, протягивая ей руку, чтобы поднять. Он обнял ее и поцеловал в губы. – Впрочем, мы можем передохнуть и в спальне. Наша первая ночь на новом месте...

Мириам рассмеялась и поцеловала мужа в кончик носа. Обнявшись, они направились в спальню.

– Стой... А это что такое? – неожиданно спросил Кевин.

Он смотрел на картину Хелен Сколфилд. Мириам поставила ее на пол, прислонив к стене.

– О, Кевин... Заходила жена Пола. Она... странная. Она принесла нам эту картину в подарок на новоселье. И теперь я не знаю, что с ней делать.

– Надеюсь, ты ее не обидела? – быстро спросил Кевин.

– Разумеется, нет, как ты мог подумать! Но только посмотри на нее... Она страшная...

– Ну, мы повесим ее на какое-то время, а потом уберем...

– Ты серьезно? Я не могу видеть такую картину в своей квартире. Люди...

– Лишь на время, Мириам.

– Но она поймет. Она сама так сказала. Она призналась, что ее картины особенные, не похожие на другие... Она сказала, что понимает, когда они кому-то не нравятся.

– Ты не можешь так поступить, – повторил Кевин, качая головой.

– Почему? Это мой дом, Кевин. Я сама должна решать, что в нем будет, а чего нет.

– Я не говорю, что это не так, Мириам. – Он на минуту задумался. – Я не хочу обижать Пола и Хелен больше, чем их и так обидела судьба.

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Я встретил Хелен в холле по пути на работу и сразу понял, что у нее серьезные эмоциональные проблемы. А потом ко мне заглянул Пол, мы поговорили, и он сообщил, что вчера они получили очень печальное известие. Похоже, у Хелен никогда не будет детей.

– О...

– Ты понимаешь, что это очень серьезно...

– Конечно. – Мириам взглянула на картину. – Неудивительно, что она рисует нечто подобное. Все в порядке. Мы повесим картину на время. Я найду для нее уголок, где она не будет бросаться в глаза, и гости смогут не обращать на нее внимания.

– Ты моя сладкая. – Кевин поцеловал жену. – А теперь в душ!

Она улыбнулась, и они направились к ванной. Мириам еще раз обернулась и покачала головой.

– Разве это не странно, Кев? Трагедия одной женщины в том, что она родила ребенка, а у другой – в том, что она не может иметь детей.

– Да уж... Но лучшее, что мы можем сделать – это быть веселыми и жизнерадостными рядом с Хелен, – сказал он.

Слова прозвучали знакомо. Мириам вспомнила: то же самое мистер Милтон говорил Норме и Джин.

– Это сказал тебе мистер Милтон?

– Мистер Милтон? – Кевин рассмеялся. – Знаю, тебя он очень интересуется. Но, честно говоря, Мириам, в моей голове есть и собственные мысли тоже!

– Конечно, есть! – быстро ответила она, но такое совпадение показалось ей странным.

Глава 8

Стэнли Ротберг сидел в кресле справа от мистера Милтона. Как только он вошел, Кевин сразу же быстро оценил его. Ротберг выглядел намного старше своих сорока лет. Преждевременную лысину на макушке он маскировал длинными прядями тонких светлых волос неопределенного цвета. Хотя он был довольно высоким, сутулые плечи делали его почти что горбуном. Мешки под глазами, глубокие морщины и черная щетина придавали ему вид ночного бармена.

Наверное, поэтому, несмотря на темно-синий блейзер и слаксы от Пьера Кардена, Ротберг выглядел довольно потасканно, и это сразу же насторожило Кевина. Сонный взгляд Ротберга не понравился ему еще больше. Он знал, что для присяжных такой вид равносителен признанию виновности, обмана и хитрости. Даже улыбаясь, этот человек оставался холодным. Один уголок рта выше другого – такая улыбка более походила на оскал.

Отец Кевина всегда учил его, что нельзя судить о книге по обложке. (Он вспоминал богатых клиентов своей бухгалтерской фирмы, которые выглядели и одевались, как нищие.) Однако когда Кевин окончил юридический факультет и отец снова повторил ему свою мудрость, он не согласился с ним.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, па, – сказал он. – Но если мне нужно будет представлять твоего клиента в суде, то я одену его так, чтобы он выглядел соответственно. Присяжные всегда судят о книге по обложке.

Первое впечатление слишком часто оказывается последним. А первое впечатление от Стэнли Ротберга было таким, что сам Кевин признал бы его виновным. Он вполне мог подтолкнуть жену к последней черте. Стэнли Ротберг выглядел пресыщенным, высокомерным хамом.

– Стэнли, – обратился к нему Джон Милтон, – это Кевин Тейлор.

– Здравствуйте, мистер Ротберг. – Кевин протянул клиенту руку. Ротберг какое-то мгновение смотрел на него, потом широко улыбнулся и пожал руку адвоката.

– Босс говорит, что ты – смывленный парень. Говорит, что мне не о чем беспокоиться, если моя жизнь окажется в твоих руках.

– Я сделаю все, что в моих силах, мистер Ротберг.

– Остается один вопрос, – быстро парировал Ротберг, – достаточно ли будет твоих сил? Его улыбка исчезла.

Кевин посмотрел на мистера Милтона. Тот так пристально глядел на него, что Кевину показалось – этот взгляд прожигает его насквозь. Кевин выпрямился.

– Более чем достаточно, – произнес он довольно высокомерно. – А если вы мне можете, то мы разнесем обвинения против вас в пух и прах. И ни у кого не останется сомнений в вашей невиновности.

Ротберг улыбнулся и кивнул.

– Что ж, неплохо. – Он повернулся к Джону Милтону. – Неплохо, – повторил он, указывая на Кевина.

– Я не поручил бы это дело Кевину, если бы не был абсолютно уверен в том, что он способен отвести все обвинения, Стэнли. Вы можете быть уверены, что все силы и возможности моей фирмы будут в полном вашем распоряжении.

– Кроме того, – добавил Милтон, – молодость Кевина сыграет в вашу пользу. Все ждут, что вы наймете более известного адвоката по уголовным делам, используете все свое богатство, чтобы купить себе оправдательный приговор. Вряд ли преступник рискнет воспользоваться услугами неопытного адвоката. Но вы уверены в своей невиновности, вам не нужен дорогой адвокат, которого хорошо знает пресса. Вам достаточно компетентного юри-

ста, который сможет представить факты и опровергнуть улики, говорящие о вашей вине. Это произведет впечатление.

– Да, – кивнул Ротберг. – Да... Понимаю, что вы хотите сказать...

– Но они не знают, – улыбаясь, продолжал Джон Милтон, – что Кевин гораздо талантливее большинства известных в этом городе адвокатов. Он обладает природным чутьем и в зале суда чувствует себя как рыба в воде. – Он с восхищением посмотрел на Кевина. – Защищая своих клиентов, он может быть безжалостным и беспощадным. Если бы я сам оказался под судом, то хотел бы, чтобы меня защищал такой человек.

Хотя слова Милтона звучали довольно искренне, Кевин почувствовал себя неловко. Его будто поздравляли с тем, что он – хороший убийца. А вот на Ротберга подобная рекомендация произвела самое лучшее впечатление.

– Понимаю... Что ж, неплохо, неплохо... Итак, что же я могу сделать, чтобы помочь себе?

– Вот это дело. – Мистер Милтон поднялся. – Оставляю вас в компетентных руках Кевина. Кевин, вы знаете, где меня найти, если я вам понадобится. Удачи, Стэнли, – сказал он, глядя на Ротберга. – Но дело не только в удаче. Дело в опыте и навыке, и вы сейчас в руках настоящего мастера. – Он похлопал Кевина по плечу. – Продолжайте.

Кевин кивнул, сел и открыл кейс, чтобы сделать то самое, чего хотел от него Милтон – произвести впечатление на Ротберга знанием фактов. Сначала они обсудили болезнь Максина, потом он стал задавать вопросы о сиделке. Кевин заметил, что Ротберг отвечает кратко и осторожно. Он уже вел себя так, словно находился на перекрестном допросе в зале суда.

– Надеюсь, мистер Ротберг, вы понимаете...

– Называй меня просто Стэнли. Нам с тобой придется сродниться...

– Хорошо, Стэнли. Надеюсь, вы понимаете, что для меня не должно быть никаких сюрпризов – только так я смогу сделать свою работу.

– Сюрпризов?

– Вы не должны утаивать от меня того, что может знать или использовать окружной прокурор.

– Разумеется. Никаких проблем. Если я не могу быть честен с адвокатом, значит, я виновен, так?

– Люди умалчивают или говорят лишь половину правды не только по причине действительной виновности. Иногда человек боится, что его сочтут виновным, если какой-то факт станет известным. И он утаивает этот факт даже от собственного адвоката. Позвольте мне судить обо всем. Я сам решу, о чем можно говорить, а о чем не следует.

Ротберг кивнул. Он перестал презрительно щуриться, и Кевин почувствовал, что ему удалось произвести впечатление.

– Как давно вы с женой стали спать в разных комнатах?

– Когда Максина серьезно заболела. Я постарался обеспечить ей максимальный комфорт. Ее спальня превратилась в настоящую больничную палату, особенно когда ей ампутировали ногу, – лекарства, оборудование, больничная кровать. У нее даже была постоянная сиделка.

Кевин кивнул.

– Самое опасное для нас – то, что в вашей комнате тоже хранился инсулин и шприцы. Окружной прокурор может использовать этот факт против вас. – Кевин замолчал и заглянул в свои бумаги. – Инсулин хранился в нижнем ящике шкафа. Но ведь вам никогда не приходилось делать инъекции жене, верно? И она вас об этом не просила?

– Нет. Я даже не мог смотреть, как это делает сиделка.

– Тогда зачем вы хранили инсулин в своем шкафу? Почему не в комнате жены?

– Я не хранил его.

– Но вы же не отрицаете, что инсулин был там? Его нашли при обыске. Вы хотите сказать, что даже не знали, что он там лежит?

Ротберг ответил не сразу.

– Я действительно увидел ампулы за день до смерти Максины. Но я совершенно забыл об этом.

– Вы не клали его туда, но вы увидели его и забыли о нем? Вы не спрашивали у сиделки, почему там оказался инсулин?

– Мне о многом приходится помнить, Кевин. Я управляю большим отелем и большим бизнесом по выпечке булочек с изюмом. Мы собираемся выходить на канадский рынок, – с гордостью заявил Ротберг. – Я просто забыл.

– Они изучили рецепты. Судя по ним, в вашем шкафу не доставало определенного количества инсулина – достаточного, чтобы ввести смертельную дозу. Естественно, они будут утверждать, что смерть вашей жены наступила именно от этой дозы. Шприца с вашими отпечатками им найти не удалось, но если его найдут...

Ротберг остолбенел.

– В комнате вашей жены имелось достаточно инсулина. Не было причины заходить к вам в комнату и брать несколько ампул, – подчеркнул Кевин. – Вы понимаете, что это означает?

Ротберг кивнул.

– Как же вы это объясните, Стэнли? Мне нужна ваша помощь, – сухо добавил адвокат.

– Я должен кое в чем признаться, – в конце концов пробормотал Ротберг. – Я не хотел, чтобы это выяснилось во время суда, но, боюсь, скрыть это не удастся.

– Слушаю вас.

– Максина узнала обо мне и... она узнала, что я встречаюсь с девушкой, с Трейси Кейсвелл. Она работает в бухгалтерии отеля.

– Не думаю, что это такой уж большой секрет, как вам кажется. Вы должны понимать, что в глазах прокурора и, возможно, в глазах присяжных это явный мотив для убийства. Нам придется обсудить ваш роман и решить, что делать. Но какое отношение это имеет к инсулину, найденному в вашей комнате?

– Мы с Максиной поссорились. Это было ужасно. Я не хотел, чтобы она узнала о Трейси. Она и без того достаточно страдала. Это была даже не ссора. Она кричала, а я просто стоял и выслушивал все это. Знаете, она мне даже угрожала! Я думал, что она просто всплила и ничего не сделает. Я не обратил внимания на ее слова. К тому времени она уже была очень больна, и болезнь сказалась на ее психике.

– И что?

– Она угрожала убить себя и сделать так, чтобы во всем обвинили меня. Похоже, она так и сделала.

Ротберг откинулся на спинку кресла, вполне довольный своим объяснением.

Кевин закончил разговор со Стэнли Ротбергом. Они пожали друг другу руки и расстались в приемной. И тут Кевин услышал в коридоре какой-то шум.

– Что случилось? – спросил он у Дианы.

– Это мистер Маккарти, – с сияющей улыбкой ответила секретарша. – Он добился полного снятия обвинений со своего клиента.

– Правда?

Кевин поспешил в кабинет Теда. Дейв, Пол и мистер Милтон уже были там. На столе Теда стояла открытая бутылка шампанского, все держали бокалы.

– Кевин, вы как раз вовремя, – сказал Джон Милтон. – Присоединяйтесь к нам. Мы всегда отмечаем успешное завершение дел. За Теда! – произнес он, поднимая бокал.

– И как все прошло? – спросил Кевин, делая глоток.

– Блатты отказались от обвинений в адрес Кроули. Когда они узнали, насколько распушенным было поведение их девочки, и поняли, что это вскроется в суде, они дали задний ход, – сказал Тед.

Дейв и Пол рассмеялись. Улыбка Милтона стала шире. Кевин подумал, что успех сделал его моложе – морщины на лице стали более тонкими и незаметными, глаза блеснули. И вдруг выражение его лица изменилось.

– Это для нас урок, – совершенно трезвым голосом произнес он. – Не все юридические маневры ведутся в суде. – Он повернулся к Кевину. – Готовясь к любому процессу, представляйте себе двух боксеров, сражающихся за приз. Всегда есть способы вывести противника из равновесия, повлиять на него еще до схватки, чтобы он потерял веру в себя и свое дело. – Он снова улыбнулся и продолжил: – Кроме того, у нас есть еще один повод для праздника. Во-первых, мы должны отметить приход Кевина в нашу фирму. Во-вторых, успех Теда. Вечеринка состоится в пентхаусе в эти выходные. Этот день у всех свободен?

Кевин заметил, что лица всех адвокатов просияли от радости.

– У нас нет никаких дел, – быстро ответил Дейв.

– У нас тоже, – подхватил Тед.

– Отлично, – сказал Пол.

Все смотрели на Кевина.

– А почетные гости? Мне давно пора познакомиться с Мириам.

– Мы обязательно придем. Спасибо.

– Отлично, джентльмены. А теперь вернемся к работе.

Все еще раз поздравили Теда и отправились к себе. Дейв и Пол сразу же пошли в кабинеты. Судя по их виду, они были искренне рады успеху Теда и этому импровизированному празднику. В коридоре Джон Милтон приобнял Кевина за плечи.

– Мне не хотелось бы, чтобы вы решили, что я бросил вас на растерзание Ротбергу, Кевин. Я просто хотел, чтобы он сразу же понял – это ваше дело. Вы отвечаете за все.

– Все в порядке, никаких проблем. Спасибо за добрые слова в мой адрес.

– Я сказал то, что думал. Как прошла встреча с Ротбергом?

– Он утверждает, что его жена совершила самоубийство и обставила все так, чтобы виновным признали его. Она якобы узнала о его внебрачной связи и продумала план мести – покончила с собой, оставив ампулы инсулина в его комнате.

– Довольно жалкое объяснение, – поморщился Милтон. – Тоже мне защита: *«Ад не знает такой ярости, на какую способна отвергнутая женщина»*.

Кевин взглянул на Милтона, чтобы понять его мысли. Тот не смог удержаться от усмешки.

– Вам не нравится версия Ротберга?

– Он утверждает, что видел инсулин в шкафу, куда его положила Максина, но забыл об этом, потому что был слишком занят управлением отелем и бизнесом. Даже когда жена пригрозила подставить его. Как-то трудно в это поверить...

– Вопрос не в том: сможете ли вы представить это объяснение так, чтобы в него поверили присяжные? Вы должны быть абсолютно уверены в своем деле, – предостерегающим тоном сказал Джон Милтон.

Кевину стало ясно: если сейчас он скажет что-то не то, Джон Милтон вполне может забрать у него дело и передать Теду – ведь тот освободился.

– Думаю, Ротбергу лучше вообще не говорить об этом инсулине. Я все проверю. Скорее всего, лекарство доставили в отель, и за него расписалась сиделка. Я собираюсь побеседовать с сиделкой и выяснить, что она знала об отношениях Максина и Стэнли. Может быть, миссис Ротберг откровенничала с ней, говорила, как ей отвратителен поступок мужа.

Возможно, сиделка слышала ссору между Стэнли и Максиной. Если она слышала, как Максина грозила убить себя и подставить мужа...

– Неплохо. Уверен, она скажет все, если вы намекнете, что в смерти Максины могут обвинить ее. Дайте ей понять, что вам известно о ее проблемах с алкоголем, – посоветовал Милтон. – Это сделает ее более сговорчивой. Вы выяснили, где находился Стэнли Ротберг в момент смертельной инъекции?

Кевин кивнул, но вид у него был самый несчастный – Милтон сразу все понял.

– Он был у любовницы?

– Для человека, который слишком занят, чтобы помнить об инсулине в собственном шкафу, у него оказалось чересчур много времени для развлечений.

– Думаю, нам нужно довериться вашему чутью, Кевин. Используйте честность. Пусть Ротберг признается в своем романе, вызовите его подружку, заставьте ее дать показания. Пусть присяжные мысленно осудят его за неверность, но не станут осуждать и наказывать его за убийство только потому, что он оказался неверным мужем. Нам вряд ли удастся представить жену мстительной мегерой, убившей себя, если мы не расскажем о неверности и не объясним ее мотивы.

– Думаю, мы сможем использовать ее врача, – сказал Кевин. – В своих отчетах он упоминает о ее депрессии.

– Да, да. – Лицо Милтона просветлело. – Это очень хорошо.

Кевина словно электричеством тряхнуло – так остро он ощутил эмоции босса.

– Разумеется, – добавил Милтон, останавливаясь перед кабинетом Кевина, – было бы неплохо, если бы он сожалел о своем поведении и винил себя, свои похождения в смерти жены. Он раскаивается?

– У меня не сложилось такого впечатления...

– Подумайте об этом, чтобы такое впечатление сложилось у присяжных.

Милтон снова улыбнулся, но на сей раз его улыбка была какой-то озорной, даже задорной. Сейчас он походил на подростка, который придумал отличный розыгрыш на Хэллоуин, а не на опытного адвоката, разрабатывающего стратегию защиты.

– Надеюсь, у меня получится. – Кевин произнес эти слова очень тихо, почти шепотом. Он не мог отвести взгляда от ярких глаз Джона Милтона.

Милтон хлопнул Кевина по плечу.

– Вы справитесь, обязательно справитесь. Держите меня в курсе дел.

И он направился к своему кабинету. Кевин какое-то время смотрел ему вслед, а потом пошел к себе.

Усевшись за стол, он задумался над советом Джона Милтона. «Думаю, нам нужно довериться вашему чутью, Кевин. Используйте честность», – сказал он. Да, Кевин действительно размышлял об этом, но не мог припомнить, чтобы говорил Милтону нечто подобное. Он лишь подумал об этом. Кевин пожал плечами – наверное, он все же об этом упомянул. Разве может быть другое объяснение? Не телепат же Милтон?

Кевин достал свои записи и начал изучать свой разговор с Ротбергом. Тед и Дейв позвали его обедать, но Венди уже заказала для него сэндвич. Она даже вызвалась помочь ему в свой обеденный перерыв. Энтузиазм и преданность делу сотрудников «Джон Милтон и партнеры» вызывали у Кевина глубокое уважение. И он старался соответствовать этому уровню.

Одержав победу, Тед возвращался домой в приподнятом настроении. Кевин заметил, что Пол и Дейв радовались успеху Теда не меньше, чем он сам. Действительно, они больше напоминали семью, нежели адвокатов, работающих в одной фирме. Позже Кевин пожалел о том, что своим мрачным настроением испортил им праздник, но ему хотелось сравнить

реакцию Теда на успех с собственными чувствами после удачного завершения дела Лоис Уилсон.

– А вы верите в то, что Кроули виновен, Тед? Я понимаю, девочка не отличалась примерным поведением. Но вдруг он действительно ее изнасиловал?

Улыбки исчезли, и атмосфера в лимузине стала напряженной.

– Я не заставлял Блаттов отзываться обвинение. Это было их решение, – защищаясь, ответил Тед.

– Окружной прокурор должен был убедить их продолжить дело, – добавил Пол.

– Тед просто сделал то, за что ему заплатили и что он должен был сделать, – укоризненно произнес Дейв. – Вы же сделали то же самое в деле Лоис Уилсон.

– Нет-нет, я не собирался никого ни в чем упрекать. Мне лишь было любопытно, как вы относились к своему подзащитному, Тед.

– Мы должны забывать о своих чувствах, ценностях и морали, когда защищаем обвиняемых, Кевин. Это был первый урок, который я усвоил у мистера Милтона. И мне это очень помогает.

– Всем нам, – кивнул Пол.

– Мы – словно врачи, которые лечат пациента, – подхватил Дейв. – Мистер Милтон использовал эту аналогию, когда я только начал у него работать. Врач не оценивает мораль, политические взгляды и образ жизни своего пациента. Он лечит болезнь, анализирует симптомы и действует. Чтобы успешно защищать обвиняемого, вы должны отделять клиента от дела. Анализируйте обвинения, собирайте факты и действуйте. Если вы будете защищать только тех, кто вам нравится и кому вы верите, придется голодать.

Тед и Пол рассмеялись. Кевин кивнул – примерно то же самое он сказал Мириам, когда та упрекнула его в столь яркой защите Лоис Уилсон.

– Если это для вас проблема, вам нужно работать у окружного прокурора, – добавил Пол, а потом улыбнулся. – Но вы знаете, что творят эти парни.

Все снова рассмеялись, даже Кевин. Пол смешал всем по коктейлю, и в машине вновь воцарились мир и согласие.

– Кстати, – спросил Кевин, – а как мистер Милтон ездит на работу?

– В лимузине. Этот человек трудоголик. Он приезжает намного раньше нас всех и часто задерживается по вечерам, – ответил Пол. – Харон привозит ему ужин. Но видели бы вы его квартиру! Вот подождите, вы увидите этот пентхаус – настоящая роскошь и гедонизм.

– Три ванные комнаты – и в каждой джакузи! – добавил Дейв.

– А вид какой! – вздохнул Тед. – Чувствуешь себя на вершине мира...

– Чувствуешь себя богом, – произнес Пол.

– Точно, – мечтательно улыбнулся Тед. – Помню, как попал туда впервые. Милтон обнял меня за плечи, мы смотрели на город, и он сказал: «Тед, ты не просто стоишь надо всем этим – все это будет твоим». Я был так взволнован, что не мог и слова произнести, но он понял. Он все понял...

Кевин заметил, что Пол и Дейв синхронно кивнули с одинаково торжественными лицами.

В этом было нечто особенное, что-то странное и абсолютно уникальное. Возможно, они и правда достигнут вершины мира. Неожиданно он понял, что все трое пристально смотрят на него.

– Думаете, мы преувеличиваем? – спросил Дейв. – Обожествляем этого человека?

Кевин пожал плечами.

– Он явно выдающийся человек. Я и сам немного преувеличил, когда рассказывал о нем и о его фирме Мириам.

– Такой человек один на миллион, – сказал Пол. – Нам повезло работать с ним.

– Точно! – воскликнул Тед и поднял бокал. – За мистера Милтона!

– За мистера Милтона! – подхватили Дейв и Пол и посмотрели на Кевина.

– За мистера Милтона! – произнес он, и все выпили.

Кевин не мог избавиться от ощущения, что принял участие в некоем ритуале.

– Значит, он планирует грандиозную вечеринку, верно? – спросил он.

– Придут секретарши, – сказал Дейв, – и множество интересных людей. Вы с Мириам прекрасно проведете время. У него всегда бывает так здорово, что не замечаешь, как быстро течет время.

– Звучит соблазнительно, – улыбнулся Кевин.

Тед, Дейв и Пол посмотрели на него. Удивительно, насколько одинаковыми были их улыбки! Они были так похожи, что, казалось, все трое надели одинаковые маски.

Когда Харон остановил лимузин перед домом и открыл дверцу, в автомобиле уже царил веселая, расслабленная атмосфера. Дейв рассказал анекдот, которым с ним поделился помощник окружного прокурора Боб Маккензи, и все рассмеялись. Они продолжали смеяться и в вестибюле, где Дейв повторил анекдот для охранника.

Кевину нравилось ощущение товарищества. Они вместе вошли в лифт, подшучивая друг над другом и вспоминая студенческие годы. Шутки не прекращались, пока они не подошли к дверям своих квартир. Кевин вошел и сразу увидел Норму и Джин – они стояли у спина и слушали игру Мириам. Они увидели Кевина и сделали знак, чтобы он не прерывал жену. Мириам настолько глубоко погрузилась в музыку, что не заметила его появления. Она играла Бетховена. Девушки слушали ее с восторгом. Кевин на цыпочках прошел к дивану и уселся. Когда Мириам закончила, он зааплодировал вместе с Нормой и Джин. Мириам обернулась к нему и просияла.

– О, Кев, я даже не слышала, как ты вошел. Ты давно здесь?

– Тактов двадцать.

– Она замечательная! – воскликнула Норма. – Я говорила ей, что в пентхаусе мистера Милтона есть прекрасный рояль. И когда он устроит вечеринку...

– Вечеринка будет в субботу.

– Отлично! Отлично! – обрадовалась Джин. – Ты сможешь сыграть для всех!

– Я не настолько хорошо играю... – смутилась Мириам.

– Не нужно ложной скромности, – резко произнесла Норма. – Ты играешь отлично и знаешь это. – Она повернулась к Кевину. – Завтра мы собираемся на концерт в Линкольн-центр – Вторая симфония Малера «Воскресение».

– Представляешь, Кев? Я наконец-то нашла людей, которые тоже любят классическую музыку!

– И рок-музыку тоже, – добавила Джин.

– А также кантри и вестерн, – сказала Норма.

Женщины рассмеялись. Норма и Джин собрались уходить и стали обниматься на прощание. Кевин подумал, что они выглядят так, словно дружили всю жизнь. Мириам была по-настоящему счастлива. Как все замечательно!

– Мне пора поторапливаться, – подхватила Норма. – Кевин уже дома, значит, и Дейв тоже.

– И Тед.

– Сегодня Тед будет в прекрасном настроении, Джин, – сказал Кевин. – Он устроил противнику нокаут, даже не вступая в бой.

– Не поняла? – Джин скорчила гримаску, словно Кевин собирался рассказать ей нечто ужасное, а вовсе не приятную новость. Кевин быстро взглянул на Мириам, та отрицательно покачала головой.

– Я говорю про его дело. Но, думаю, пусть лучше он сам вам все расскажет.

– Нет, Тед никогда не посвящает меня в эти скучные детали. Он знает, что я просто ненавижу подобные рассказы. Я даже никогда не читаю газет, где о нем пишут.

– Я тоже, – поддержала подругу Норма. – Лучше оставлять все неприятные события мира за порогом. Мы же вытираем ноги, когда входим в дом? – Она повернулась к Джин. – И мистер Милтон так всегда говорит?

– Точно.

Улыбающиеся красотки отвернулись от него. Кевин был озадачен, но быстро взял себя в руки:

– Вы правы, дамы.

– Пока, Мириам, – пропела Джин. – Поболтаем позже.

– И со мной тоже!

Девушки ушли.

Кевин какое-то время смотрел на закрывшуюся за ними дверь, а потом повернулся к Мириам.

– Мы так чудесно провели день! – затараторила Мириам, не давая ему сказать и слова. – Сначала мы пошли в Музей современного искусства. Там такая замечательная выставка картин из Москвы – их никогда еще не вывозили на Запад! А потом мы отправились в Виллидж обедать. Норма отвела нас в чудесный ресторанчик, где готовят восхитительный киш. А оттуда мы снова отправились в центр и посмотрели тот австралийский фильм, от которого все с ума сходят. Там был такой чудесный саундтрек, Бетховен... Мы вернулись, и я немного поиграла для них...

Она спохватилась, вспомнив, что Кевин вернулся с работы.

– Прости, дорогой, я не успела приготовить ужин. Когда мы поняли, что времени у нас совсем не осталось, мы заглянули в замечательную кулинарию, и я купила салат с лобстером, французский хлеб и бутылку шардоне. Нормально?

– Замечательно. – Кевин покачал головой.

– Ты расстроился?

– Что ты, – рассмеялся он. – Я просто... Я так счастлив, что ты счастлива.

– А у тебя был хороший день?

– Да.

– Отлично, – быстро проговорила Мириам. – Девушки научили меня, как с тобой обращаться. Ты должен оставлять рабочие проблемы за порогом, а дома полностью расслабляться. Так что... прими душ, устройся поудобнее. А я подам ужин и включу какую-нибудь музыку.

Мириам убежала на кухню, прежде чем Кевин успел хоть что-то сказать. Он так и остался на диване. На губах его играла смущенная улыбка.

Он был рад, что она так быстро ко всему привыкла. Но в поведении Мириам появилось что-то такое, что его тревожило. Он ощутил резкий болезненный укол в груди. Может быть, ему показалось... Может быть, он все еще думает о деле... А вдруг это тревожное предчувствие?

Он пожал плечами, отмахнулся от неприятных мыслей и отправился в душ.

Выходные еще не наступили, а в «Джон Милтон и партнеры» появился новый повод для праздника. Дейв Котейн сумел убедить судью не принимать признание Карла Обермейстера на основании того, что полицейские, проводившие арест, и помощник окружного прокурора не дали ему возможность связаться с адвокатом, прежде чем он признал свою вину. Судья не позволил окружному прокурору использовать улики, обнаруженные в квартире обвиняемого, поскольку обыск проводился без ордера и до предъявления обвинений.

А без признания и без улик, обнаруженных в квартире, окружному прокурору следовало серьезно задуматься, стоит ли выносить дело в суд. Мистер Милтон считал, что к понедельнику все обвинения с Обермейстера будут сняты.

– Когда это произойдет, Обермейстер уедет отсюда, – сказал Дейв.

– Но, Дейв, – спросил Кевин, когда совещание закончилось, – а ты не думаешь, что он сможет совершить такое же преступление снова?

– Кевин, ты же не собираешься отправляться на улицу и арестовывать всех, кто потенциально может совершить преступление – по твоему мнению, конечно? В наших тюрьмах и места не хватит. Кроме того, я покончу с Обермейстером. А чувство вины оставим Бобу Маккензи – пусть он с ним живет.

Кевин кивнул. Он прекрасно понимал Дейва. То же самое он говорил Мириам, когда она упрекала его за то, как он провел дело Лоис Уилсон. Это дело стало более тяжким грузом на его совести, чем он готов был признать. Но, ощутив чувство вины, он сразу вспомнил слова мистера Милтона о законе и об ответственности адвоката перед законом и своим клиентом. Когда речь заходила о законе, совесть оказывалась лишней. Он всегда работал в этом убеждении, так следовало делать и впредь.

Однако действительно ли он верил в это? Кевин отчаянно старался не задумываться над этим. Слишком многое оказалось на кону. Он хотел добиться успеха в Нью-Йорке и оправдать ожидания мистера Милтона. Сейчас не время задумываться над философскими вопросами и раскисать. У него есть серьезное дело, и процесс нужно выиграть.

Кроме того, Мириам с каждым днем все больше влюблялась в ту жизнь, которую они для себя выбрали. Всякий день, возвращаясь домой, он видел жену счастливой, восторженной, полной энергии. Она редко вспоминала о Блисдейле, своих старых подругах и прежней жизни. Она перестала им звонить и писать письма. Все былые сожаления исчезли без следа. Может быть, это еще медовый месяц, но с того момента, как они переехали в Нью-Йорк, между супругами не возникло ни одного конфликта.

И все же он был изумлен, услышав, как Мириам разговаривает по телефону с матерью. Она резко защищала сделанный ими выбор, называла аргументы матери глупым предубеждением. Она даже назвала мать ограниченной мешанкой! А когда в четверг ее родители приехали на ужин, она поразила их потрясающей трапезой из самых изысканных блюд (Норма поделилась с ней рецептами шефа из «Времен года»). А потом она стала рассказывать, на каких спектаклях и концертах побывала с подругами с момента переезда в город. Она без умолку болтала о походах по музеям, о замечательных ресторанах, о людях, с которыми смогла познакомиться. Мириам постоянно упоминала о Джин и Норме, а вот о Хелен Сколфилд лишь мельком.

Кевин удивился, что Мириам не стала рассказывать родителям о причинах депрессии Хелен. Она упомянула лишь о том, что бедняжка не может иметь детей.

– Вот почему мы до сих пор держим эту ужасную картину на стене. Это Кевин предложил повесить ее, чтобы не обидеть несчастную женщину. – Мириам повернулась к мужу. – Ну разве он не чудо? Такой внимательный и чуткий... И я обожаю его за это!

– Действительно, Кевин, ты такой внимательный, – сказала мать Мириам. – Но все же картина ужасна. Я смотреть на нее не могу без содрогания. У меня прямо мурашки по коже.

– Не думай об этом. – Мириам поднялась и сняла картину со стены. – Пусть стоит на полу лицом к стене, пока вы здесь. Папа, хочешь я сыграю тебе?

Она подошла к спинету и заиграла. Кевин никогда не слышал, чтобы она играла так хорошо и с таким чувством. Взглянув на родителей, он заметил, что и они тоже изумлены.

Когда родители Мириам собирались уходить, теща отозвала Кевина в сторону, пока Мириам прощалась с отцом.

– Она действительно счастлива здесь, Кевин. Когда я только узнала о ваших планах, то думала, что ей будет здесь плохо. Но, похоже, вы приняли правильное решение. Я так рада за вас обоих.

– Спасибо, мама.

– Я позвоню твоим родителям и все им расскажу, – шепнула она.

– Они собираются приехать на следующей неделе, но я уверен, что мама с нетерпением ждет ваших рассказов.

– Конечно! Еще раз поздравляю, – добавила она и расцеловала зятя.

Когда они уехали, Мириам отправилась на кухню убирать, а Кевин вернулся в гостиную. Его взгляд скользнул по картине Хелен Сколфилд, которая все еще стояла на полу. Он поднял ее и повесил на стену, а потом отошел подальше. Он долго смотрел на картину. Что-то необъяснимое притягивало его взгляд к лицу женщины. Он почти слышал ее рыдания на краю кипящего кровавого моря. Постепенно черты лица прояснились, приобретали форму, и на мгновение ему показалось, что он смотрит в лицо Мириам. Кевина бросило в жар, потом по спине побежали мурашки. Он закрыл глаза. Когда же он снова их открыл, картина была такой же, как прежде – совершенно абстрактной. Лицо Мириам исчезло, но эта иллюзия, пусть даже мимолетная, глубоко его поразила.

Кевин отправился на кухню. Он обнял Мириам, развернул ее к себе и поцеловал, словно в последний раз.

– Кев, – удивленно спросила она, переведя дух, – что с тобой?

– Ничего... Ты приготовила замечательный ужин. Вечер удался, и я хотел, чтобы ты почувствовала, как я тебя люблю. Я готов сделать все что угодно, лишь бы ты была счастлива, Мириам.

– О, Кев, я это знаю! Посмотри, как много ты уже сделал. Я не прочь вручить свое будущее в твои руки.

Мириам поцеловала его в щеку и вернулась к посуде и приборам. Он какое-то время смотрел на нее, а потом вышел на террасу. Ноябрьский вечер выдался довольно холодным, но он все же подошел к парапету и посмотрел вниз. Окружающий мир казался нереальным. Он пытался представить, каково это – упасть с такой высоты.

Только ли трагическая смерть жены заставила Ричарда Джеффи сделать этот роковой шаг? Почему он не подумал о своем маленьком сыне, об ответственности за него?

Неожиданно терраса осветилась. Он заслонил глаза рукой и посмотрел вверх. Кевин понял, что вернулся Джон Милтон – он зажег свет на крыше и на террасе. Маленькие светильники располагались так, что их свет был направлен вниз, заливая все здание сверху донизу. И казалось, что этот свет окутывает и защищает партнеров и их жен.

Или зачаровывает, подумал Кевин. Он впервые подумал о чем-то подобном. Впрочем, он быстро приписал эти мысли своей меланхолии – терраса и самоубийство Ричарда Джеффи не располагали к веселью. Холодный ночной воздух пробрал его до костей. Он слышал, как Мириам поет на кухне. Ее голос и теплая квартира окончательно избавили его от мрачных мыслей.

Глава 9

– Харон принес нам наш ключ! – Мириам даже не пыталась скрыть свой восторг. – Я позвонила Норме, и она сказала, что у всех партнеров есть ключи. Гостей и всех остальных выпускает охранник. – В тоне ее голоса явственно чувствовалось высокомерие.

«А раньше в нашей семье высокомерным был только я», – подумал Кевин. Он кивнул и посмотрел на золотой ключ на ладони Мириам. Ключ казался сделанным из настоящего золота. Мириам угадала его мысли.

– Это золото. Я спросила у Харона, и он подтвердил. Он чуть ли не улыбался.

Кевин взял ключ, рассмотрел его, взвесил на ладони.

– Довольно экстравагантно, тебе не кажется?

Она отобрала у него ключ.

– Ну, не знаю, не знаю...

Она пожала плечами и повернулась, чтобы еще раз полюбоваться своим отражением в зеркале. Они с Нормой и Джин только что совершили набег на магазины, чтобы купить что-то особенное. Кевин был удивлен выбором Мириам – облегающее черное трикотажное платье, которое сидело так плотно, что видны были даже ее ребра. С плеч оно, конечно, не падало, но декольте было настолько глубоким, что чуть ли не обнажало грудь. И обычного бюстгалтера Мириам не надела. Она выбрала пуш-ап – это посоветовали ей Норма и Джин. Благодаря этому ее грудь поднялась и приобрела еще более соблазнительную форму. Ложбинку подчеркивал розоватый мазок румян.

Кевину показалось, что перед ним не Мириам. Она умела одеваться сексуально и быть привлекательной, но никогда еще не выбирала столь откровенного наряда. Прежде она была более стильной, более сдержанной, стремилась к элегантности, а не к соблазнительности. И она никогда так сильно не красилась. Мириам явственно подвела глаза и выбрала слишком яркие тени, нарумянила щеки и накрасила губы алой помадой с блеском.

Кевин заметил, что Мириам не надела ожерелье, которое прекрасно подходило к золотым сережкам с жемчугом – этот гарнитур он подарил ей в последний день рождения. Нет, он не считал, что она нуждается в дополнительных украшениях. У Мириам была красивая шея, изящно переходящая в узкие, женственные плечи – они так удобно ложились в ладони Кевина, когда он обнимал ее, чтобы поцеловать. Но сейчас отсутствие украшений на шее лишь подчеркивало ощущение наготы и делало облик Мириам еще более провокационным.

И прическу она тоже сделала совершенно другую, пышную и соблазнительную. Она придавала ей этаким дикий и страстный вид. Не то чтобы ему это не нравилось, но платье, макияж и эта прическа создавали ей какой-то дешевый облик. Мириам стала похожа на уличную проститутку, но вместе с тем в ней появилась новая чувственность. Это заводило Кевина, хотя одновременно и тревожило.

– Что случилось? Тебе не нравится?

– Просто... ты какая-то другая, – максимально дипломатично пробормотал Кевин.

Мириам снова посмотрелась в зеркало.

– Да, точно! Я подумала, что мне стоит сменить имидж. Норма и Джин считают меня слишком консервативной. – Мириам рассмеялась. – Видел бы ты, как они изображают богатых дам с Лонг-Айленда – надменный вид, изысканное произношение... «Могу я посмотреть эту горжетку из лисы?»

Мириам комично изобразила богатую даму в магазине мехов.

– Я никогда не считал тебя такой, дорогая. И я никогда не считал тебя чересчур консервативной. Ты всегда была очень стильной и модной. Неужели женщины твоего возраста действительно так одеваются?

– Женщины моего возраста?! Ну и выражение, Кевин. – Мириам положила руки на бедра и нахмурилась.

– Я просто спросил. Может быть, я и правда закопался в своих книгах и не заметил, что происходит вокруг.

– Думаю, это случилось с нами обоими – просто мы этого не понимали.

– Ты так думаешь?

Удивительно – всего несколько дней назад он пытался убедить ее в этом, а теперь она говорит так, словно это он хотел навсегда остаться в тихой гавани Лонг-Айленда.

– Тебе не нравится мой вид? Ну скажи же!

– Я не говорил, что мне не нравится. Все очень мило. Просто я не знаю, можно ли тебя выпускать из дома. Мне весь вечер придется с кем-нибудь драться.

– О, Кевин. – Мириам улыбнулась и взглянула на часы. – Нам пора идти. Мы уже опаздываем.

– Угу, – пробормотал он, открывая дверь. Когда Мириам проходила мимо него, он поцеловал ее в шею.

– Кевин! Ты испортишь мне макияж!

– Хорошо, хорошо, сдаюсь. – Он шутливо поднял руки, а потом наклонился к ней и прошептал: – Но, думаю, сегодня ночью мы сделаем нашего ребенка.

– Потом, потом...

– Я могу подождать... немного...

Кевин засмеялся, и они направились к лифту. Двери распахнулись. Мириам достала из сумочки золотой ключ, вставила его в скважину под литерой «П», повернула. Двери стали закрываться, и Мириам победно улыбнулась. Кевин лишь головой покачал, а она убрала ключ в свою маленькую черную сумочку.

– Мы попадем прямо в гостиную, – прошептала она, когда лифт стал подниматься.

– Я знаю. Ребята сказали мне.

Однако когда двери распахнулись, оба застыли в изумлении. Гостиная мистера Милтона оказалась огромной и длинной, словно складское помещение. В центре бил фонтан, окруженный темно-красными полукруглыми бархатными диванами с подушками, большими и поменьше. Маленькие светильники подсвечивали искрящуюся воду, бившую из огромной беломраморной лилии всеми цветами радуги.

Пол покрывал толстый пушистый ковер молочного цвета. Кевин подумал, что на такой ковер сразу же хочется упасть и гладить его бесконечно. Стены были задрапированы рубиново-красными портьерами, между которыми располагались картины – преимущественно современные и, конечно же, только оригиналы. Некоторые напоминали творения Хелен Сколфилд. Вдоль стен среди мебели на пьедесталах стояли скульптуры из камня и дерева.

Дальняя стена состояла из огромных окон. Именно о ней с таким энтузиазмом говорили в лимузине Дейв, Тед и Пол. Портьеры были полностью раздвинуты, и глазам гостей открывался потрясающий вид Нью-Йорка. Справа стоял большой рояль с золотым канделябром – Кевин подумал, что это тоже настоящее золото. В левом углу находилась встроенная в стену огромная стереосистема. Колонки были вмонтированы в стены и даже в потолок. За пультом стоял высокий, очень худой чернокожий диск-жокей, который следил за музыкальным оформлением и что-то говорил. Черная шелковая рубашка была распахнута на груди. На коже цвета черного дерева поблескивал золотой медальон на толстой золотой цепочке.

Комната освещалась рядами светильников, закрепленных на потолке, несколькими лампами «Тиффани» и роскошными канделябрами из хрусталя «Уотерфорд». Разнообразные лампы и канделябры располагались возле диванов и кресел. Справа Кевин увидел бар – каменную стойку венчала дубовая столешница. Вдоль стойки стояли черные барные стулья с высокими спинками. За стойкой двое барменов смешивали коктейли: их отражения в зер-

кале повторяли все движения с крохотной задержкой. На деревянном держателе над стойкой висели сверкающие, как бриллианты, бокалы.

Слева мистер Милтон устроил небольшой танцпол, покрытый алой плиткой. Вращающийся сверкающий шар над площадкой посылал во все стороны синие, зеленые и красные лучи. Гости весело танцевали под энергичную музыку. Танцпол окружали зеркала, в которых отражались цветные лучи и сами танцоры. Казалось, что некоторых завораживают собственные движения.

В гостиной собралось уже человек сорок. Кевин заметил, что все секретарши пришли со спутниками. Венди помахала ему с танцпола. Диана со своим спутником сидела на диване. Она тоже заметила Кевина и махнула ему.

– Это наши секретарши, – объяснил Кевин Мириам.

– Секретарши? – изумилась Мириам.

Она переводила взгляд с Венди на Диану. На Венди был ярко-синий брючный костюм с открытой спиной. Открытой – это еще мягко сказано, вырез доходил до ягодич и даже ниже. Диана надела черное боди и джинсы. Совершенно ясно было, что бюстгалтера на ней нет – тонкий материал ничего не скрывал.

– Неудивительно, что ты так рвешься на работу, – мрачно заметила Мириам. Кевин ответил ей лукавой улыбкой.

Впрочем, красивых женщин здесь хватало. Их сопровождали мужчины в блейзерах или деловых костюмах. В зале царил атмосфера роскоши – официанты в белых пиджаках и черных галстуках и официантки в черных юбках и белых блузках сновали по залу, разнося подносы с восхитительными горячими закусками, коктейлями, бокалами с шампанским.

Диана откинулась на спинку дивана, и двое мужчин принялись кормить ее виноградом. Они дразнили ее, касаясь ягодами ее губ. А потом в ее губах оказалась не только ягода, но и мужской палец.

Кевин услышал взрыв женского смеха слева от себя и повернулся посмотреть, что происходит. Мужчины и женщины танцевали, так тесно прижавшись друг к другу, что казались слившимися в сексуальном экстазе. В центре зала пышнотелая рыжеволосая босая женщина в чем-то, более всего напоминающем комбинацию, направлялась к барной стойке. Даже женщины смотрели на нее весьма заинтересованно. Под яркими лучами ее платье ничего не скрывало. Она вполне могла прийти и топлес, подумал Кевин. Возле стойки она села между двумя мужчинами, которые тут же придвинулись к ней, словно она была магнитом, а они сами сделаны из железа.

Кевину показалось, что они с Мириам попали на современный вариант древнеримской оргии. Он был возбужден, очарован и смущен. Неудивительно, что его коллеги с таким восторгом говорили о предстоящей вечеринке в пентхаусе.

Мистер Милтон и партнеры стояли возле окна с бокалами шампанского. Мистер Милтон выбрал для сегодняшнего вечера алый смокинг и подходящие по тону брюки. Увидев выходящих из лифта Кевина и Мириам, он что-то сказал Полу Сколфилду. Пол кивнул диск-жокею за пультом, и музыка умолкла.

Все притихли. Мистер Милтон вышел вперед.

– Дамы и господа, хочу представить вам нашего нового партнера и его супругу. Кевин и Мириам Тейлор!

Зал взорвался аплодисментами. Кевин посмотрел на Мириам. Она просто сияла. Ее глаза блестели от возбуждения. Он никогда еще не видел ее такой яркой и сияющей. Она сжала его руку.

– Благодарю вас, – сказал Кевин, раскланиваясь.

Мистер Милтон направился к ним, и музыка заиграла вновь. Все вернулись к своим занятиям. Мириам искала взглядом Норму и Джин – они махали ей с другой стороны

танцпола. Где-то в середине зала безучастно сидела Хелен Сколфилд. В руке она держала бокал белого вина. Хелен сидела так неподвижно, что ее можно было принять за еще одну статую.

– Добро пожаловать, – сказал мистер Милтон.

– Мириам, позволь тебе представить мистера Милтона, – произнес Кевин.

Джон Милтон взял руку Мириам правой рукой, потом накрыл ее левой. Он улыбался.

– Мне говорили, что вы очень привлекательная женщина, Мириам, но вижу, что они явно преуменьшали.

– Спасибо, – покраснела Мириам. – Наверное, не следовало вам говорить, но у меня такое чувство, что я вас уже знаю. Мне многие рассказывали о вас.

– Надеюсь, только хорошее? – Милтон шутливо нахмурился, глядя на Кевина.

– Можете даже не сомневаться. – Кевин торжественно поднял правую руку. Милтон рассмеялся.

– Позвольте мне предложить вам напитки и познакомить с гостями. А потом, – сказал он, все еще удерживая руку Мириам, – мы попробуем уговорить Мириам сыграть нам на рояле.

– О нет, – простонала Мириам, бросая укоризненный взгляд на улыбающихся Норму и Джин, – они вам проболтались...

– Им и не обязательно было. Я знал. Ваша слава идет впереди вас.

Мириам улыбнулась.

– Думаю, мне нужно немного выпить, – сказала она.

Кевин рассмеялся, и они втроем направились к официанту, чтобы взять по коктейлю, а затем приступить к знакомству.

Количество профессионалов, принявших приглашение Милтона, произвело на Кевина впечатление. Здесь были адвокаты из других фирм – о многих он слышал, каких-то помнил еще по годам учебы, когда студенты обсуждали, где им хотелось бы работать. Кевин и Мириам познакомились с двумя врачами – оба были кардиохирургами. Он узнал знаменитого бродвейского актера, исполнявшего харбктерные роли. Среди гостей был известный журналист из «Нью-Йорк пост». Кевин познакомился и с помощником окружного прокурора Бобом Маккензи.

– Боб любит время от времени заглядывать в стан врага, – пошутил мистер Милтон и полшутя-полусерьезно добавил: – Особенно когда у нас появляется новая звезда.

– Я еще не звезда, – смутился Кевин и пожал длинную руку Маккензи.

Помощник прокурора напомнил Кевину Линкольна – высокий, худой, но крепкий – это явственно чувствовалось по рукопожатию. У Маккензи было узкое смуглое лицо с резкими чертами и глубоко посаженными печальными глазами.

– Проблема в том, – сказал Маккензи, – что все, кто работает на Джона Милтона, раньше или позже становятся звездами. И это заметно осложняет работу окружного прокурора.

Милтон рассмеялся.

– Послушай, Боб, – сказал он. – Мы вовсе не собираемся осложнять тебе жизнь. Мы просто хотим, чтобы ты смог проявить себя во всем блеске. Ты должен быть нам благодарен.

– Прислушаюсь к вашему совету, – ответил Маккензи, тряхнув головой. – Теперь понимаете, почему его адвокаты всегда так блестяще выступают? Рад познакомиться с вами, Кевин. Как я понимаю, вы будете заниматься делом Ротберга?

– Да.

– Ну, как говорится, увидимся в суде. – Маккензи кивнул Мириам и отправился общаться с другими гостями.

– Серьезный человек, – сказал Кевин. – Он хоть когда-нибудь улыбается?

– Вообще-то в последние дни ему нечему радоваться, – заметил Милтон, сверкнув глазами. – Давайте я покажу вам свой пентхаус.

Джон Милтон взял Мириам под руку. Они пошли налево и вышли в коридор, откуда открывались двери в три гостевые спальни, кабинет, три ванные и комнату самого хозяина дома.

Все комнаты были огромными. В выложенных красивым кафелем ванных красовались блестящие джакузи, как Кевину и рассказывали.

– Мне не нравится эта планировка – напоминает вагон, – сказал Милтон, когда они шли по коридору. – Но я не хочу все ломать, чтобы сделать что-то новое.

– О, у вас так красиво! – воскликнула Мириам, когда они остановились возле очередной ванной комнаты.

Джон Милтон взглянул на нее и подмигнул Кевину:

– Если захотите, можете пользоваться джакузи. У нас по-простому: первый пришел, первого обслужили.

Когда они заглянули в спальню Джона Милтона, Кевин понял, почему Пол и остальные адвокаты говорили о роскоши и гедонизме. В центре стояла огромная тяжелая дубовая кровать. Судя по всему, и она сама, и все, что на ней находилось, делалось на заказ. Такую кровать мог бы позволить себе Генрих VIII. Над кроватью был балдахин, укрепленный на высоких столбах. Столбы были покрыты резьбой – изображениями мифологических персонажей: единорогов, сатиров, циклопов. Кевин сразу же вспомнил кресла в кабинете Джона Милтона в офисе. Наверное, и кровать делал тот же мастер.

Покрывало и огромные подушки были алыми и белыми. В тех же тонах была отделана и вся комната – алые и белые портьеры, рубинового цвета лампы, белые стены с красными спиралями, напоминавшими взорвавшиеся звезды. Пол устилал такой же, как в гостиной, белый пушистый ковер.

Потолок в спальне был зеркальным. Взглянув вверх, они заметили, что их фигуры исказились и как бы стекли к центру комнаты. Интересный эротический эффект, подумал Кевин.

– Вижу, вы любите красный цвет, – сказал он, заметив, что Милтон улыбается, глядя на него.

– Да, я люблю резкие, чистые цвета – красный, белый, абсолютно черный. Они отвечают моей склонности к четкости и определенности. Терпеть не могу, когда люди мямлят что-то неопределенное. Жизнь была бы гораздо проще, если бы мы ясно все определяли. Вы так не думаете? – обратился он к Мириам.

– Да, да, – ответила она, с интересом рассматривая мебель, шкафы, картины и огромную кровать. Напротив кровати на стене был гигантский телевизионный экран.

– Что ж, я надолго оторвал вас от общего веселья. Давайте вернемся и повеселимся.

Милтон выключил свет, и они вернулись в гостиную.

Вечеринка понравилась и Кевину, и Мириам. Разговоры были увлекательными и интересными. Гости обсуждали новые бродвейские постановки и спектакли других театров. Кевин ввязался в оживленную политическую дискуссию с несколькими адвокатами и судьей Верховного суда штата. Они с Мириам танцевали друг с другом и с другими партнерами – с Тедом, Дейвом и их женами.

Одна лишь Хелен Сколфилд так и не тронулась с места. Каждый раз, когда Кевин смотрел в ту сторону, он замечал, что ее взгляд направлен на него. В конце концов он решил подойти и поздороваться. Он видел, что Пол стоит рядом с мистером Милтоном и оба пристально глядят на него. Наверное, они беспокоятся о ней, подумал Кевин.

– Похоже, вам не очень интересно, – сказал он. – Может быть, принести вам что-нибудь выпить? Или закуски? Не хотите потанцевать?

– Нет, нет, со мной все хорошо. Вам следует беспокоиться о себе... и о вашей жене, – ответила она, и Кевин не услышал в ее тоне ни сарказма, ни гнева.

– Простите?

– Вам хорошо здесь, Кевин Тейлор?

Кевин рассмеялся.

– Можете называть меня просто Квином. Да, здесь очень хорошо. Прекрасная вечеринка.

– Это еще только начало. Вечеринка еще и не начиналась.

– Не начиналась? – Он осмотрелся вокруг. Хелен пристально смотрела на него, как в тот день, когда они встретились возле лифта. И взгляд этот заставлял его нервничать. – Скажите... скажите, это ваши картины?

– Да, некоторые мои, но я написала их давно. Тогда я создавала только то, что желал мистер Милтон. Ему вовсе не хотелось, чтобы я писала что-то вроде той картины в вашем доме. Вы повесили ее?

– Да, конечно. Я нахожу ее... интересной.

– Посматривайте на нее, Кевин Тейлор. Это единственная ваша надежда. – И в этот момент к ним подошел Пол.

– Хелен, как ты, дорогая?

– Я устала, Пол. Ты не будешь против, если я ускользну?

Пол инстинктивно обернулся на мистера Милтона.

– Мистеру Милтону все равно, – быстро добавила Хелен. – У него новое развлечение. – Она повернулась к Квину и пристально на него посмотрела.

Кевин смущенно взглянул на Пола, но тот лишь покачал головой.

– Конечно, дорогая. Спускайся в квартиру. Я тоже долго не задержусь.

– Не дольше, чем обычно, полагаю, – сухо ответила Хелен. – Спокойной ночи, Кевин Тейлор.

Хелен поднялась и направилась к выходу, но остановилась и обернулась к нему. Склонив голову набок, она спросила:

– Вам нравится все это, верно?

Кевин улыбнулся и поднял руки.

– Ну как это может кому-то не нравиться?

Хелен кивнула, словно подтверждая свое впечатление.

– Он умеет выбирать.

– Хелен, иди домой! – рявкнул Пол.

Хелен покорно повернулась и двинулась к лифту.

– Извини, – пробормотал Пол, глядя вслед жене. – Я думал, что вечеринка поможет ей развеяться, но она по-прежнему в депрессии. Она принимает лекарства, прописанные врачом, но это не помогает. Нужно будет завтра с ним поговорить.

– Так печально... Если мы с Мириам можем чем-то помочь...

– Спасибо. Развлекайтесь – это ваш вечер. Не грустите из-за пустяков. Пойдем, мистер Милтон зовет нас в кабинет. Тед и Дейв уже там.

Пол хмуро смотрел, как его жена входит в лифт. Она стояла в кабине неподвижно, как статуя. На губах ее играла загадочная улыбка Моны Лизы.

Кевин поискал взглядом Мириам и увидел, что она с мистером Милтоном направляется к танцполу. Он дождался, когда они начнут танцевать.

– Посмотри-ка на босса. Отсюда он кажется на двадцать лет моложе.

– Точно. – Лицо Пола расслабилось, на губах появилась прежняя улыбка. – Что за человек! Пошли...

Они прошли через весь зал. Перед дверью Кевин оглянулся и увидел, как Мириам танцует. Он никогда прежде не видел, чтобы она так откровенно танцевала на людях.

– Пошли же, – потянул его Пол, и Кевин пошел вслед за ним в кабинет, где уже собрались остальные партнеры.

По их улыбкам он понял, что эта встреча не случайна. Тед налил ему шампанского – на сей раз это был «Дом Периньон». Дейв откашлялся.

– Мы решили удалиться от толпы, чтобы остаться наедине, – произнес он. – Но сначала главное. – Он поднял бокал. – Мы решили использовать эту возможность, чтобы поприветствовать нового члена нашей юридической семьи. Пусть его таланты, остроумие и знания в полной мере проявятся в грядущих судебных битвах!

– Пусть будет так, – подхватили Тед и Пол.

– За Кевина, – произнес Дейв.

– За Кевина, – повторили Тед и Пол, и все выпили.

– Спасибо, ребята. Я высоко ценю то, что вы и ваши жены сделали для нас с Мириам. Мне правда очень хочется стать частью вашей фирмы. Я боюсь лишь не оправдать высокие ожидания – ваши и мистера Милтона.

– Да все будет в порядке, приятель, – подбодрил его Пол.

– Мы все поначалу чувствовали то же самое, – подхватил Тед. – Не поверишь, как быстро это проходит.

Они уселись, и Дейв начал рассказывать новый анекдот. Общий смех раскатился по коридору. Еще шампанское, еще анекдоты... Кевин не знал, сколько прошло времени, как вдруг все умолкло. Раздались звуки рояля.

– Наверное, это твоя жена, – сказал Дейв. – Мы слышали, что она отлично играет.

Они быстро поднялись и вернулись в гостиную. Все столпились вокруг рояля. Мириам играла. Мистер Милтон стоял слева от нее, положив руку на крышку рояля и глядя на гостей. На его лице играла гордая улыбка. Можно было подумать, что Мириам – его дочь или даже... даже жена.

Кевин подошел ближе. Пальцы Мириам летали по клавишам с такой легкостью и грацией, какой он никогда прежде не видел. Ее лицо было торжественным, она сидела, выпрямив спину. Ее буквально окутывала атмосфера уверенности. Не было робости, медлительности, неуверенности. Она играла, как профессиональная пианистка.

А музыка... Она была чудесной. Кевин не узнал пьесу и подумал, что она специально разучила что-то на случай, если ее будут уговаривать. Впрочем, она не была похожа на человека, которого уговорили. Она играла словно специально приглашенный пианист. Оглядевшись, Кевин увидел, что на лицах гостей застыло выражение восхищения и уважения. Гости кивали и переглядывались. Казалось, что их изумляет очередная находка мистера Милтона.

Но ведь это не так, подумал Кевин. Это было странно. Он почувствовал головокружение и пожалел, что выпил слишком много шампанского. Он потерял счет выпитому, но, посмотрев на свой бокал, ощутил непреодолимое желание выпить еще. Розовое шампанское на его глазах превращалось в кроваво-красное.

Он заметил, что на него смотрит Диана, и улыбнулся ей. Она кивнула на Мириам и подняла брови. Неожиданно все закружилось у него перед глазами. Он пошатнулся, но удержался на ногах, схватившись за спинку стоявшего справа стула. Кевин закрыл глаза, потряс головой. Открыв глаза, он почувствовал, что пол уходит из-под ног, как беговая дорожка. Он снова потряс головой и закрыл глаза. Открыв их, он увидел, что рядом с ним стоит Диана.

– С вами все в порядке? – прошептала она.

– Голова слегка кружится. Слишком много шампанского...

– Все нормально. На вас никто не обращает внимания. Мириам всех очаровала. Обойдитесь на меня, и я провожу вас в кабинет. Вы сможете отдохнуть немного. Я принесу вам влажную салфетку.

– Да, может быть, вы правы...

Он позволил ей увести себя. Большую часть времени глаза его были закрыты, потому что стоило их открыть, как стены начинали вращаться. Диана усадила его на мягкий кожаный диван в кабинете, потом вышла за салфеткой. Кевин откинулся назад, положил голову на спинку дивана и попытался открыть глаза. Потолок закружился, как водоворот. Ему показалось, что его затягивает внутрь. Это было так неприятно, что он снова закрыл глаза и не открывал, пока не почувствовал на лбу приятный холод.

– Через несколько минут все будет в порядке, – сказала Диана.

– Спасибо вам.

– Хотите, я останусь с вами?

– Нет, нет, все в порядке. Мне просто нужно немного отдохнуть. Когда Мириам закончит играть, скажите ей, где я и что со мной все в порядке.

– Обязательно.

– Спасибо, – пробормотал он и закрыл глаза.

Через минуту он заснул. Проснувшись, он не понял, сколько времени прошло. Он вообще ничего не понял. Где он? Как он здесь оказался? Кевин потер лицо сухими ладонями и огляделся. И вдруг он все вспомнил и осознал, что вокруг очень, очень тихо. Ни музыки, ни шума вечеринки.

Кевин поднялся на ноги. Сначала его слегка шатало, но скоро он обрел равновесие. Он направился к двери, вышел в коридор. В коридоре горел яркий свет, в гостиной же было полутемно. Он быстро зашагал туда. Фонтан работал, но цветные огоньки уже погасили. За барной стойкой горел небольшой светильник. Портьеры были опущены, музыка не играла. Гости разошлись. Комнату освещал свет лифта, который стоял на этаже с раскрытыми дверями.

– Что за... что за черт...

Кевин энергично потер лицо, словно это могло что-то изменить. Но все осталось прежним.

– Эй! – крикнул он, и его голос эхом отдался в пустом зале. – Мистер Милтон?

Он повернулся и посмотрел в коридор.

– Мириам?

Ответом ему была тишина, нарушаемая лишь тихим журчанием воды в фонтане.

«Мириам никак не могла уйти без меня, – подумал он. – Это безумие. Куда, черт побери, все делись? Или это такая шутка? Меня разыграли за то, что я увлекся шампанским?»

Конечно, а что другое? Все, уж по крайней мере партнеры, наверняка прячутся в этих комнатах. Кевин рассмеялся и тряхнул головой. Ну что за люди!

Он пошел по коридору, стараясь двигаться как можно тише. Ему казалось, что Дейв или Тед вот-вот выскочат из какой-нибудь комнаты. Он заглянул в первую, но там царил полный мрак. То же самое во второй, и в третьей... В огромных ваннах тоже никого не было. Он точно знал, что в кабинете было пусто.

Он остановился перед дверью спальни Милтона и прислушался. Было тихо. Он осторожно постучал и стал ждать.

– Мистер Милтон?

Ответа не последовало. Может быть, нужно постучать громче? «Наверное, он спит, – подумал Кевин. – Вечеринка кончилась, все разъехались, и он лег спать. Мириам меня бросила. Может быть, она рассердилась и убежала. Диана сказала ей, где я и что со мной. Она

пришла, посмотрела, не смогла разбудить и разозлилась. Наверное, мистер Милтон посоветовал ей оставить меня в кабинете. Если я проснусь, он отправит меня домой. Так, наверное, и было. Разве могло быть по-другому?»

Он прислушался еще раз, повернулся и пошел к лифту.

– Ну и ночь, – пробормотал он, нажимая кнопку.

Двери лифта закрылись и открылись на его этаже. В коридоре было пусто и тихо. Кевин вышел и быстро направился к своей квартире, нащупывая в кармане ключ. В квартире было темно, и это удивило Кевина. Разве Мириам не подумала, что он вернется среди ночи? «Черт, она, наверное, страшно рассердилась», – решил он. Он впервые так сильно напился.

Он прошел через всю квартиру и остановился перед закрытой дверью спальни. Сквозь щель пробивался слабый свет. Ну хоть ночник оставила для него, подумал он и начал придумывать оправдания и извинения. Но, потянувшись к дверной ручке, он замер. Из спальни доносились приглушенные стоны. Какое-то время он не мог пошевелиться. Стоны становились громче. Эротические стоны поразили его в самое сердце. Он снова потянулся к ручке, но стоило ему ее коснуться, как его пальцы окоченели от холода. Ручка обожгла ему пальцы, словно была сделана из сухого льда. Он попытался отдернуть руку, но пальцы прилипли к металлу. Пальцы его больше не слушались. Они повернули ручку, а его рука толкнула дверь вперед, пока та не распахнулась настежь. Он увидел все.

Обнаженные тела на постели. Мужчина и женщина. Что-то в облике мужчины показалось Кевину до боли знакомым. Он сделал шаг и вошел в комнату. Неужели это Мириам? Он сделал еще шаг. Мужчина замер, толчки прекратились. Женщина сдвинулась вправо и приподнялась. Теперь он отчетливо ее видел. Это была Мириам!

– Нет! – крикнул он.

Мужчина оторвал губы от Мириам, но не пошевелился, глядя на нее сверху вниз. Мириам потянула его вниз, чтобы поцеловать в губы. Через мгновение они снова слились в экстазе, ритмично двигаясь. Мириам стонала, ее пальцы впивались в его ягодицы, направляя его вглубь, требуя все более и более сильных толчков. Она подняла ноги и обхватила ими мужчину за талию. Энергия и сила их секса были настолько велики, что кровать качалась, а пружины матраса отчаянно скрипели.

– Нет! – крикнул Кевин.

Он быстро бежал кровать и потянулся, чтобы схватить мужчину за плечи, вышвырнуть его прочь. Но мужчина словно приклеился к Мириам. Они стали единым целым. Кевин стал молотить его по спине, вкладывая в каждый удар всю свою силу, но мужчина, казалось, ничего не чувствовал. Он продолжал двигаться ритмично и уверенно. Кевин схватил его за талию, но не смог оторвать от Мириам, а лишь усилил его движения. Он понял, что толкает мужское тело вниз и тянет его на себя. Он попытался отстраниться от этого тела, но руки его не слушались. Стоны Мириам стали громче. Она достигла кульминации и закричала в экстазе.

– Мириам! – Руки Кевина наконец-то освободились.

В отчаянии он схватил мужчину за волосы и потянул на себя, почти отрывая пряди от черепа. В конце концов мужчина оторвался от тела Мириам и стал медленно поворачиваться. Кевин ослабил хватку и приготовился нанести удар кулаком в лицо. Но когда мужчина развернулся, кулак Кевина разжался. Он схватился руками за голову.

– Нет! – крикнул он. – Какого...

Он смотрел на самого себя! И этот шок отправил его обратно во мрак.

Глава 10

– Нет! – крикнул Кевин и сел на постели. В спальне было темно.

– Кевин? – Мириам повернулась, чтобы включить ночник на тумбочке.

Когда зажегся свет, Кевин в ужасе огляделся. На лице его застыло выражение страха и смущения.

– Что? Где... – Он смотрел на Мириам. Жена упала на подушки и изумленно смотрела на него. – Мириам... Я... Как я добрался до постели? Где... – Он снова огляделся вокруг, ища следы... кого? Себя?

Мириам покачала головой и села в постели.

– Где кто?

Он смотрел на нее. Она явно его не понимала.

– Как я добрался до постели? – пробормотал он.

– Кевин Тейлор, ты вообще ничего не помнишь?

– Я... – Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза руками. – Последнее, что я помню, – это кабинет. Я проснулся, все уже ушли, поэтому я спустился сюда и...

– Ты сюда не спускался. Тебя сюда принесли!

– Принесли?!

– Ребята нашли тебя мертвецки пьяным на полу в кабинете мистера Милтона. Секретарша рассказала им, что с тобой случилось, они подняли тебя и притащили домой, как бревно. Когда я доиграла, Пол Сколфилд подошел и все мне рассказал. Он сказал, что ты отключился, и я не стала торопиться. Я осталась, пока гости не начали расходиться. Тогда я попрощалась с мистером Милтоном и вернулась домой. Стоило мне лечь, как ты проснулся, и мы...

– Мы что?!

– Занялись любовью! Ты был великолепен. Это была одна из лучших ночей в моей жизни. Неужели ты был так пьян, что не понимал, что делаешь? Ты вообще ничего не помнишь?

– Мы занимались любовью? – До Кевина не сразу дошел смысл ее слов. Ему нужно было разобраться в своих мыслях. – Значит, это был всего лишь сон. – Он с облегчением рассмеялся и повторил: – Это был всего лишь сон.

– Что значит – сон?

– Ничего... Я... О, Мириам, я так виноват! Я просто не понял, как много выпил. Я пропустил всю вечеринку?

– Не страшно. Никто и не заметил. Я же сказала, ребята отлично справились.

– А мистер Милтон?

– Не волнуйся. Ты ему нравишься. Я прекрасно провела время – особенно после вечеринки, помнишь ты это или нет. Может быть, тебе стоит напиться почаще?

Кевин на минуту задумался. Неужели он мог не помнить, как они занимались любовью?!

– И я был хорош?

– Могу лишь сказать, что ты касался меня, как никогда прежде. Ты словно...

– Словно что? – Он заметил, что она покраснела при воспоминании. – Ну же, скажи мне...

– Ты становился во мне все больше и больше... Я была полностью заполнена тобой. Если мы не зачали ребенка сегодня ночью, то я уж и не знаю, когда нам это удастся. – Она наклонилась, нежно поцеловала его в губы и прошептала: – Прости, если я была немного несдержанной.

Одеяло сползло, обнажив ее грудь.

– Несдержанной?

– Я слишком тебя расцарапала. Я знала, что царапаюсь, но за страсть нужно платить! – Она снова поцеловала его, ее язык пробрался ему в рот, соблазняя и заигрывая. – Я никогда этого не забуду, – прошептала Мириам после поцелуя. – Даже если ты уже забыл.

– Я... Я никогда еще не был настолько пьян, чтобы не помнить, где я был и что делал. А уж забыть, как мы занимались любовью... Прости...

– Ты – лучший, – шепнула она и легла на спину.

Мириам улыбалась ему, и он снова вспомнил то, что ему снилось. Он потряс головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания.

– Что-то не так?

– Ничего, просто голова немного кружится. Пойду умоюсь холодной водой. Ну и ночка выдалась!

Кевин сполз с постели и пошел в ванную. Посмотревшись в зеркало, он заметил, что глаза его налились кровью. Он плеснул в лицо ледяной водой, сходил в туалет. Прежде чем выйти из ванной, он обернулся и посмотрел в зеркало на свои обнаженные ягодицы. Никаких царапин!

«Пощарапала меня? – Он пожал плечами. – Наверное, она была так возбуждена, что ей показалось. Слава богу, что это был лишь кошмар. Но жаль, что я не получил удовольствия от секса. Судя по тому, что она говорила, это было замечательно».

Кевин улыбнулся про себя и вернулся в постель. Мириам обняла его, они занялись любовью, но когда все кончилось, она выглядела разочарованной.

– Что-то не так? Я был не так хорош, как раньше?

– Наверное, ты устал, – сказала она, но, заметив его разочарованный вид, поправи-
лась: – Все было хорошо, но не так, как ночью. Уверена, это повторится.

– Ну нет, дорогая, я не собираюсь снова так напиваться. И не мечтай!

Мириам посмотрела на него с подозрением.

– Когда ты ушел с вечеринки в кабинет?

– Ты играла на рояле... прекрасно играла. Я никогда не слышал, чтобы ты так играла, Мириам. А эта музыка... Когда ты выучила новую пьесу?

– Это была не новая пьеса, Кевин. Я часто ее играю.

– Правда? Забавно, но я совершенно ее не помню, – сказал он, встряхивая головой.

– Может быть, шампанское лишило тебя воспоминаний, – саркастически заметила она.

– Прости. Я просто... Пожалуй, мне лучше уснуть...

– Отличная идея, Кев. – Мириам отвернулась.

Он лег на спину и задумался. Как он мог забыть о таком сильном и ярком сексе? Это просто невозможно! «А мой кошмар?» – вдруг вспомнил он. Одно исключало другое. Он закрыл глаза и мгновенно уснул.

Утром позвонили Тед и Дейв, спросить, как он себя чувствует. Пол даже зашел к ним.

– Похоже, я должен поблагодарить вас, ребята, – пробормотал Кевин. – Но, хоть убей, я ничего не помню!

– Когда мы притащили тебя домой, ты почти спал... Нам и правда пришлось тебя тащить. – Пол подмигнул Мириам. – Мириам, ты чудесно играла.

– Спасибо, – поблагодарила она и метнула на Кевина довольный взгляд.

Уикенд прошел чудесно. Дейв, Тед и Кевин с женами отправились на утренний спектакль на Бродвей. Благодаря связям мистера Милтона им достались лучшие билеты в первом ряду. Пол не смог пойти с ними – он хотел отвезти Хелен к врачу. Он надеялся присо-

единиться к ним за ужином, но так и не появился. Потом он объяснил, что Хелен отказалась выходить, а ему не хотелось оставлять ее одну.

В воскресенье все собрались в пентхаусе посмотреть футбол. На сей раз Пол присоединился, но Хелен осталась дома. Ей нужно было отдохнуть – Пол сказал, что ей прописали более сильные лекарства.

– Мне пришлось пригласить сиделку, – сказал он. – К счастью, няня, которая работала у Ричарда Джеффи, миссис Лоншан, оказалась свободна. Однако если улучшений не наступит, Хелен придется поместить в лечебницу.

– Ты сделаешь то, что будет лучше для нее, Пол, – сказал мистер Милтон и отозвал Пола в сторону, чтобы что-то обсудить.

Норма и Джин принесли воздушную кукурузу, которую приготовили на кухне мистера Милтона, и все внимание сосредоточилось на игре.

Следующая неделя выдалась напряженной. Дело Пола рассматривалось в суде, а Дейв и Тед получили новых клиентов. Дейв защищал сына врача, которого обвиняли в том, что он крал у отца наркотические средства и распространял их в колледже. Теду досталось рутинное дело о проникновении со взломом: грабителя он уже защищал, и тогда его оправдали. Тед надеялся на сделку с правосудием – и это ему удалось. К концу недели он договорился о том, что клиент получит четверть того срока, который мог бы получить в суде.

Дело Пола тоже развивалось по плану. Окружной прокурор решил доказать, что Филипп Галан виновен в убийстве младшего брата, и это решение оказалось стратегической ошибкой. Несмотря на то что Филипп не раскаивался, Пол сумел найти опытных психиатров, которые сообщили суду, что мальчик и раньше проявлял склонность к импульсивному поведению и страдал эмоциональной неуравновешенностью. Полу удалось доказать, что здесь больше виноваты родители. Судья решил, что Филиппа нужно поместить под присмотр психиатров.

В четверг Кевин встретился с сиделкой Максины Ротберг, Беверли Морган. После смерти Максины она съехала из отеля и теперь жила с сестрой в маленьком городке Миддлтаун, примерно в полутора часах езды от Манхэттена. Кевин договорился, что Харон отвезет его туда.

Сестра Беверли Морган жила в небольшом белом домике в переулке. Квартал был небогатым – узкие улочки, старые, облезлые дома. Козырек над крыльцом прогнулся, плитки на дорожке растрескались. Снег здесь шел чаще и сильнее, чем в Нью-Йорке. Улица была покрыта лужами и грязью после недавнего снегопада. Городок поверг Кевина в уныние – все было таким скучным, поблекшим, ветхим...

Беверли Морган оказалась дома одна. Плотная чернокожая женщина 58 лет, с тусклыми черными волосами и белоснежными прядями на макушке. Волосы были подстрижены неровно. Кевин подумал, что стригла ее сестра или кто-то из приятельниц. Она смотрела на него крупными черными глазами с яркими белками. Взгляд выдавал страх и недоверие. На ней было светло-зеленое платье, напоминавшее вылинявшую сестринскую форму, и желтовато-зеленый свитер.

Не поздоровавшись, она покосилась на лимузин. С водительской стороны стоял Харон и пристально смотрел на нее.

– Вы – адвокат? – спросила она, не отрывая глаз от Харона.

– Да, мэм. Кевин Тейлор.

Она кивнула и отступила, пропуская его в дом. Прежде чем закрыть дверь, она еще раз взглянула на Харона. В маленькой прихожей на полу лежал грязный и поблекший половичок. Справа стояла потемневшая сосновая вешалка, а справа на стене висело квадратное зеркало в такой же сосновой раме.

– Можете повесить пальто здесь. – Беверли кивнула на вешалку.

– Спасибо. – Кевин быстро снял свое замшевое пальто и повесил его.

В доме восхитительно пахло жареным цыпленком. Рот Кевина наполнился слюной.

– Пахнет аппетитно, – заметил он.

– Угу, – пробормотала Беверли и повела его в гостиную.

Гостиная обогревалась угольной печью. Кевин ослабил галстук и огляделся. Мебель была явно куплена на распродаже, подушки на диване засадились. Единственным красивым предметом в комнате были старинные деревянные часы, которые показывали точное время.

– Красивые часы, – произнес Кевин.

– Это моего отца. Он их сохранил, несмотря ни на что. Садитесь. Хотите чаю?

– Нет-нет, спасибо.

– Тогда давайте перейдем к делу. Мне приходилось общаться с адвокатами.

Беверли опустила в светло-коричневое кресло, стоявшее напротив дивана. Казалось, что кресло обняло ее плотную фигуру. Она скрестила ноги и хмыкнула.

– Дело очень серьезное.

– У богатых других не бывает.

Кевин попытался улыбнуться. На нижней полке книжного шкафа он заметил бутылку бурбона и стакан. На дне стакана осталось немного виски. Кевин открыл кейс и вытащил большой блокнот, потом снова уселся на диван.

– Что вы можете рассказать мне о смерти миссис Ротберг?

– То же, что и окружному прокурору, – механически ответила Беверли. – Я вошла в комнату и увидела, что она упала с постели. Сначала я подумала, что это сердечный приступ. Я позвонила врачу, попыталась сделать искусственное дыхание, потом позвонила в отель, чтобы нашли мистера Ротберга.

– Когда вы в последний раз видели ее в сознании?

– Сразу после ужина. Я посидела с ней немного. Потом она сказала, что устала, но попросила меня оставить телевизор включенным. Я ушла в свою комнату смотреть телевизор. Когда я вернулась, она была мертвой.

– И в тот день вы ввели ей обычную дозу инсулина?

– Угу...

– Вы абсолютно уверены, что ввели ей правильную дозу?

– Да, уверена, – твердо ответила женщина.

– Хорошо. – Кевин сделал вид, что что-то записывает. Он написал «заняла оборонительную позицию». Впрочем, кто бы на ее месте повел себя по-другому?

– Давайте перейдем к делу, Беверли. Могу я называть вас Беверли?

– Так меня зовут.

– Хорошо. Я перейду к сути, чтобы не тратить ваше время попусту. – Она кивнула, но глаза ее подозрительно сузились. – Вы знаете, в чем обвиняют мистера Ротберга? Вы видели, как он входил в спальню жены, когда вы уходили?

– Нет. Я пошла прямо в свою комнату. Я же вам сказала.

– Хорошо. Вы знаете, что в комнате мистера Ротберга нашли инсулин. Вы можете это как-нибудь объяснить?

Она покачала головой.

– Беверли, вы должны знать, что у мистера Ротберга был роман на стороне.

– Конечно.

– Миссис Ротберг тоже об этом знала?

– Угу.

– Она что-нибудь говорила об этом?

– Нет. Она была настоящей леди – до самого конца.

– Тогда откуда же вы знаете, что ей обо всем было известно? – быстро спросил Кевин, словно на перекрестном допросе.

– Она должна была знать. К ней многие приходили.

– Значит, вы слышали, как кто-то говорил ей об этом?

Беверли замялась.

– Я не утверждаю, что вы подслушивали, но когда вы работали поблизости...

– Да, иногда я слышала разговоры...

– Понимаю. Не доводилось ли вам – случайно, разумеется, – слышать разговор на эту тему между мистером и миссис Ротберг?

– Вы спрашиваете, не ссорились ли они из-за этого? Нет, я не слышала. Но я много раз входила в комнату сразу после него и видела, что она расстроена.

– Так-так. – Кевин пристально посмотрел на сиделку. – То есть вы хотите сказать, что миссис Ротберг была подавлена?

– Маловато у нее было поводов для радости. Она стала инвалидом, а ее муж пошел налево. Но хотя ей было нелегко, она чаще всего пребывала в хорошем настроении. Она была замечательной женщиной. Настоящая леди, понимаете?

– Да, понимаю. – Кевин откинулся назад и расслабился. – У вас был нелегкий период в жизни, Беверли? – спросил он, стараясь говорить максимально сочувственно.

– Нелегкий период?

– В вашей жизни и в вашей семье...

– Да.

Кевин откровенно скосил глаза на бутылку бурбона.

– Вы пьете. Беверли?

Она быстро выпрямилась.

– И пили в отеле?

– Иногда я выпивала стаканчик. Чтобы держаться в форме весь день.

– И, возможно, не один? Люди это видели, Беверли, – быстро произнес Кевин, наклоняясь вперед.

– Я никогда не напивалась настолько, чтобы не справляться со своей работой, мистер Тейлор.

– Как медсестра вы отлично знаете, что пьющие люди часто не осознают, насколько много они выпили и как алкоголь на них влияет.

– Я не алкоголичка. Не стоит вам утверждать, что я напилась и случайно убила миссис Ротберг.

– Я читал бумаги врача мистера и миссис Ротберг. Он весьма критически отзывался о вас, Беверли.

– Я ему никогда не нравилась. Это же был доктор мистера Ротберга. Не он лечил мать миссис Ротберг.

– Вы кололи миссис Ротберг инсулин, вы пили, доктор об этом знал, и это ему не нравилось, – продолжал Кевин, не обращая внимания на ее слова.

– Я не могла случайно убить миссис Ротберг.

– Понимаю. Мистер Ротберг сказал мне, что они с женой поссорились из-за его интрижки и она пригрозила покончить с собой, обставив дело так, словно ее убил он. Он считает, что инсулин появился в его шкафу именно так. Попробуйте припомнить, как инсулин мог попасть в шкаф мистера Ротберга?

Беверли Морган смотрела на него, не мигая.

– Ампулы подложили вы?

– Нет.

– На них ваши отпечатки пальцев.

– Ну и что? Мои отпечатки есть на всем в комнате миссис Ротберг. Ну подумайте, какого черта мне подкладывать ампулы ему в шкаф? – В голосе Беверли появились истеричные нотки.

– Может быть, миссис Ротберг просила вас об этом.

– Она не просила, и я этого не делала.

– Вы видели, как она въезжала в комнату мистера Ротберга?

– Когда?

– Когда-нибудь?

– Возможно... Полагаю, да.

– Может быть, с коробкой инсулина на коленях?

– Нет, никогда. А если бы это было так, то разве на коробке не было бы ее отпечатков?

– Она могла бы надеть резиновые перчатки.

– Что за чушь! Мистер Ротберг тоже мог надеть резиновые перчатки!

Кевин улыбнулся. А она не глупа. Может быть, она и выпивала, и работала не так хорошо, как хотелось бы врачу, но она была не глупа. Он решил попробовать другой подход.

– Миссис Ротберг вам нравилась, верно, Беверли?

– Конечно! Она была настоящая леди, я же вам говорила.

– И вам не нравилось, что мистер Ротберг встречается с другой женщиной, когда его верная жена так тяжело больна?

– Он эгоист! Он даже приходил-то к ней редко. Она всегда просила меня позвать или привести его.

– Значит, вы понимаете, что у нее могли быть основания сделать так, чтобы его обвинили в ее смерти.

– Она не могла убить себя... Я не могу в это поверить...

– Вам всегда было ее жалко... вы выпили... пару стаканчиков... И она попросила вас отнести инсулин в его комнату...

– Нет! Послушайте, мне не нравятся ваши намеки, мистер Тейлор. Не думаю, что мне следует продолжать этот разговор. – Она скрестила руки на груди и уставилась на него.

– Отлично. Оставим эти вопросы до суда, когда вам придется отвечать под присягой.

Ему было жаль так жестко разговаривать с этой женщиной, но он хотел вывести ее из равновесия. А что, если это не удастся? Кевин быстро отогнал от себя этот вопрос. Он убрал блокнот в кейс.

– Если вы это сделали и это выяснится в суде, вас сочтут соучастницей преступления. Серьезного преступления.

– Я этого не делала.

Кевин поднялся.

– Но, разумеется, если вы сделали это, не зная ее намерений, никто не сможет вас ни в чем обвинить.

– Я не относилась к инсулину в комнату мистера Ротберга, – повторила Беверли Морган.

– Хорошо, – кивнул Кевин. – Мне нужно побеседовать с другими людьми и проверить другие факты.

Он направился к выходу.

Беверли поднялась и проводила его в прихожую. Она смотрела, как он надевает пальто. Он посмотрел на нее. Перед ним стояла чернокожая женщина, вступившая в осеннюю пору своей жизни. У нее было мало счастья. Она получила профессию и пыталась воспитывать сыновей одна, без мужа. И все закончилось катастрофой. Она пила, но сохраняла свою работу. А теперь все кончилось, и кончилось самым ужасным образом. Конечно, ее пожелтевшие от выпивки глаза с каждым днем видели все меньше солнечного света. Казалось, что она родилась в солнечный день, а окружающий мир все сужался и сужался вокруг нее,

и в конце концов она оказалась в темном туннеле. Кевин жалел о своей жесткости. Ротберг точно этого не стоил.

– Должен признаться, ваша стряпня пахнет изумительно.

Лицо Беверли не смягчилось. Она смотрела на него со страхом и недоверием. И он не мог ее в этом винить. Ведь все, что он сказал и сделал, было продумано и спланировано заранее. Почему бы ей считать его искренним? И все же сердце его сжалось.

– До свидания и спасибо вам, – сказал он, открывая дверь.

Беверли вышла на крыльцо и стояла, глядя, как он по узкой дорожке идет к лимузину. Харон открыл ему дверцу, потом повернулся и взглянул на нее. Кевин видел, как гнев и недоверие на лице женщины сменились ужасом и страхом. Она быстро закрыла дверь, и мгновение спустя он уже ехал обратно.

Как только Кевин оказался в зоне действия сети мобильной связи, он позвонил в офис, чтобы узнать, нет ли для него сообщений. Он понял, что все секретари уже уйдут, когда он вернется.

– Завтра в два у вас встреча с подружкой мистера Ротберга, Трейси Кейсвелл, – сказала Венди. – Больше ничего важного.

– Хорошо, тогда я поеду прямо домой.

– Подождите, мистер Тейлор. С вами хочет поговорить мистер Милтон. Минуточку...

Кевин надеялся, что разговор с Милтоном можно будет отложить до завтра. Беседа с Беверли Морган расстроила его, и ему не хотелось показывать это боссу. Собственная реакция его удивила. Ему не в чем было себя винить, но в работе на мистера Милтона было нечто такое, что заставляло его стремиться к успеху.

– Кевин?

– Да, сэр.

– Как все прошло?

– Не очень хорошо, – признался он. Хотя Кевин знал, что Харон не может его слышать, он заметил, что при этих словах водитель внимательно посмотрел на него в зеркало заднего вида.

– Да?

– Ей не нравится Ротберг, она называет его эгоистом и не может объяснить, как инсулин попал к нему в шкаф. Я спросил, не слышала ли она, как супруги ссорились, пересказал слова Ротберга, но она сказала, что не слышала. Она категорически отказалась.

– Понимаю. Что ж, не расстраивайтесь. Мы поговорим завтра и решим, как нам действовать. А пока расслабьтесь и обо всем забудьте. Передавайте привет вашей замечательной жене.

– Спасибо, сэр. Извините...

– Не за что извиняться, Кевин. Все будет хорошо. Я уверен.

– Конечно. До свидания.

Кевин нажал на кнопку, перевел телефон в режим интеркома и попросил Харона отвезти его домой. Водитель еле заметно кивнул. Кевин вспомнил, Мириам рассказывала ему, что Харон улыбался, когда она расспрашивала его про золотой ключ. Похоже, ее реакция его позабавила. Этот человек почти не разговаривал. Он никогда не задавал вопросов. Когда ему говорили, куда и кого отвезти, всегда казалось, что он уже все знает. Стекло между водителем и задними сиденьями постоянно было закрыто. Если нужно было связаться с водителем, это делали с помощью интеркома.

Кевина всегда интересовал Харон. Откуда он? Где он живет? Как давно работает водителем у Джона Милтона? Кевин был уверен, что этот человек не всю жизнь проработал водителем. У него было необычное лицо. Наверное, он много путешествовал и занимался

чем-то интересным. Почему о нем никто ничего не говорит? Все ведут себя так, словно его нет. «Харон, отвезите нас туда», «Харон, заберите нас оттуда»... С ним не перекидывались даже парой слов. Есть ли у него семья? Был ли он женат?

Когда лимузин остановился у входа и Харон открыл перед ним дверцу, Кевин выходил очень неспешно.

– Ваш день тоже заканчивается, Харон? – произнес он.

– Да, сэр.

– Вам придется возвращаться, чтобы отвезти мистера Милтона домой?

– Без проблем, сэр.

– Да-да... Вы живете в городе?

– Я живу здесь, мистер Тейлор.

– Правда? В одной из этих квартир?

– Да. В квартире над гаражом.

– Никогда не знал. А вы женаты, Харон?

– Нет, сэр.

– Я почувствовал, что вы не из Нью-Йорка. Откуда вы? У вас такой красивый голос, но очень трудно определить акцент.

– Я местный, мистер Тейлор.

– Так вы из Нью-Йорка? – улыбнулся Кевин, но Харон не улыбнулся в ответ.

– Что-нибудь еще, мистер Тейлор?

«У этого человека нет никаких эмоций. Он словно киборг», – подумал Кевин.

– Нет-нет, Харон. Доброй ночи.

– Вам тоже, мистер Тейлор.

Кевин наблюдал, как Харон садится в лимузин и трогается с места. Потом он вошел в здание.

– У вас был хороший день, мистер Тейлор? – спросил Филипп, выглядывая из-за небольшого телевизора, стоявшего под стойкой. Он поднялся и вышел из-за стола.

– Тяжелый день, Филипп. А хороший или плохой, покажет время.

– Понимаю, что вы хотите сказать, сэр.

Филипп нажал кнопку вызова лифта.

– Вы давно здесь работаете, Филипп?

– С тех пор, как только мистер Милтон купил здание, мистер Тейлор.

– Я только что узнал, что Харон живет здесь. Никогда бы не подумал. Он неразговорчив, – прошептал Кевин и улыбнулся.

– Да, сэр. Но он очень предан мистеру Милтону. Можно сказать, он обязан ему жизнью.

– Надо же? – Двери лифта раскрылись. – И как же это произошло?

– Мистер Милтон защищал Харона и добился его оправдания.

– Правда? Я об этом не знал. И в чем же его обвиняли?

– В убийстве своей семьи, мистер Тейлор. Бедняга был так подавлен смертью близких, что ему не было дела до того, что с ним будет. Мистер Милтон вдохнул в него новую жизнь.

– Удивительно...

– Можно сказать, что и со мной было то же самое.

– Неужели?

– Меня обвиняли в том, что я брал взятки у наркоторговцев, и чуть было не посадили. Мистер Милтон вытащил меня – он доказал, что это была подстава. Да, сэр, вы работаете на классного парня! Доброй ночи, мистер Тейлор!

– Вам тоже, Филипп, – сказал Кевин и вошел в лифт. Филипп улыбался ему, пока не закрылись двери.

Кевин так задумался, что, войдя в квартиру, не сразу заметил, что Мириам нет. Он поставил свой кейс, снял пальто, прошел в гостиную и налил себе виски с содовой.

– Мириам?

Кевин обошел всю квартиру. Мириам не оставила записки. Она же давно должна была быть дома, подумал он. Кевин вернулся в гостиную и стал ждать. Прошло почти двадцать минут, прежде чем открылась входная дверь и вошла Мириам – в его голубом банном халате с полотенцем на шее.

– Где, черт побери, ты была? – спросил он.

– О, Кев, я думала ты еще часа два не приедешь...

– Так и было бы, но разговор не сложился. Где ты была в таком виде?

– В пентхаусе... в джакузи, – пропела Мириам и направилась в ванную.

– Что?! – Кевин бросился за ней со стаканом виски в руке. – Ты поднималась в квартиру мистера Милтона и пользовалась его ванной?

– И не в первый раз, Кев, – спокойно ответила Мириам, сбрасывая халат.

Она осталась совершенно обнаженной. Ее кожа все еще горела от горячей воды. Она повернулась, изучая свое отражение, а потом отвела плечи назад, чтобы грудь поднялась.

– Как ты думаешь, аэробика пошла мне на пользу? Тебе не кажется, что бедра у меня стали стройнее?

– Что значит «не впервые»? Ты уже была там, Мириам? Ты никогда прежде не говорила мне об этом!

– Не говорила? – Мириам повернулась к нему. – Я точно говорила. – Она улыбнулась. – Я говорила тебе позапрошлым утром, но ты был слишком занят своими мыслями, чтобы услышать.

Мириам включила душ.

– Что? Подожди минутку. – Кевин выключил воду и схватил ее за руку. Он не был груб, но она вскрикнула так, словно он зажал ее руку в клещи. – Прости, дорогая!

– Да что с тобой происходит? – Мириам растирала руку, и по щекам ее струились слезы. – Ну вот, теперь синяк будет...

– Я же едва к тебе прикоснулся...

– Я не мужик, Кевин! Почему иногда ты бываешь таким нежным и романтичным, а потом становишься вот таким? Ты превратился в Джекилла и Хайда!

Кевин не отпускал ее в душ.

– Позапрошлым утром – это когда?

– Позапрошлым утром – это два дня назад, Кевин. – Мириам снова включила воду.

– Это я знаю. Не иронизируй. Это тебе не идет. Ты сказала, что говорила мне о том, что ходишь в пентхаус.

– У нас всех есть золотые ключи. И мистер Милтон сказал, что мы можем пользоваться джакузи, когда нам захочется. «Наслаждайтесь», – сказал он. Мы можем пользоваться джакузи, слушать стерео... мы часто туда ходим.

– Кто это – «мы»?

– Мы с Нормой и Джин. Подожди, я ополоснусь и приготовлю ужин. Я страшно голодная...

– Я не голоден. Я просто ничего не понимаю... Ты говорила, что позапрошлым утром мы занимались любовью...

Мириам посмотрела на него, покачала головой и вошла в душевую кабину. Кевин не отставал.

– Мириам? – Он рванул дверцу кабины.

– Что?

– Мы правда?

– Правда – что?

– Занимались любовью?

– Не знала, что ты занимаешься любовью так часто, что забываешь, когда и с кем это было, – отрезала она, захлопывая дверцу душевой кабины.

Кевин стоял и смотрел на нее через запотевшее стекло. Потом он перевел взгляд на стакан с виски в руке и быстро осушил его.

О чем, черт побери, она говорит?

Что, черт побери, с ними происходит?

Глава 11

У Мириам действительно остался иссиня-черный синяк на руке, такой большой и яркий, что Кевин почувствовал себя страшно виноватым. Он вернулся в гостиную налить себе виски. Он так задумался, что не заметил, как Мириам начала готовить ужин. Она по-прежнему была в халате. Но когда она потянулась за тарелкой в шкаф, рукав сполз, и он увидел синяк.

– Боже! Я не думал, что схватил тебя так сильно, Мириам.

– А следовало бы, – ответила она, не глядя на него. Мириам начала накрывать на стол.

– Может быть, тебе не хватает витамина С или чего-то такого... У тебя такие хрупкие капилляры...

Мириам молчала.

– Прости, Мириам... Мне страшно жаль...

– Все в порядке. – Мириам помолчала и взглянула на него. – Я забыла спросить, как прошел твой день?

Он ответил не сразу. С того момента, как он начал работать у Джона Милтона, Мириам каждый день задавала ему этот вопрос, но как только он начинал отвечать, она тут же перебивала его и говорила, что не нужно вдаваться в скучные детали. А ведь в Блисдейле она любила расспрашивать его о работе. Судя по всему, она переняла привычки Нормы и Джин и в этом отношении тоже, и Кевину это не нравилось. Они перестали делиться друг с другом важным. И теперь ему казалось, что каждый из них живет собственной жизнью, встречаясь только ради каких-то развлечений.

– Тебе действительно интересно? И я могу рассказать тебе что-то, не боясь, что ты сбежишь?

– Кевин, я лишь пытаюсь...

– Знаю, ты помогаешь мне расслабиться. Но ты же не гейша, Мириам! Ты – моя жена! Я хочу делить с тобой не только успехи, но и трудности. Я хочу, чтобы ты была частью моего дела, моей жизни. И я сам хочу быть частью твоей жизни!

– Я не желаю слышать ничего неприятного, Кевин, – твердо произнесла Мириам. – Просто не хочу. Мистер Милтон прав. Ты должен снимать свою обувь перед порогом и оставлять всю грязь снаружи. Наш дом должен быть нашим личным раем.

– О боже...

– У Нормы и Джин это отлично получается. Посмотри, как они счастливы, какие у них замечательные семьи. Неужели ты не хочешь, чтобы мы жили так же? Разве ты не для этого согласился тут работать: чтобы мы жили лучше и счастливее?

– Конечно да. Но иногда мне хочется поделиться с тобой... Мне нужна твоя поддержка, мне важно знать твое мнение...

– Как в деле Лоис Уилсон? – резко произнесла она.

Он молча смотрел на нее.

– Тогда я был неправ, признаю. Я должен был учитывать и твою точку зрения тоже. Мне следовало объяснить тебе все, а не бросаться в работу очертя голову. Но...

– Забудь об этом, Кевин. Пожалуйста. У тебя все хорошо. Тебя все любят. У тебя есть важное дело. Мы зарабатываем кучу денег и ведем комфортную жизнь. У нас появились замечательные новые друзья. Я не хочу расстраиваться из-за того, что кому-то плохо и где-то происходят ужасные преступления.

Мириам поморщилась, но тут же улыбнулась так быстро и механически, словно была роботом.

– А теперь ужинать! Я купила те чудесные киевские котлеты, которые мы заказывали в «Русской чайной». На Шестой авеню есть магазин, где их можно купить в отделе замороженных продуктов. Их нашла Норма. Я разогрею их в микроволновке, и через пару минут мы сможем поужинать. Мой руки и садись!

Кевин рассеянно кивнул.

– Хорошо, – прошептал он. – Хорошо.

Он вымыл руки и пришел к столу, но никак не мог избавиться от ощущения подавленности. И еда была замечательная, и вино... И Мириам без умолку болтала о том, как она провела день: магазины, спортивный зал, что рассказали Норма и Джин, слухи о Хелен Сколфилд, какой чудесный пентхаус у мистера Милтона... Она говорила, и говорила, и говорила... И ни разу не спросила о том, над каким делом он работает...

Возможно, сказались подавленность и непонимание, а может быть, он устал сильнее, чем ему казалось... Как бы то ни было, виски и вино сморили его, и он заснул на диване в гостиной прямо перед телевизором. Кевин проснулся от того, что Мириам выключила телевизор.

– Я устала, Кев.

– Что? А, да, конечно...

Он поднялся и пошел за ней в спальню. Стоило ему добраться до постели, он мгновенно заснул, и ему снова снился эротический сон. В нем он проснулся и повернул голову, потому что почувствовал рядом с собой какое-то движение.

Мириам оседлала мужчину. Ноги его были согнуты в коленях. Мужчина обхватил Мириам за бедра чуть выше коленей. Груды ее ритмично подпрыгивали – она скакала на мужчине с такой энергией, которая со стороны могла бы показаться комичной. Она стонала и откидывала голову назад. А потом она наклонилась вперед, чтобы мужчина мог дотянуться до ее груди. Он обхватил ее груди и начал нежно играть с сосками.

Кевин не мог пошевелиться. От этого зрелища у него возникла эрекция, но он не мог ни повернуться, ни вскочить с постели. Все его усилия были тщетны. Он словно приклеился к простыням, а его руки обхватили невидимые путы.

Все продолжалось. Мириам достигала оргазм за оргазмом, стонала, кричала от удовольствия. Наконец она рухнула на обнаженного мужчину, с трудом переводя дыхание. Мужчина погладил ее по плечу, и Кевин увидел его пальцы. На мизинце блеснуло золотое кольцо с монограммой «К». Он с трудом повернул голову, еще немного, еще... И вот он смог взглянуть в глаза любовника Мириам.

Он снова смотрел в свои глаза, только на сей раз его лицо высокомерно ухмылялось. Кевин закрыл глаза, всем сердцем желая, чтобы этот сон наконец-то закончился. Он снова провалился в беспокойный сон. Проснувшись утром, он увидел, что Мириам лежит ничком, сбросив одеяло – точно так же, как это было в его сне.

Кевин смотрел на нее, пока она не проснулась.

– Доброе утро, – улыбнулась Мириам. Кевин не ответил. Она перевернулась на спину и потерла глаза. – После всего я так хорошо спала...

Мириам потянулась к мужу и поцеловала в щеку.

Он чуть было не спросил: «После чего?» – но сдержался. Мириам села и застонала.

– Что с тобой?

– Ты – животное, – засмеялась она.

– Что?

– Посмотри...

Он сел рядом с ней и взглянул на ее ноги. Чуть выше коленей красовались два небольших синяка от слишком сильных пальцев.

– И не говори, что мне не хватает витамина С, Кевин Тейлор. Ты просто дьявол!

Кевин ничего не ответил. Он неверящим взглядом смотрел на ее ноги. Мириам поднялась и направилась в ванную, а Кевин рухнул на подушки, чувствуя себя измотанным, словно всю ночь занимался диким сексом. Но почему все это казалось ему кошмаром? Почему он смотрел на себя словно со стороны? Может быть, он сходит с ума? Если это будет продолжаться, придется с кем-то поговорить – возможно, с психиатром...

Кевин поднялся, принял душ, оделся, позавтракал, выслушал рассказ Мириам о ее планах на день. Он не помнил, чтобы раньше она была настолько поглощена собой. Тщеславие было ей свойственно, как и всем, но она всегда была скромной и смущалась, когда разговор заходил исключительно о ней. Выходя из дома, Кевин неожиданно понял, что Мириам не упомянула ни о чем, что не было связано с ней, – она говорила только о том, как собирается расширить свои познания в искусстве, улучшить форму бедер в спортивном зале и поискать какие-то новые наряды. Он почувствовал себя зеркалом, стоящим напротив жены.

Днем Кевин встречался с Трейси Кейсвелл. Ротберг отправил ее в город, чтобы она сама пришла в офис. Трейси не отличалась красотой, но у нее была отличная фигурка, и ей было всего 24 года. В отеле она работала чуть больше трех лет. Она подтвердила историю Ротберга, рассказала, что он пришел к ней сразу после ссоры с женой и очень живо описал все в деталях. Она настолько точно повторила его слова, что было ясно – все заучено наизусть. Прокурору будет несложно представить ее присяжным соучастницей убийства.

Кевин задавал ей вопросы быстро и резко, приняв на себя роль прокурора. Он всячески пытался доказать, что она лжет, выгораживая любовника. Ему удалось поймать ее на двух мелких противоречиях, причем одно было связано со временем, когда Ротберг предположительно рассказал ей о ссоре. Когда он указал ей на это, она тут же поправилась.

Казалось, что Трейси искренне сожалеет о произошедшем. Она сказала, что чувствовала себя неловко, заводя роман с человеком, имевшим жену-инвалида. Она знала Максину Ротберг еще до романа со Стэнли, и Максина ей всегда нравилась. Если присяжных удастся подкупить этой частью рассказа, то Трейси может быть полезной. Впрочем, твердой уверенности в этом у Кевина не было.

Дата суда приближалась, и настроение у Кевина портилось все сильнее и сильнее. Он сохранял хорошую мину, твердил репортерам, что несомненно сможет доказать невиновность мистера Ротберга. Но в глубине души он понимал, что рассчитывать можно только на то, что присяжные запутаются и поддадутся сомнениям. Тогда Ротберга признают невиновным. И хотя окружающие по-прежнему будут убеждены, что он мог убить свою жену, дело можно будет и выиграть.

Отсутствие у Мириам интереса к его работе удивляло Кевина, но со временем он стал думать, что стоит последовать совету мистера Милтона. Партнеры и без того постоянно обсуждали дела – и на работе, и в лимузине по пути на работу и домой. Было так приятно возвращаться домой, зная, что все волнения и проблемы можно оставить за порогом.

Не реже двух раз в неделю они отправлялись куда-нибудь ужинать с Дейвом, Тедом и их женами. Пол присоединялся к ним по выходным. Он говорил, что Хелен впала в настоящую кататонию. Пол никак не решался отправить ее в психиатрическую больницу, но, несмотря на присутствие сиделки, чувствовал, что долго не выдержит.

– Она больше даже не рисует, – говорил он.

Мириам спросила, не следует ли ей с девушками навестить ее, но Пол считал это бесполезным.

– Вы лишь расстроитесь...

Кевин обратил внимание, что одного лишь довода «вы расстроитесь» оказалось достаточно, чтобы женщины тут же позабыли о своем плане. После переезда в город Мириам

перестала терпеть что-то обычное и житейское. И она избегала всего, что требовало хоть малейших усилий над собой или компромиссов. Ей разонравилось даже ездить к собственным родителям.

– Зачем нам толкаться в пробках по дороге туда и обратно? – говорила она. – Пусть они сами приедут в город. Это гораздо проще.

– Для нас, возможно. Но не для них, – возразил Кевин, но она его не слушала.

Кевин заметил, что дома они практически полностью перешли на замороженные продукты. Мириам стала покупать готовые блюда, а дома лишь разогревала и сервировала их. Когда-то она очень гордилась своими кулинарными способностями. Теперь об этом и речи не было – она была слишком занята для подобного. Если Кевин спрашивал, чем же она так занята, Мириам тут же начинала перечислять: спортзал, покупки, выставки и музеи, обеды в разных ресторанах, а еще уроки вокала. Так жили все девушки, кроме, разумеется, Хелен.

Если Кевин звонил из офиса, Мириам почти всегда не было дома. Ему постоянно отвечал автоответчик. Зачем ей вообще автоответчик, удивлялся он. Она никогда не перезванивала старым подругам по Блисдейлу. Мириам перестала звонить даже родителям – и своим, и его. Они звонили сами поздно вечером и жаловались. Когда же он спрашивал у жены, почему она себя так ведет, она смеялась и отделивалась отговорками: «Я была так занята... Но скоро я стану более организованной».

На все его жалобы у нее был один ответ: «Но разве ты сам не стремился, чтобы мы жили именно так? А когда я наслаждаюсь жизнью, ты начинаешь жаловаться. Определись, чего же ты хочешь!»

Кевин начал сомневаться в себе. Иногда он приходил домой, когда Мириам еще не вернулась. Он наливал себе виски с содовой, смотрел на Гудзон и думал. Не был ли он счастливее в прежней жизни? Какой была бы их жизнь, если бы у них появились дети? Мириам уже заговаривала о том, что им стоит переехать в более просторную квартиру и нанять няню для их первого ребенка.

– Норма и Джин собираются это сделать, – сказала она. – Дети не должны мешать родителям жить полной жизнью.

– Но тебе же это никогда не нравилось, – напомнил Кевин. – Помнишь, как ты всегда осуждала Розенблаттов и их отношение к воспитанию детей? Их детям приходилось чуть ли не записываться, чтобы встретиться с собственными родителями.

– Это другое дело! Филлис Розенблатт... скучная... Она не отличила бы картину Джексона Поллока от рисунка на обоях.

Кевин ее доводов не понял, но стоило ему заговорить на эту тему, как Мириам тут же ускользала. Ее поведение тревожило его все больше. Однако за день до начала процесса Ротберга что-то изменилось.

Вернувшись домой с работы, он обнаружил, что Мириам приготовила ужин. Она сменила прическу, распустила прямые волосы – так, как он любил. Встретила она его почти ненакрашенной, в одном из старых платьев. Стол был накрыт, горели свечи.

– Я подумала, что ты немного напряжен и тебе нужно расслабиться в домашней обстановке, – сказала она.

– Отлично! Что так вкусно пахнет?

– Цыпленок в винном соусе – ты же любишь...

– По твоему рецепту?

– Именно! Я сама приготовила цыпленка и еще яблочный пирог. Собственными руками, – добавила она. – Я никуда не ходила сегодня. Просто сидела дома и рабски трудилась на тебя, как преданная маленькая жена.

Он рассмеялся, хотя почувствовал в ее словах легкую нотку сарказма. Такой сарказм был более свойственен Норме или Джин, чем Мириам.

– И я люблю тебя за это, дорогая, – сказал он и поцеловал ее.

– После ужина, – мягко оттолкнула его она. – Сначала главное. Устраивайся поудобнее.

Кевин принял душ и переоделся. Выйдя в гостиную, он обнаружил, что Мириам разожгла камин, поставила на стол коктейли и закуски. Яркий огонь, хорошая еда, виски и вино помогли ему расслабиться. Он признался Мириам, что чувствует себя, словно снова вернулся в материнское лоно.

После ужина они выпили коньяка, а Мириам сыграла на спинете их свадебную песню. Песня была старой – ее любили его родители. И Мириам она тоже понравилась сразу, стоило ей ее услышать.

– Хочу показать тебе, чему я научилась на уроках вокала, – сказала Мириам и запела: – Я так люблю тебя... Неужели ты не ответишь на мою любовь?.. Ты мне так нужен... Так нужен...

На глаза Кевина навернулись слезы.

– Мириам, я так много работаю. Я почти забыл, для чего все это. Это для тебя. Мне ничего не нужно без тебя!

Он поцеловал ее, поднял на руки и отнес в спальню. Все было так прекрасно. Все сомнения, все вопросы мгновенно исчезли. У них все будет хорошо. Жизнь будет замечательной, как он всегда хотел и на что всегда надеялся. Мириам осталась прежней, и они все еще любят друг друга. Он начал раздеваться.

– Нет, подожди, – сказала она, садясь и наклоняясь к нему. – Давай сделаем так, как в среду вечером.

– В среду вечером?

– Ну, когда мы вернулись домой после ужина с Тедом и Джин. Только не говори мне, что ты опять все забыл!

Кевин улыбнулся. Мириам начала расстегивать его рубашку.

– Я раздела тебя, а потом ты раздел меня, – шептала она, продолжая разыгрывать сцену, которую он, хоть убей, не мог вспомнить.

Во время слушаний все сотрудники фирмы побывали в зале суда. Даже секретаршам позволили отлучиться на несколько часов, чтобы понаблюдать за юридической битвой. Удивительным было лишь то, что сам мистер Милтон в суд так и не пришел. Ему вполне достаточно было тех отчетов, которые к нему поступали. А больше всего Кевина беспокоило то, что прийти отказалась и Мириам. Она удивила его в самый первый день. После завтрака она заявила, что не придет в суд. Кевин надеялся, что до завершения процесса она изменит свое решение.

Боб Маккензи начал процесс медленно и методично. Он изложил свою теорию, привел все аргументы и факты, которые считал убедительным доказательством вины. Кевин подумал, что это очень разумный прием – четко структурировать свое выступление и приберечь клинические доказательства и результаты судебной экспертизы напоследок. Маккензи говорил размеренно и уверенно. Он производил впечатление зрелого, опытного юриста, и это заставило Кевина еще более остро почувствовать свою молодость и относительную неопытность.

Он не мог понять, почему Джон Милтон был настолько уверен в его способностях – еще до начала совместной работы. Почему дело Ротберга поручили именно ему. У него началась настоящая паранойя по поводу мотивов Милтона в связи с делом Ротберга. Может быть, он знал, что дело провальное, и хотел возложить всю вину на Кевина, молодого и неопытного?

– Дамы и господа! Уважаемые присяжные! – начал Маккензи. – Вы увидите, как задолго до преступления были посеяны семена этого хитроумного убийства; как у обвиняе-

мого сформировались мотивы, появилась возможность; как он холодно и расчетливо совершил этот немыслимый поступок в твердой уверенности, что его вину невозможно будет доказать в силу сомнений и возможной небрежности.

Прокурор повернулся к Ротбергу и указал на него.

– Этот человек полагается на единственное слово – «сомнение». Он надеется, что адвокат поселит в ваши души сомнение, которое помешает вам сознательно и убежденно признать его виновным в чудовищном преступлении.

Размеренная речь Маккензи и его медленные движения придали словам торжественность. Атмосфера была наэлектризована до крайности. Журналисты и телерепортеры быстро царапали что-то в своих блокнотах. Художники начали рисовать присяжных и невыразительное лицо Ротберга. Тот хранил полное спокойствие, даже зевнул при первых словах прокурора.

В первые два дня Маккензи вызывал свидетелей, которые описывали порочную натуру Ротберга. Они заявили, что он был игроком, проиграл значительную часть состояния семьи Шапиро и даже перезаложил отель, несмотря на высочайшую репутацию этого курорта и успех бизнеса по производству булочек с изюмом. Все это произошло, когда Максина оказалась слишком больна, чтобы активно участвовать в управлении отелем и бизнесом.

Маккензи вспомнил даже работу Ротберга официантом – уже тогда по вечерам он играл в карты и проигрывал все полученные чаевые. Прокурор излагал историю обвиняемого очень тщательно, не упуская ни одного омерзительного момента. Он показал присяжным портрет соблазнителя, которому удалось украсть сердце Максины Шапиро. Конечно, это был брак по расчету. Стэнли Ротберг женился на Максине ради ее денег. Когда Кевин возразил, что подобная характеристика безосновательна, Маккензи вызвал свидетеля, поддержавшего его слова. Это был ушедший на покой шеф-повар отеля. Он поклялся, что Ротберг говорил ему, что когда-нибудь заполучит отель Шапиро, соблазнив Максину. После нескольких заявлений, подтверждавших внебрачные связи Ротберга, Маккензи вызвал Трейси Кейсвелл. Он привел ее к присяге и быстро заставил признать, что у нее был роман со Стэнли Ротбергом в то время, когда его жена тяжело болела.

На следующий день Маккензи перешел к болезни Максины Ротберг. Он вызвал врача, который подробно описал ее проблемы и опасности. Маккензи не стал задавать вопросы о несостоятельности Беверли Морган. Он явно не хотел внушать присяжным, что Максину Ротберг могла случайно убить ее сиделка, у которой были проблемы с алкоголем. Кевин же во время перекрестного допроса пытался заставить врача признать, что Максина вполне могла сама сделать себе смертельную инъекцию инсулина.

Тут Маккензи перешел к полицейским отчетам, где говорилось о спрятанном в шкафу Стэнли инсулине. Патологоанатом рассказал о вскрытии и о причине смерти. В конце концов, в суд вызвали Беверли Морган. Маккензи заставил ее рассказать об отношениях Ротберга с женой, о том, как редко он ее посещал и интересовался ее здоровьем. Беверли рассказала о том дне, когда умерла Максина Ротберг, – практически так же, как в свое время рассказывала Кевину. Наступила очередь Кевина.

Не успел он приступить к перекрестному допросу Беверли Морган, как кто-то дотронулся до его плеча. Он обернулся. За ним стоял Тед.

– Это от мистера Милтона, – прошептал он, кивая в ту сторону, где обычно сидели Дейв, Тед и Пол, когда приходили в суд. Дейв и Пол сидели на своем месте, но сегодня между ними сидел мистер Милтон. Он улыбнулся и кивнул.

Кевин развернул записку, прочел ее и повернулся к мистеру Милтону. Тот снова кивнул, на этот раз более твердо. Тед хлопнул Кевина по плечу и вернулся на свое место. Кевин поднялся и посмотрел на Беверли Морган. Он снова взглянул на записку, чтобы убедиться, что

все понял правильно. Кевин приступил к допросу. И ответы Беверли Морган теперь удивляли его не меньше, чем прокурора.

– Миссис Морган, вы только что заявили, что иногда миссис Ротберг чувствовала себя очень несчастной и подавленной после визитов ее мужа. Помните ли вы такие случаи? Например, в последнее время?

– Да, это было, – произнесла Беверли Морган.

И она пересказала всю ту историю, которую рассказывал Кевину Стэнли Ротберг. Между ними произошла ссора. Не моргнув глазом и не изменив выражения лица, Беверли рассказала, что видела, как Максина Ротберг на инвалидном кресле въезжала в комнату Стэнли.

– У нее на коленях лежала коробка с инсулином. – Беверли помолчала, потом взглянула на слушателей и добавила: – И на ней были мои резиновые перчатки.

В зале повисла мертвая тишина, затишье перед бурей. А потом началось что-то невообразимое. Репортеры бросились к телефонам, чтобы сообщить новости в свои редакции. Люди не скрывали изумления. Судья застучал молоточком, призывая к тишине и грозя вывести из зала всех, кроме участников процесса.

Кевин оглянулся. Партнеры сидели на своих местах, но Джон Милтон ушел. Когда все успокоились, Кевин заявил, что у него больше нет вопросов.

К допросу приступил Маккензи. Он спросил, почему Беверли не рассказывала об этом прежде. Она спокойно ответила, что ее никто об этом не спрашивал. Кевин подумал, что сейчас Маккензи использует показания врача и информацию о пьянстве сиделки, чтобы дискредитировать ее слова. Если он это сделает, то Кевин сможет доказать преступную небрежность, которая привела к смерти Максина Ротберг. В любом случае он сможет поселить в сердцах присяжных сомнения в виновности Стэнли Ротберга.

Однако Маккензи решил этого не делать. Судья объявил перерыв. Кевин спросил у Пола, где мистер Милтон. Он хотел узнать, откуда босс знал, что Беверли Морган изменит показания.

– Он уехал на встречу с новым клиентом, – ответил Пол. – Он сказал, что поговорит с тобой позже, но велел передать: ты проделал большую работу!

– До этого момента я думал, что дело проиграно.

Пол улыбнулся и переглянулся с Тедом и Дейвом. На лицах всех троих играла одинаковая высокомерная усмешка.

– Мы не проигрываем, – произнес Пол.

Кевин кивнул.

– Начинаю в это верить, – сказал он, переводя взгляд с одного на другого.

После перерыва Кевин сразу почувствовал, что все чего-то ждут. Оглядев слушателей, репортеров и журналистов, он неожиданно ощутил то же приподнятое чувство всемогущества, которое охватило его, когда он защищал Лоис Уилсон. Все было в его руках. Как бы ему хотелось, чтобы Мириам пришла в суд – хотя бы сегодня...

Кевин вызвал Стэнли Ротберга. Когда тот принес присягу, Кевин сел на край стола и скрестил руки на груди.

– Мистер Ротберг, вы слышали, как характеризовали вас свидетели. Сначала вас называли игроком. Вы проигрывали большие суммы и часто оказывались в долгах. Это правда?

– Да, это так, – подтвердил Ротберг. – Всю свою сознательную жизнь я был игроком. Это болезнь, и я не намерен ее отрицать.

При слове «болезнь» он посмотрел на слушателей, как советовал Кевин.

– Вас обвиняли также во внебрачных связях, и эти обвинения подтвердила женщина, Трейси Кейсвелл. Она заявила, что была вашей любовницей. Вы можете это опровергнуть?

– Нет. Я был влюблен в Трейси, и мы встречались почти три года.

– Почему вы не подали на развод?

– Я хотел, но не мог сделать этого. Максина была больна, и Трейси не позволяла мне. Я изо всех сил старался вести себя осторожно.

– Судя по всему, это вам не удалось, – резко бросил Кевин.

Отличный ход! Он допрашивал клиента как прокурор, а не адвокат. И прозвучавшая информация приобретала особую значимость для присяжных и слушателей. Кевин показывал, что Стэнли Ротберг ему не нравится, что он не собирается помогать ему лгать.

– Да, полагаю, нет.

– И, как говорили свидетели, слухи о вашей связи дошли до вашей жены?

– Да.

– Вы слышали показания Беверли Морган. Она рассказывала о вашей ссоре с женой. Были ли эти показания точными?

– Да.

– Но в тот момент вы не восприняли угрозы жены всерьез?

– Нет.

– Почему?

– Она была больна. Я не думал, что она на это способна.

– Мистер Ротберг, вы ввели жене смертельную дозу инсулина?

– Нет, сэр. Я даже смотреть не мог на уколы – ни когда Максина делала их сама, ни когда их делала сиделка. Я всегда выходил из комнаты.

– Больше вопросов нет, ваша честь.

Маккензи медленно поднялся, но остался за своим столом.

– Мистер Ротберг, вы видели инсулин в своем шкафу?

– Да, утром. Но я забыл об этом. В отеле возникли проблемы, и я был очень занят. Я забыл спросить у сиделки про эти ампулы.

– И это несмотря на то, что жена угрожала обвинить вас в своей смерти?

– Я об этом просто не подумал. Это было... – Он повернулся к присяжным. – Это было просто невозможно.

Маккензи какое-то время смотрел на него, потом покачал головой. Слушатели подумали, что он не верит услышанному, но Кевин почувствовал в прокуроре безнадежность.

– Больше вопросов нет, ваша честь, – произнес Маккензи, садясь.

Кевин продолжил действовать по плану. Он вызвал Трейси Кейсвелл и допросил ее – она повторила все то, что говорила в офисе. Стэнли Ротберг пришел к ней после ссоры с женой, все рассказал... Добавила она лишь одну деталь: Стэнли был очень встревожен и подавлен. Трейси очень искренне сожалела о том, как все сложилось. Кевин и сам поверил, когда она говорила, как ей нравилась Максина Ротберг.

Маккензи даже не стал ее допрашивать. В заключение Кевин развил ту самую мысль, которую подсказал ему Джон Милтон. Да, Стэнли Ротберг виновен в супружеской измене. У Стэнли Ротберга не самый лучший характер. Но судят его не за это. Его судят за убийство, а убийства он не совершал.

Всем было ясно, что откровения Беверли Морган подрубили обвинение под корень. Кевин был поражен тем, как плохо и невнятно выступает прокурор. Он повторялся, делал большие паузы, сбивался. Когда он сел, ни у кого не осталось сомнений в исходе процесса.

Не осталось сомнений и у присяжных. Через три часа они вынесли вердикт: Невинновен.

Когда Кевин вернулся в офис, празднование уже было в разгаре. Его победа стала главной новостью на местном телевидении, но Кевину почему-то было не по себе. Он не чувствовал той радости, какой должен был бы. Даже после оправдания Лоис Уилсон он чувствовал себя лучше. Покопавшись в себе, он понял, что в том деле победил сам. Он сам

искал доказательства, анализировал их, думал, как дискредитировать свидетелей обвинения. И добился успеха.

Сейчас все было по-другому. Он не обманывался: выиграть дело удалось только благодаря показаниям Беверли Морган, которая подтвердила рассказ Стэнли. Поздравления и комплименты его не радовали. Он не мог гордиться собой. Эта победа была равносильна победе в бейсбольном матче благодаря дождю после пятого иннинга. Он не вложил в нее всю душу.

– Мне просто повезло, – сказал он Теду.

– Дело не в удаче, – возразил тот. – Ты блестяще построил защиту.

– Спасибо. – Кевин направился к кабинету мистера Милтона и постучал.

– Войдите, – раздался голос.

Кевин вошел, но не увидел Милтона сразу.

– Я здесь, – слышался голос. Милтон стоял перед большим окном. – Поздравляю!

– Спасибо, но я надеялся побеседовать с вами в перерыве. Я хотел спросить про Беверли Морган.

– Разумеется.

Кевин подошел к окну. Мистер Милтон положил руку ему на плечо и повернул. Теперь они вместе смотрели на город, раскинувшийся у их ног. Было довольно поздно, и темнота опустилась на город. Перед ними сияло море огней.

– Поразительно. Правда?

– Да.

– Вся эта сила, вся энергия сосредоточена на таком пятчке. Миллионы людей у наших ног, невероятное богатство, немыслимая энергия... Здесь принимаются решения, которые влияют на жизнь бесчисленного множества людей. – Милтон протянул свободную руку вперед. – Здесь разыгрываются все человеческие драмы, конфликты, эмоции. Здесь рождаются и умирают, любят и ненавидят. У меня дух захватывает, когда я об этом думаю.

– Действительно, – кивнул Кевин.

Он неожиданно почувствовал себя уставшим. Мистер Милтон говорил тихо и как-то завораживающе. Его голос и все эти огоньки, мерцавшие у их ног, гипнотизировали.

– Но вы не просто стоите надо всем этим, Кевин, – продолжал мистер Милтон тем же необычным голосом. Кевину казалось, что голос этот звучит в его голове. Казалось, что Джон Милтон проник в самую его душу, занял какое-то свободное место в его сердце и полностью овладел им. – Вы надо всем этим и точно знаете, что все будет вашим.

Повисло долгое молчание. Кевин смотрел на город, рука Джона Милтона по-прежнему лежала у него на плече, прижимая и удерживая.

– Вам пора домой, Кевин, – прошептал Милтон. – Отправляйтесь к жене и устройте собственный праздник.

Кевин кивнул. Джон Милтон отпустил его и, словно тень, скользнул к своему креслу. Кевин еще какое-то время стоял неподвижно, потом, вспомнив, зачем он пришел, повернулся к боссу.

– Мистер Милтон, я хотел спросить про ту записку... Откуда вы знали, что Беверли Морган изменит показания?

Джон Милтон улыбнулся. В приглушенном свете настольной лампы его лицо выглядело как маска.

– Ну, Кевин, вы же не хотите, чтобы я выдал все свои секреты? Ведь тогда вы, молодые, решите, что и сами можете занять мое место.

– Да, но...

– Я с ней поговорил, – быстро ответил Милтон, – привел кое-какие аргументы, и она прислушалась.

– Что же такого вы сказали, что она полностью изменила показания?

– Кевин, люди всегда выбирают то, что хорошо для них. Идеалы, принципы и все такое... В конечном счете все это не имеет значения. Нужно усвоить единственный урок: у всего – и у всех – есть своя цена. Идеалисты назвали бы меня циником. Люди практического склада, вроде вас, меня и наших партнеров, знают, что это ключ к власти и успеху. Наслаждайтесь же своей победой. – Милтон отвернулся и взглянул на свои бумаги. – Через пару дней для вас будет новое дело.

Кевин какое-то время смотрел на него, думая, будет ли у этого разговора продолжение. Джон Милтон явно хотел закончить разговор.

– Я понял, – произнес Кевин. – Доброй ночи.

– Доброй ночи. Еще раз поздравляю. Теперь вы настоящий партнер Джона Милтона.

За дверью Кевин остановился. Почему эти слова не улучшили ему настроения? Идя по коридору, он думал об огнях города и о том, как стоял над ними рядом с Джоном Милтоном. Ему вспомнились слова босса. Удивительно, но они звучали так знакомо. Где он...

И тут он вспомнил! Об этом рассказывал ему Тед! Он слово в слово излагал все то, что сегодня произошло с Кевином – вечер, кабинет, огромное окно, городские огни под ногами... И это не показалось Кевину простым совпадением.

Кто же такой Джон Милтон? Кто такие его партнеры? И во что превращается он сам?

Глава 12

На город пролился холодный, нудный, неприятный дождь. Хотя в лимузине было тепло, Кевин невольно вздрагивал, когда машина останавливалась на светофоре, и он видел, как люди снуют туда-сюда. Многих дождь застал без зонтиков. Несмотря на все основания для радости, капли, стекавшие по окнам лимузина и других машин, почему-то напоминали Кевину слезы. Он откинулся на спинку, закрыл глаза и просидел так всю дорогу до дома.

– Мистер Тейлор! – радостно приветствовал его Филипп. Охранник распахнул перед ним дверь дома, стоило Кевину выйти из лимузина. – Поздравляю! Я только что смотрел новости!

– Спасибо, Филипп. – Кевин стряхнул холодные капли с волос.

– Здорово, наверное, выиграть такое важное дело. Теперь все будут знать вас, мистер Тейлор. Вы можете гордиться собой.

– Процесс еще не закончен, – сказал Кевин. – Я сам еще не все осознал.

Он направился к лифту.

– Похоже, у мистера Милтона будет повод для новой вечеринки, верно?

– Я бы не удивился. Спасибо, Филипп.

Кевин вошел в лифт и нажал кнопку пятнадцатого этажа. Лифт начал подниматься, и Кевин немного успокоился. Его все еще переполняли смешанные чувства – приподнятое настроение окрашивалось какой-то тревогой. Что-то было неправильно. Что-то явно было неправильно. Неожиданно Кевин понял, что крутит на мизинце золотое кольцо.

Двери открылись, он вышел, но тут же остановился. Ему показалось, что кто-то прошептал его имя. Он быстро обернулся – и с ужасом увидел в коридоре Хелен Сколфилд в ночной рубашке. Она прижалась к стене и смотрела на него безумным взглядом.

– Хелен!

– Я видела, что Харон привез вас, – прошептала она и оглянулась на свою квартиру. – Я недолго... Она может найти меня в любой момент.

– Что случилось?

– То, что случилось с Глорией Джеффи, произойдет и с Мириам. В свое время я отказалась в этом участвовать... Я предупреждала вас своей картиной... Но если она от него забеременеет, будет слишком поздно. Он питается ее чистотой, высасывает из нее жизнь, как вампир, сосет кровь... Вы должны убить его... Убейте его, – повторила она, стиснув зубы и сжав кулаки. – Иначе перед вами встанет тот же выбор, что и перед Ричардом Джеффи. Слава богу, ему хватило совести сделать что-то еще... Только у Ричарда была совесть... – Губы Хелен задрожали. – Они все преданы ему. Пол стал худшим. Он – Вельзевул, – добавила она, почти падая на него. От ее безумного взгляда у него судорожно забилося сердце.

– Хелен, позвольте я отведу вас домой...

– Нет! – отшатнулась она. – Для вас уже слишком поздно, правда? Вы выиграли его дело. Вы тоже принадлежите ему! Ему! Проклинаю вас! Проклинаю вас всех!

– Миссис Сколфилд! – В дверях квартиры показалась миссис Лоншан. – Надо же! – Она выбежала в коридор. – Пойдемте, пойдемте домой, пожалуйста.

– Отстань от меня! – Хелен подняла руки над головой, чтобы наброситься на сиделку.

– Успокойтесь, миссис Сколфилд... Все будет хорошо...

– Вам помочь? – спросил Кевин. – Может быть, вызвать врача?

– Нет-нет. Все будет в порядке. В полном порядке, – пряча улыбку, ответила миссис Лоншан. – Не так ли, миссис Сколфилд? Вы знаете, что все будет хорошо, – добавила она успокаивающим тоном.

Руки Хелен задрожали, она медленно опустила их и заплакала.

– Ну-ну, не надо плакать... Все будет хорошо... Я отведу вас домой, и вы отдохнете... Она обняла Хелен Сколфилд за талию и решительно развернула ее к входной двери.

Потом сиделка взглянула на Кевина.

– Все в порядке, – повторила она и потащила Хелен по коридору к квартире.

Кевин смотрел им вслед, пока дверь за ними не закрылась. Прежде чем войти в свою квартиру, он вытер лицо платком.

Как только щелкнул замок, к нему подбежала Мириам. Она обняла и расцеловала его.

– О, Кев, я так рада! О тебе говорили в вечерних новостях! Я видела, как у тебя брали интервью, когда ты выходил из зала суда! Минуту назад звонили твои родители. Они тоже смотрели! И мои тоже! Нам нужно куда-нибудь пойти – это нужно отметить! Я уже заказала нам столик в «Ренцо». Тебе обязательно понравится! Норма и Джин говорят, что они всегда отмечают там свои праздники.

Кевин стоял и просто смотрел на жену.

– Что случилось? Ты какой-то... бледный.

– Со мной произошло нечто ужасное. В коридоре меня встретила Хелен Сколфилд – в одной ночной рубашке. Она сбежала от сиделки.

– О нет! Что случилось?

– Она говорила безумные вещи, но...

– Что она говорила?

– О нас, о Джоне Милтоне и партнерах...

– Кевин, ну не нужно об этом думать! Не сейчас! Мы же с тобой так счастливы! – воскликнула Мириам. – Ты же знаешь, она очень больна... Она – сумасшедшая!

– Не знаю... А откуда у тебя синяк на шее?

– Это не синяк, Кевин. – Мириам повернулась и посмотрелась в зеркало. – Похоже, нужно побольше тонального крема...

– Что значит – не синяк?! Обычный синяк!

– Это засос, Кев, – покраснела Мириам. – Ты – настоящий вампир! Ладно, не обижайся, это все пустяки. Быстро в душ и переодеваться! Я страшно голодная!

Кевин не шелохнулся.

– Кевин? Ты что, собираешься простоять здесь весь вечер?

– Нам нужно поговорить, Мириам. Не знаю, что здесь происходит, но, клянусь, я не помню, чтобы между нами было нечто подобное...

– Да все хорошо, глупый! Ты напряженно работал над своим делом, у тебя было много проблем... Все понятно... Девочки говорили мне, что в начале с тобой так и будет... У тебя столько дел, что немудрено что-то и забыть. С Тедом и Дейвом было то же самое. Все пройдет, когда ты обретишь уверенность и станешь настоящим адвокатом. Но как ты начал? Ты – мой настоящий нью-йоркский адвокат. – Мириам обняла мужа. – А теперь давай собирайся. Нам нужно отметить твой успех. – Она мельком взглянула в зеркало. – Пойду поправлю макияж.

Кевин проводил ее взглядом и медленно направился в ванную. Возле гостинной он остановился. Хелен Сколфилд не выходила у него из головы. Он вошел в гостиную, чтобы взглянуть на картину. Но картины не было – ни на стене, ни на полу.

– Мириам, – позвал он.

Мириам не отвечала. Он вошел в спальню – она поправляла макияж за туалетным столиком.

– Мириам, что случилось с картиной Хелен?

– Случилось? – удивленно переспросила Мириам. – Я не могу ее больше выносить, Кевин! Это единственная депрессивная нота в нашей квартире. Девочки сказали, что мы и без того были очень добры, что держали картину на стене так долго.

– Так где она? В шкафу?

– Нет, ее больше нет, – ответила Мириам и вернулась к макияжу.

– То есть как – «нет»? Что ты говоришь? Куда ты ее дела? Выбросила?

– Нет. Я не могла так поступить – это же произведение искусства. И всегда найдется те, кому это понравится, хоть это и невероятно. Норма знает галерею в Виллидж, где берут подобные вещи. Мы подумали, если картина продается, то Хелен будет приятно. Мы решили, что это ее порадует.

– Что за галерея?

– Я не знаю, как она называется. Норма знает, – раздраженно ответила Мириам. – Да что с тобой? И моя мама, и твоя считают картину ужасной. Ей не место в гостиной.

– Когда вы это сделали? – не отставал Кевин.

Мириам снова повернулась к нему.

– Вот видишь, каким наблюдательным ты был в последние дни! Два дня назад, Кевин. Я избавилась от картины два дня назад.

– И ее продали?

Мириам поджала губы и отрицательно покачала головой.

– Ты собираешься в душ? Нам уже пора ехать!

– Что? А, да, да...

Кевин начал раздеваться.

– Это так замечательно, правда? О тебе напишут во всех газетах! И по телевизору покажут по всей стране! Уверена, мистер Ротберг безумно благодарен тебе.

– Ротберг?

– Ротберг, Кевин! Человек, которого ты защищал. – Мириам рассмеялась. – А еще говорят, что профессора рассеянные...

– Нет, Мириам, ты не понимаешь. – Кевин подошел к жене. – Я победил, потому что свидетельница полностью изменила свои показания. И я не понимаю, почему она это сделала. Это произошло прямо в зале суда. Мистер Милтон прислал мне записку, чтобы я задал нужные вопросы. Он знал, что она изменит показания. Он знал!

– Ну и что? – улыбнулась Мириам. – На то он и есть – мистер Милтон!

– Что?

– Вот поэтому он босс, а ты, Тед и Пол – всего лишь партнеры.

Кевин молча смотрел на нее. Мириам говорила, словно маленькая девочка.

– Не бери в голову, – сказала она, поворачиваясь к зеркалу. – Когда-нибудь ты тоже станешь таким. Разве это не чудесно? – Мириам замолчала и прищурилась, словно смотрела не в зеркало, а в хрустальный шар. – Собственная фирма... «Кевин Тейлор и партнеры»... И ты будешь рассылать партнеров, чтобы те искали тебе новые таланты, как мистер Милтон отправил Пола искать тебя... Ты уже будешь знать, кого искать.

– Кого искать? Кто тебя этому научил?

– Никто, дурачок. Джин и Норма как-то говорили об этом за обедом. Они говорили, что мистер Милтон именно этого и хочет. – Мириам откинула голову и восторженно произнесла: «Дейв Котейн и партнеры», «Тед Маккарти и партнеры», «Пол Сколфилд и партнеры», «Кевин Тейлор и партнеры»... Вы захватите весь город. Мистер Милтон, конечно же, найдет себе новых партнеров. Вы и заметить не успеете, как все обвиняемые в Нью-Йорке будут стремиться только в ваши фирмы.

Мириам рассмеялась, поднялась и повернулась к нему.

– Кевин, ты еще не был в душе?

Он задумался, а потом подошел поближе.

– Послушай, Мириам. Здесь происходит что-то странное. Я пока не разобрался, но, может быть, Хелен Сколфилд не так уж безумна, как нам кажется.

– Что? – Мириам отстранилась от мужа. – Кевин Уингейт Тейлор, немедленно прекрати и отправляйся в душ! Я сказала тебе, что голодна как волк. Жду тебя в гостиной. Поиграю на спинете, но, надеюсь, ты соберешься быстрее, чем я закончу концерт.

Она вышла, оставив его обнаженным возле туалетного столика.

Кевин повернулся и посмотрел на свое отражение. И ему сразу вспомнились те странные эротические сны. А сны ли это были? Для Мириам это была настоящая реальность. И синяки на ее ногах тоже были реальными.

А все те разы, когда они, по ее словам, занимались любовью, а он не мог вспомнить этого? Невозможно быть настолько рассеянным. Кто-то из них явно сходит с ума – она или он...

«...но если она от него забеременеет», – вспомнились ему слова Хелен Сколфилд. Что она сказала? «Тогда будет слишком поздно». Он? О ком она говорила?

Кевин отвернулся от зеркала. Неужели это возможно?

«Мы не проигрываем», – говорил Пол Сколфилд. И все трое смотрели на мир одинаково высокомерно. «Ты выиграл дело для него. Теперь ты тоже принадлежишь ему! – сказала Хелен Сколфилд. – Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты!»

Он вспомнил то странное ощущение, которое охватило его, когда мистер Милтон сказал: «Теперь вы настоящий партнер Джона Милтона».

Кевин снова посмотрел в зеркало. О чем говорила Хелен? Неужели он изменился? Отражение осталось прежним, но даже в самих подобных размышлениях было нечто злое. Кевин собрался с мыслями. Завтра он съездит к Беверли Морган и узнает, как мистер Милтон убедил ее изменить показания.

Перед выходом из дома Кевин позвонил своим родителям и родителям Мириам. Он изо всех сил старался говорить так, чтобы родители не почувствовали его тревоги. Единственным, что омрачило эти радостные разговоры, стало замечание мамы.

– Теперь, – сказала она, – когда ты закончил это большое дело, тебе нужно больше времени уделять Мириам. Мне кажется, она постоянно на взводе.

– Что ты хочешь сказать, ма?

– Невозможно постоянно находиться в таком состоянии. Поверь материнскому инстинкту, Кевин. Может быть, она слишком старается угодить тебе. Арлин почувствовала то же самое, только она не хотела говорить тебе, чтобы не показаться навязчивой тещей.

– Но она говорила, что Мириам очень счастлива...

– Я знаю. Я не утверждаю, что она несчастлива. Просто... уделяй ей больше внимания, хорошо?

– Хорошо, мама.

– И еще раз поздравляю тебя, сынок. Я знаю, ты всегда хотел чего-то подобного.

– Да... Спасибо.

Он понимал, что мама совершенно права. Мириам стала совершенно другой. Она изменилась так стремительно, что ему давно следовало встревожиться. Он не обращал внимание на то, что происходит, потому что слишком сильно стремился к этому – к богатству, роскоши, престижу. А кто этого не хочет? Он привез Мириам сюда, он показал ей все это. Все, что происходит и что уже произошло, на его совести.

Он обернулся, словно кто-то постучал его по плечу. Взгляд его устремился на террасу. И Кевин снова подумал, почему Ричард Джеффи покончил с собой. Что имела в виду Хелен, когда говорила, что совесть была только у Ричарда?

– Я жду, милый, – позвала Мириам из гостиной.

– Иду, иду...

Они вышли из квартиры, спустились и сели в ожидавшее их такси. Мириам заказала столик в «Ренцо» – дорогом эксклюзивном ресторане североитальянской кухни. И Кевин постарался забыть о своих тревогах.

Однако он не мог не думать, насколько иначе вела себя Мириам в «Брэмбл Инн», когда они отмечали его победу в деле Лоис Уилсон. Теперь ее не волновало, виновен его клиент или нет. Конечно, об этом деле она практически ничего не знала, поэтому не задавала никаких вопросов и не делала замечаний.

Кевин не мог не признать, что Мириам очень хороша в новых узких брюках и свитере красного цвета. Свитер был расшит мелкими жемчужинками. Мириам по-прежнему красилась гораздо сильнее прежнего. Кевин неожиданно понял, что без румян и помады она была бы слишком бледной.

Да и ресторан оказался не из тех, что ей всегда нравились. Сама она ни за что его не выбрала бы. Яркий свет, зеркальные стены, гул голосов... Несмотря на плохую погоду, народу в ресторане оказалось очень много. Столики стояли буквально вплотную друг к другу.

Мириам была очень оживлена – совсем не так, как в «Брэмбл Инн» и вообще в Блисдейле. Как он мог упустить произошедшую с ней разительную перемену? Он казнил себя за то, что с головой ушел в работу. К удивлению Кевина, Мириам многие знали – от метрдотеля до официантов. Ей кивали и улыбались гости ресторана. Мириам сказала, что они с девочками часто обедают и ужинают здесь, когда мужья заняты на работе.

Впрочем, обстановка в ресторане постоянно ее отвлекала. Когда-то она была сосредоточена только на муже, теперь же ей все время хотелось посмотреть, кто пришел, кто с кем сидит, что заказали другие гости. Как непохоже это было на те интимные ужины при свечах в уютном «Брэмбл Инн», думал Кевин. Но Мириам это нравилось – или она просто не замечала произошедшей с ней перемены.

Даже любовью после ресторана они занимались по-другому. Мириам была нетерпелива, требовательна, напориста. Она вертелась и крутилась под ним, а потом перехватила инициативу, направляя его руки туда, где ей хотелось ощущать его прикосновения более агрессивно. Он почти потерял интерес – почувствовал себя жиголом, которого используют ради получения удовольствия. В этом соитии не было ни внимания, ни взаимности, ни стремления к единению.

И Мириам осталась неудовлетворенной.

– Что не так? – спросил Кевин.

– Я устала. Наверное, слишком много выпила.

Мириам отвернулась, а Кевин лежал и думал, боясь закрыть глаза. Ему казалось, что стоит зажмуриться, и что-то... кто-то... придет. В конце концов он заснул. В четыре утра он проснулся и понял, что Мириам рядом нет.

Он прислушался и услышал какие-то звуки в гостиной. Кевин быстро понялся, надел халат. В гостиной и холле горел свет. Еще один эротический сон? Или реальность? Кевин двигался медленно, сердце его стучало. Он увидел, что Мириам стоит в дверях и выглядит в коридор. Оттуда доносились голоса.

– Мириам, что случилось?

– Это Хелен, – повернулась жена.

– Что с ней?

Кевин быстро подошел и выглянул. В коридоре стояли Норма и Джин, тоже в халатах.

– Что произошло?

– Она взбесилась, – ответила Норма. – Полоснула миссис Лоншан ножницами по руке.

– Что?

В этот момент дверь квартиры Сколфилдов открылась, и два санитара вывезли Хелен на каталке. Она была плотно пристегнута. Пол, Дейв и Тед шли следом. Хелен отчаянно мотала головой, словно не желая мириться с реальностью. Кевин отодвинул Мириам и подошел к Полу.

– Дело плохо, – сказал тот. – Она только что вскочила с постели и напала на сиделку. К счастью, рана несерьезная, но оставлять ее дома больше нельзя. Ей сделали укол успокоительного, но лекарство еще не подействовало.

Двери лифта открылись, и санитары вкатили каталку. Пол повернулся к Дейву и Теду.

– Вам не нужно ехать. Уже слишком поздно. Я справлюсь сам.

– Ты уверен, что все будет нормально? – спросил Тед.

– Разумеется. Ложитесь спать. Поговорим утром.

Пол вошел в лифт следом за каталкой. Санитары потеснились, давая ему место, и Кевин увидел лицо Хелен Сколфилд. Когда она заметила его, ее глаза расширились. Неожиданно она начала кричать. Кевин содрогнулся, услышав этот пронзительный, мучительный крик. Вопль был слышен, даже когда лифт начал спускаться...

– Я знал, что так и будет, – сказал Дейв, отворачиваясь.

– Беда... – кивнул Тед, качая головой. – Джин?

– Иду.

Женщины обняли друг друга у дверей квартиры Кевина и Мириам, а затем Норма и Джин вслед за мужьями вернулись к себе. Кевин проводил их взглядом.

– Кевин?

Он посмотрел на Мириам, а потом перевел взгляд на дверь квартиры Сколфилдов. Где же сиделка? Если ее ранили в руку, то почему никто о ней не позаботился? Он направился к двери.

– Кевин, что ты делаешь? Куда ты, Кевин?

Он постучал в дверь и прислушался. В квартире было тихо – ни звуков, ни голосов. Кевин нажал на кнопку звонка.

– Кевин?

Мириам вышла в коридор. Он по-прежнему ничего не слышал. Кевин повернулся к жене.

– Они лгут, – сказал он.

– Что?

Кевин быстро прошел в квартиру.

– Кевин?

Мириам следом за ним вошла в спальню. Он сел на постель и уставился на свои руки. Кевин попытался стянуть золотое кольцо, но палец так распух, что снять кольцо можно было, только отрезав мизинец.

– Кевин, что ты говоришь? Ты же видел, в каком она состоянии.

– Они все лгут. Они знают, что она кое-что мне сказала. Сиделка им рассказала.

Мириам покачала головой.

– Ты странно ведешь себя, Кевин. И это меня пугает.

– Неудивительно. – Кевин поднялся и сбросил халат. – Не думаю, что ты поймешь мои слова. Мириам. У меня есть кое-какие мысли, и я проверю их завтра. А пока давай просто спать.

– Отличная идея, – обрадовалась она и быстро погасила свет.

На следующее утро Кевин позвонил в офис и сказал Диане, что не придет.

– Нужно денек отдохнуть, – пояснил он.

– Прекрасно понимаю. Мистера Милтона сегодня тоже не будет. Как ужасно то, что случилось с женой мистера Сколфилда!

– Вы уже слышали?

– Да, нам позвонил мистер Маккарти. Впрочем, может быть, это к лучшему. В больнице ей помогут.

– Разумеется, помогут, – сказал Кевин, полагая, что Диана не поймет его сарказма.

Он надел пальто, но Мириам не спросила, куда он идет, а сам он рассказывать не стал. Впрочем, ее это совершенно не интересовало. Он уже выходил, когда Мириам позвонили Норма и Джин, и они втроем стали строить планы развлечений.

– Ведь вчера случилась такая неприятность, – услышал он слова Мириам.

– Вижу, сочувствие вас так и переполняет, – едко заметил Кевин, когда она повесила трубку.

– Но мы же ничего не можем сделать, Кев. Бельвью – не то место, куда приходят навещать больных. Не думаю, что имеет смысл посылать ей цветы или конфеты.

– Никакого смысла. – Кевин заметил на левой икре Мириам еще один синяк. – У тебя новый синяк...

– Что? – Она опустила глаза и хохотнула. – А, да...

– Тебя это не беспокоит? Говорю тебе, это может быть признаком болезни...

Она посмотрела на него и улыбнулась.

– Кевин, не делай из мухи слона. Это пустяки. Такое случалось и раньше, особенно перед критическими днями.

– У тебя эти дни? – быстро спросил он.

– Заканчиваются. – Глаза Мириам проказливо блеснули, но Кевин не улыбнулся в ответ.

– Я позвоню тебе позже, – сказал он и вышел.

На лифте он спустился в гараж, сел в свою машину и выехал. Он собирался поговорить с Беверли Морган.

Стоял морозный зимний день. На темно-синем небе облака застыли, словно примерзли. Доругой Кевин обдумывал события последних нескольких месяцев и все то, что так его беспокоило. Он понимал, что сознательно не обращал на это внимания, но сейчас хотел быть честным с собой.

Откуда Джон Милтон так много узнал о нем и Мириам еще до их знакомства? Откуда он столько знал о деле Лоис Уилсон? Почему все так идеально безупречно? В шикарной бесплатной квартире обнаружился даже спинет и многое из того, что Мириам всегда хотела. Было ли это простой удачей или чем-то иным? Может быть, у него начинается паранойя? Или Мириам права? Может быть, он чересчур остро реагирует на обычный бред сумасшедшей и подавленной женщины? Наверное, он просто слишком много работал. Конечно, всему есть логическое объяснение. Беверли Морган не поддавалась на его намеки, потому что он показался ей очень молодым. Но в таком случае она и сейчас не будет с ним разговаривать.

Кевин остановился перед маленьким домиком в Миддлтауне. Свет в доме не горел, и шторы были задернуты. Маленький десятилетний чернокожий мальчик с подозрением смотрел на него с крыльца своего дома. Кевин вышел из машины и подошел к двери дома сестры Беверли Морган. Он постучал и стал ждать. Стук эхом отдался в доме, но никто не открыл. Он постучал еще раз, потом попытался заглянуть в окно.

– Их нет, – сказал мальчик. – Их увезла «Скорая помощь».

– «Скорая»? – Кевин быстро обернулся к мальчику. Тот, напуганный его резким движением, отступил. – Что случилось с миссис Морган?

– Она напилась и упала с лестницы, – сказал мальчик и принялся катать металлическую машинку по ободренным перилам.

– Понимаю. Значит, ее повезли в больницу?

– Да. И моя мама тоже с ними поехала. Она повезла Шерил.

– А в какую больницу они поехали?

Мальчик пожал плечами.

– Наверное, здесь только одна больница, – вслух подумал Кевин.

Он бросился к машине и поехал прочь. На первом перекрестке он увидел указатель на мемориальную больницу Хортон и направился туда как можно быстрее.

Добродушная пожилая женщина в розовой форме, сидевшая на стойке информации, ничего не знала о Беверли Морган.

– Возможно, она еще в приемном покое, – предложила она единственно возможный вариант, объяснила, как туда пройти, и Кевин побежал по длинным, широким переходам.

Количество людей его поразило. Большой город или маленький – приемные покои больниц везде одинаковы. Сестры сновали между смотровыми. Замученный интерн изучал историю болезни, а медсестра перечисляла симптомы очередного пациента. На Кевина никто не обращал внимания. Он заметил двух чернокожих женщин, стоявших возле одной из смотровых, и направился к ним.

– Извините...

Они с подозрением уставились на него.

– Беверли Морган здесь?

– Понятное дело... А вы кто такой?

– Я Кевин Тейлор, адвокат. Я защищал Стэнли Ротберга.

– Ну и чего же вы хотите от моей сестры сейчас? Она же все сказала в суде, разве нет?

– С ней все в порядке? – спросил Кевин с улыбкой.

– Она выживет, – хмыкнула сестра. – Но ей придется забыть о своих привычках, если она хочет и дальше жить в моем доме.

– Уверен. – Кевин кивнул и посмотрел на другую женщину, которая смотрела на него, как на полного идиота. – Как вы думаете, я смогу с ней поговорить пару минут?

– Мы уже целую вечность ждем, когда ее переведут в палату, так что полагаю, сможете, – ответила сестра Беверли. – Впрочем, она еще не протрезвела.

Кевин не стал ждать и направился прямо в смотровую.

Беверли Морган лежала на каталке, накрытая тонким белым одеялом. Голова у нее была забинтована, справа на бинтах проступила кровь. Она смотрела в потолок. Сестра и соседка вошли следом за ним и остановились в дверях. Кевин медленно подошел к Беверли.

– Беверли? Как вы себя чувствуете?

Беверли моргнула, но головы не повернула.

– Я – Кевин Тейлор. Мне нужно с вами поговорить, хотя процесс уже закончился. Беверли?

Женщина слегка повернула голову.

– Она слишком пьяна, мистер. Она вас не слышит. Она вряд ли понимает, где находится. Полетела с лестницы кубарем. Я даже не сразу ее нашла. Счастье, что выжила...

– Беверли, – позвал Кевин, не обращая внимания на эти слова. – Вы знаете, что я здесь. Вы меня знаете. Вы должны поговорить со мной, Беверли. Это очень важно.

Женщина с трудом повернула голову и наконец увидела его.

– Он послал вас? – хриплым шепотом спросила она.

– Кто он? Мистер Милтон?

– Он послал вас? – снова повторила она. – Зачем? Чего он еще хочет?

– Меня никто не посылал, Беверли. Я приехал сам. Почему вы изменили свои показания? Вы сказали правду в суде? Или говорили правду, когда мы разговаривали в доме вашей сестры?

Она смотрела на него пустым взглядом, и он решил, что все бесполезно.

– Он не посылал вас? – неожиданно спросила Беверли.

– Нет, я приехал сам. Я не знал, что вы измените показания, пока не задал те вопросы в суде. Я не поверил вам, Беверли. И хоть вы помогли мне выиграть дело, я не поверил вам. Вы же солгали, верно?

Слезы полились из налитых кровью глаз женщины.

– Эй, мистер, что это вы делаете с моей сестрой?

– Ничего! – рявкнул Кевин и повернулся к ним. – Мне нужны ее ответы. Это очень, очень важно. Беверли, вы же солгали, верно? Солгали?

– Мистер, вам лучше уйти, – возмутилась сестра.

Беверли кивнула.

– Я знал это. Но почему? Почему вы солгали? Как он заставил вас?

– Он знает, – прошептала она.

– Знает что?

– Мистер, вам лучше уйти – и немедленно!

– Знает что? – повторил Кевин.

Губы Беверли задвигались. Кевин нагнулся к ней. Она прошептала признание ему на ухо, словно священнику. А потом она отвернулась.

– Но откуда он это узнал? – поразился Кевин.

Беверли не ответила, но ему и не нужен был ответ. Он его уже нашел.

Дорога назад была странной. Кевин так глубоко задумался, что не заметил, как подъехал к мосту Джорджа Вашингтона, словно его перенесла туда какая-то сила. Он вздрогнул. Может быть, так и было? Что есть реальность, а что иллюзия? Что магия, а что нет? Был ли мистер Милтон обычным хитроумным и безжалостным адвокатом или... он кто-то иной?

Откуда он мог узнать, какие грехи Беверли Морган таит в душе? Откуда ему было известно, что она воровала у матери Максина Шапиро, когда ухаживала за ней после инсульта? А ведь она воровала – драгоценности, деньги. Она сняла даже украшения с мертвого тела. Стоило Милтону сказать ей об этом, и он с легкостью мог ее шантажировать. Он мог заявить, что теперь она станет главной подозреваемой. И обвинять ее будут не в том, что она случайно убила Максину из-за пьяной небрежности, а в умышленном убийстве. Например, если Максина узнала о ее воровстве – и о том, что она сделала с ее матерью.

Дигиталис обнаружить трудно – только если патологоанатом знает, что искать. Она отправила старуху на тот свет и избавила себя от подозрений.

Кевин выслушал ее, но он не был священником и не дал ей надежды на отпущение грехов. Он боялся, что и сам потерял эту надежду. Но думать об этом было некогда.

Хелен Сколфилд предупреждала Мириам, не его. Хелен сказала, что с ней случится то же самое, что и с женой Ричарда Джеффи. Не произошло ли с Джеффи то же, что сейчас происходит с ним?

Сейчас, когда он твердо решил разобраться с фирмой и партнерами, Кевину нужно было отправиться в офис и кое-что узнать самому. Он точно знал, где искать. Он понимал, что ему потребуется нечто конкретное и явное, чтобы убедить Мириам и всех остальных.

Диана не ожидала его увидеть.

– А сегодня все взяли выходной, мистер Тейлор, – сказала она. – Мистер Маккарти только что ушел.

Кевин действительно видел, как Тед выходит из здания, и спрятался за угол, чтобы тот его не заметил.

– Все в порядке, Диана. Я просто решил все закончить и просмотреть кое-какие бумаги. Секретарша улыбнулась, но потом печально покачала головой.

– Слышали последние новости о миссис Сколфилд?

- Нет. Я большую часть дня провел за городом. А что случилось?
- Она впала в кому. Ни на что не реагирует. Врачи могут даже использовать электрошок, – прошептала она.
- Надо же... Плохо дело. Мистер Сколфилд все еще в больнице?
- Да. Вам что-нибудь нужно, мистер Тейлор? Венди сегодня тоже ушла пораньше.
- Нет-нет, у меня все есть.

Кевин направился в свой офис. На столе его ждала новая папка с запиской: «Кевин, это новое дело для вас. Обсудим все сегодня. Дж. М.». Конечно, мистер Милтон не собирался обсуждать это до завтра. Кевин открыл папку и прочел первый лист.

Элизабет Портер, 48 лет, содержала дом для престарелых. Ее 45-летний любовник Барри Мартин был арестован и обвинен в убийстве четырех стариков и присвоении их пенсии. Все четыре трупа были похоронены за домом престарелых, где их и обнаружила полиция. Кевину предстояло защищать этого человека, который, пытаясь спасти собственную шкуру, перекладывал всю вину на свою любовницу.

В папке содержались материалы по каждому убийству: кем были жертвы, как долго они жили в доме престарелых. Кроме того, Кевин нашел всю информацию о жизни хозяйки дома и ее любовника. И снова Кевин поразился точности и полноте собранной информации. Это вызвало у него подозрения, и он отправился в компьютеризованную библиотеку.

Кевин нажал на выключатель. Неоновые лампы мигнули, потом загорелись ровным светом, освещая длинную, узкую комнату с книжными полками. Компьютер стоял справа. Он придвинул стул и включил его. Экран моргнул, раздался звуковой сигнал, и машина заработала.

Чтобы секретарям было легче работать, над клавиатурой висела подсказка с сочетаниями клавиш. С ее помощью Кевин быстро нажал нужные кнопки и получил список файлов, хранящихся на жестком диске. Он хотел просмотреть прошлые дела – познакомиться с историей фирмы. Файлы были сгруппированы по именам партнеров, которые их вели. Поскольку Пол пришел первым, Кевин решил начать с него.

Он быстро просматривал дела, запоминая имена клиентов и результаты. Потом он перешел к делам Теда, потом к Дейву. Снова и снова он убеждался в том, в чем уже был уверен. Все клиенты, которых защищала фирма «Джон Милтон и партнеры», были виновны, но либо получили минимально возможное наказание, либо были полностью оправданы благодаря юридическим ухищрениям. Никто не смог бы сказать, что «Джон Милтон и партнеры» плохо представляли интересы своих клиентов.

Неудивительно, что эти трое были такими высокомерными, подумал он. «Мы не проигрываем», – сказал Пол. Они знали. Они действительно не проигрывали.

Кевин увидел и свое имя. Он открыл файл и с ужасом увидел полное описание дела Лоис Уилсон. Но почему оно тут оказалось? Ведь тогда он еще здесь не работал. Конечно, здесь была вся информация по делу Ротберга. Секретари уже ввели и информацию по новому делу о доме престарелых. Внезапно кровь бросилась Кевину в лицо – он увидел, что введен и результат! Это была уверенность или нечто другое? Он же может проиграть, разве нет? И обвинение может найти такие улики, о которых сейчас ничего не известно... Дело еще не скоро дойдет до суда. Откуда же известен результат?

Кевин откинулся на спинку стула и задумался. А потом наклонился и снова взгляделся в список файлов. Одна папка привлекла его внимание. Она называлась «Будущие дела».

Он нажал на кнопку и стал ждать. А потом начал медленно читать, обращая внимание на даты. Его сердце колотилось. Он открыл первую страницу и не поверил глазам.

Фирма «Джон Милтон и партнеры» имела список будущих дел на два года вперед. Они знали о преступлениях, которые еще не были совершены!

Глава 13

– Я ухожу, мистер Тейлор, – сказала Диана, неожиданно появляясь в дверях библиотеки.

Кевин не слышал ее шагов – так поразило его увиденное на компьютерном экране. Хотя голос Дианы прозвучал довольно тихо, Кевин повернулся так резко, что чуть не упал со стула. Очаровательная секретарша невинно улыбалась ему – она явно не была в курсе того, что он делал и что искал. Возможно, она ни о чем не ведала. Может быть, этого не знает никто из них.

– Да, да, Диана. Через пару минут я тоже уйду.

– Вы можете не спешить, мистер Тейлор. Просто захлопните за собой дверь.

– Спасибо. Кстати, а где весь день был мистер Милтон?

– У него было несколько встреч в городе. Но он держит руку на пульсе. Он знает, что произошло с женой мистера Сколфилда. Завтра утром он обязательно будет в офисе. Увидимся утром, – добавила она.

– Хорошо. Доброй ночи, Диана.

Он дождался, когда секретарша выйдет, и лишь потом снова взглянул на экран. Никто этому не поверит, если не увидит собственными глазами, и он решил распечатать результаты. Он нажал на кнопку печати, но на экране появилась надпись: «Файлы не отформатированы для печати». Кевин попробовал пойти другим путем, но неожиданно экран погас. Он попробовал вызвать файлы снова, снова просмотреть папку «Будущие», но на сей раз компьютер запросил пароль. Как это возможно? Почему он смог просмотреть папку один раз, а для второго просмотра понадобился пароль? Казалось, что компьютер мучает его, словно и машина являлась частью этого... зла.

Он оторвал пальцы от клавиатуры, словно боясь чего-то ужасного. Впрочем, экран монитора горел ярким светом и выглядел вполне безопасно. Кевин потряс головой. Полное безумие, подумал он. Паранойя усиливается. Он быстро выключил компьютер, вышел из библиотеки и зашел в свой кабинет позвонить жене.

После четырех гудков включился автоответчик. Приятный, но незнакомый голос предложил оставить сообщение после сигнала. Короткий смешок, «спасибо», сигнал... Кевин сжимал трубку в руке, слушая шорохи и скрипы. Почему он никогда не слышал в голосе Мириам ничего подобного? Высокий голос, отстраненный тон, тон человека, которому ни до кого нет дела, – голос собственной жены казался ему совершенно чужим. Может быть, он под каким-то заклятием – под заклятием, которое рухнуло, как только он ощутил чувство вины за собственные действия?

Холодный пот выступил на лбу. По спине пробежал холодок. Он медленно положил трубку, не оставив сообщения. Где она? Может быть, снова в пентхаусе? Может быть, с ним? Какое влияние он оказывает на женщин и почему остальные партнеры этого не замечают? Или замечают, но им нет до этого дела? Все они настолько успешны, каждое их дело завершается победой – они наверняка понимают все то, что стало ясно Кевину. Нельзя доверять никому из них. И главное – нельзя верить Полу. Ведь это он привел его в фирму, и он позволил, чтобы его собственную жену упрятали в психиатрическую лечебницу. Кевин задумался – что же делать с тем, что он узнал? Потом посмотрел на часы и стал искать в своей записной книжке телефон офиса окружного прокурора. Когда в офисе сняли трубку, он попросил позвать Боба Маккензи. Его переключили на секретаршу Боба.

– Он только что ушел, – сказала она. – Я могу попросить его перезвонить вам утром.

– Не нужно! – рявкнул Кевин. Он буквально кричал: – Я должен поговорить с ним немедленно! Это очень важно. Пожалуйста...

– Минутку...

Кевин прислушался и понял, что секретарша просто прикрыла трубку рукой и советуется с Бобом Маккензи, который стоит рядом. Потом она произнесла:

– Мистер Маккензи сейчас возьмет трубку.

Через минуту ему ответил Боб.

– Кевин, что случилось?

– Я знаю, что рабочий день кончился, но, поверьте, Боб, я не стал бы вас тревожить, если бы это не было так важно.

– Да, я уже собирался домой. В чем дело?

– Это связано со всеми делами, в которых обвиняемых защищали партнеры Джона Милтона. Не только с вашими, но и с делами всех сотрудников службы окружного прокурора. – Кевин перешел на шепот. – Поверьте, вы не пожалеете, если встретитесь со мной.

– Как скоро вы сможете приехать? Мне нужно быть дома.

– Дайте мне двадцать минут.

Немного помолчав, Маккензи ответил:

– Ну хорошо, Кевин. К этому времени все уже разойдутся, так что сразу проходите ко мне. Мой кабинет третий слева.

– Хорошо. Спасибо.

Кевин положил трубку и выбежал из кабинета, погасив за собой свет. Прежде чем закрыть входную дверь, он обернулся и посмотрел в темный коридор. Возможно, это была игра больного воображения, но ему показалось, что из-под двери библиотеки пробивается слабый свет – возможно, от экрана компьютера. Но он точно знал, что все выключил, поэтому списал все на разыгравшееся воображение и без промедления захлопнул дверь.

Собираясь добраться до Маккензи за 20 минут, Кевин не учел пробки часа пик. До гаража, обслуживавшего офис окружного прокурора, он доехал лишь спустя 40 минут. Кевин поставил машину и бросился к лифту. Он так хотел встретиться с Маккензи как можно быстрее, что даже не подумал о том, как рассказать ему все то, что он обнаружил и в чем убедился. Мысль об этом пришла ему только у дверей кабинета, и его рука замерла на ручке.

«Черт, – подумал Кевин, – он же сочтет меня сумасшедшим. Он не поверит ни единому моему слову. Но я должен кому-то рассказать – мне нужен человек, которого это заинтересует и который попробует во всем разобраться, и кто подходит для этого лучше человека, которого юристы «Джон Милтон и партнеры» столько раз унижали в суде?» Кевин открыл дверь и вошел. В вестибюле еще горел свет, но секретарши за стойкой уже не было. Кевин быстро прошел по коридору и открыл третью дверь слева.

Маккензи стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на городские огни. Когда дверь открылась, высокий, худощавый прокурор быстро повернулся. Лицо Маккензи показалось Кевину еще более длинным и худым, а глаза – более запавшими и мрачными.

– Извините, Боб, пробки...

– Я так и думал. – Прокурор взглянул на часы. – Только давайте побыстрее. Я позвонил жене, но забыл, что у нас сегодня гости.

– Простите, Боб, я не стал бы настаивать, если бы...

– Садитесь, Кевин. Я вас слушаю. Что вас так встревожило?

Маккензи опустил в свое кресло. Кевин тоже сел и откинулся на спинку, чтобы перевести дыхание.

– Не знаю, с чего начать. Я как-то не подумал, как буду рассказывать вам обо всем этом.

– Переходите к сути дела, Кевин. Детали можно будет обсудить потом.

Кевин кивнул, сглотнул и наклонился вперед.

– Я прошу вас об одном – дайте мне все рассказать и не отвергайте мои слова сразу же, хорошо?

– Слушаю вас внимательно, – сухо ответил Маккензи, снова посматривая на часы.

– Боб, я считаю, что Джон Милтон – это злодей со сверхъестественными способностями. Возможно, он вовсе не человек... Или нечто большее, чем человек... По-моему, он истинное воплощение сатаны.

Маккензи молча смотрел на Кевина, только брови его снова поднялись вверх. Но прокурор не стал его останавливать или смеяться, и это воодушевило Кевина.

– Сегодня я ездил к Беверли Морган. Ее показаниями в суде я был удивлен не меньше вашего. Когда я беседовал с ней до суда, она категорически отвергала версию Ротберга. Она терпеть не могла этого человека и не собиралась ничего делать, чтобы помочь ему.

– Да, но... ее могли мучить угрызения совести, – пожал плечами прокурор. – Вам, как и мне, хорошо известно, что свидетели преступлений часто отказываются давать показания. Но потом их начинает мучить чувство вины. Возможно, Беверли Морган просто не справилась с угрызениями совести и решила сказать правду.

– Перед перекрестным допросом мистер Милтон прислал мне записку. Он точно знал, что она изменит свои показания.

– И вы считаете, что в этом проявились его сверхъестественные силы?

– Нет, вовсе нет... Я же говорил вам – сегодня я ездил к Беверли Морган. С ней произошёл несчастный случай... из-за выпивки... она упала с лестницы, и когда я приехал, ее уже отвезли в больницу. Я отправился в больницу и спросил, почему она изменила показания. И она призналась мне кое в чем, что совершила в прошлом, – возможно, ей казалось, что она уже на грани смерти, или ее действительно замучили угрызения совести.

Кевин наклонился к прокурору:

– Боб, она сказала мне, что убила больную мать Максины Шапиро, когда та обнаружила ее воровство. Она отравила ее дигиталисом. Никто не знал об этом. Ее даже никто не заподозрил. Она обкрадывала и Максину – кое-какие украшения, деньги, все такое...

– Значит, и ее она убила?

– Нет. Максина не знала о воровстве. А если и знала, то не обращала внимания. Ее убил Стэнли Ротберг. Я убежден в этом. И я уверен, что мистер Милтон тоже это знал. Мне точно известно, что он все знал – заранее.

– Не понимаю, что вы хотите сказать... Джон Милтон в этом участвовал?

– Косвенным образом – да. Он чувствует потенциал зла в человеческих сердцах, – задумавшись на минуту, ответил Кевин. – Когда я получил документы по делу Ротберга, то решил, что в них вкралась опечатка. Но Джон Милтон начал собирать информацию еще до смерти Максины Ротберг. Он знал, что ее убьют и что обвиняемым будет Стэнли Ротберг.

– Или вы были правы изначально, решив, что это всего лишь опечатка, – мягко проговорил Маккензи.

– Нет! Я же говорю вам, что это была не опечатка! Он не только знает, что совершат злодеи. Он улавливает совершенное нами и живущее в наших сердцах зло. Он отправился к Беверли Морган и стал ее шантажировать. Он знал, что она совершила, а она поняла, что столкнулась с некоей ужасной злой силой. Она подчинилась и сделала то, что он хотел.

– И все это она сегодня рассказала вам в больнице?

– Да.

– Кевин, вы же сами сказали, что она была пьяна и упала с лестницы. Я был почти готов отвергнуть ее показания, потому что она алкоголичка, словам которой нельзя верить. Но я понимал, что вы сможете использовать этот факт, чтобы доказать: Максину Шапиро убила она – пусть даже случайно, поэтому я не стал даже пытаться. Но что могут значить слова такого ненадежного свидетеля, как она, против Джона Милтона?

– Боб, фирма «Джон Милтон и партнеры» не проиграла ни одного уголовного дела, которым занималась! – воскликнул Кевин. – Если проанализировать судебные документы, вы сами это поймете. И посмотрите, что у них за клиенты... Многие из них безусловно виновны, но получили минимальные сроки или вообще...

– Любой адвокат стремится к этому, Кевин. Вы и сами это отлично знаете.

– Или они находят способы избавиться от нежелательных свидетелей и улики!

– Как любые хорошие адвокаты. Это их работа, и мы это понимаем. Почему, как вы думаете, я постоянно сдерживаю напор полиции? Они так стремятся поймать преступников, что совершают ошибки. И они ненавидят нас, прокуроров, за то, что мы указываем им на их промахи – они многое могут сделать, но не делают или делают неправильно.

– Да, знаю я это, – нетерпеливо отмахнулся Кевин. – Но это нечто большее, Боб. Они, и в особенности *он*, получают удовольствие, избавляя преступников от обвинений. Он – настоящий защитник зла, адвокат дьявола, а то и сам дьявол.

Маккензи кивнул.

– И чем вы можете подтвердить свою дикую историю, Кевин?

– Я только что был в офисе. Я изучал компьютерную базу по всем делам фирмы. Они не проиграли ни одного дела. Они пригласили меня, но в фирме я занимался только делом Ротберга. А в их компьютере была вся информация о моем первом уголовном деле, которое я вел еще на Лонг-Айленде. Тогда я защищал учительницу, которую обвинили в сексуальных домогательствах к детям. – Кевин посмотрел прямо в глаза прокурору.

– Я в курсе, Кевин. Мои люди все разузнали про вас: мне нужно было знать, с каким адвокатом придется столкнуться в суде.

– Я был поражен тем, что вся эта информация хранится в архиве фирмы Джона Милтона. Мне показалось, что, защищая Лоис Уилсон, я работал на *него*. А потом я подумал, что, возможно, так оно и было...

– Не понимаю...

– В глубине души я знал, что она виновна, но я сознательно задушил эту мысль и, поняв слабость обвинения, нанес удар именно туда.

– За это вам и платят, – сухо произнес Маккензи.

– Да, но тогда я не понимал, что это – проверка перед работой в «Джон Милтон и партнеры». Эта фирма ищет адвокатов, которые готовы сделать все ради оправдания своих клиентов, даже зная, что они виновны. Но больше всего меня напугала еще одна папка в компьютере – она называлась «Будущие». В ней содержится информация о преступлениях, которые будут совершены в течение следующих двух лет, и о клиентах, которые к нам обратятся.

– Предсказания?

– Не просто предсказания – подробные описания преступлений: грабежей, изнасилований, убийств, вымогательств, растрат – я видел все!словно описание выпускного курса в адском университете!

– Имена людей и то, в чем их будут обвинять?

– Именно!

– Вы сняли копию?

– Я пытался, но не смог этого сделать. А потом я больше не смог войти в ту папку. Но если вы...

– Полегче, Кевин. Я не могу ворваться в офис Джона Милтона с ордером на изучение компьютерных файлов с информацией об еще не совершенных преступлениях. Кроме того, если он обладает той силой, какую вы ему приписываете, то может просто удалить файлы еще до моего приезда, разве нет?

Кевин кивнул. Его охватило отчаяние.

– Жена Пола Сколфилда попала в психиатрическую лечебницу, – быстро проговорил он. – Она разговаривала со мной вечером. Она сказала, что Джон Милтон дьявол, способный зачаровать всех, даже наших жен. Она сказала, что это он виновен в смерти Ричарда Джеффи.

– Она сказала, что он столкнул Ричарда Джеффи с балкона?

– Не совсем так. Но Джеффи чувствовал себя виноватым в том, что случилось с его женой. Он раскаивался в том, что совершил, работая на Джона Милтона. Так говорила Хелен. Она сказала, что Ричард был единственным, у кого осталась совесть.

– Так сказала вам Хелен Сколфилд?

– Да.

Маккензи кивнул и снова подался вперед, сложив руки на столе.

– Милт Краммер сегодня говорил мне о ней. В юридическом сообществе новости распространяются быстро. Нервный срыв, верно?

– Это лишь прикрытие!

– И вы говорите, что в этом участвуют все: Дейв Котейн, Тед Маккарти и Пол Сколфилд?

– Да, теперь я в этом уверен, – кивнул Кевин.

– И их жены?

– Насчет жен я не уверен.

– Но точно не жена Пола?

– Знаете, она написала для нас картину, абстрактную картину, но ужасающую...

Кевин остановился. Маккензи слегка покачал головой, и Кевину стало ясно, что он проиграл.

– Кевин, давайте успокоимся и подумаем, что вы мне только что рассказали. Хорошо?

– Боб, вы должны меня выслушать.

– Я слушаю, и я не смею над вами. И не вызываю санитаров, не так ли?

– Нет.

– Отлично. Вы все выяснили. Беверли Морган явно солгала, чтобы прикрыть свою задницу. Джон Милтон узнал о ее преступлениях. Мы не знаем, сделал ли он это с помощью неких сверхъестественных способностей или просто провел собственное расследование. Мне известно, что на него работают лучшие частные детективы.

Маккензи вздохнул и продолжил:

– Вы познакомились с историей его фирмы и поняли, что компания работает очень успешно. Но ни одно из дел не было выиграно благодаря сверхъестественной силе. Адвокаты использовали процедурные ошибки, совершенные полицией, договаривались о сделках с правосудием и выигрывали дела в суде, оспаривая приведенные доказательства. Остановите меня, если я не прав...

– Вы правы, я понимаю, как все это выглядит, но...

– Но вы увидели этот таинственный компьютерный файл, который не можете ни показать, ни вызвать снова. Это список возможных преступлений.

– Не возможных, а вполне конкретных.

– Вы считаете их конкретными, потому что вам кажется, Джон Милтон начал расследовать дело Ротбергов еще до убийства Максина Ротберг. Но вы же сами сказали, что сочли это простой опечаткой. Вы хотите использовать показания женщины, которая находится в психиатрической лечебнице с нервным срывом, или алкоголички, которая и сама может оказаться убийцей и воровкой.

Маккензи наклонился вперед:

– Кевин, почему бы вам просто не уволиться? Возвращайтесь обратно на Лонг-Айленд и займитесь практикой там...

– Сколько дел вы вели против клиентов фирмы «Джон Милтон и партнеры»? – максимально спокойно спросил Кевин.

– Лично я? Пять, включая ваше.

– И во всех случаях вы проиграли?

– Я прекрасно понимаю, почему это произошло. Все причины были абсолютно логичными. Ничего сверхъестественного. Послушайте, я уже давно знаком с Джоном Милтоном. Вы видели меня у него в гостях. И другие прокуроры тоже бывают у него. Сам окружной прокурор его знает. Никто не считает его дьяволом или адвокатом дьявола – уж поверьте мне, хотя порой его вечеринки бывают довольно... рискованными.

Кевин кивнул. Его охватило безнадежное чувство поражения. Неожиданно он почувствовал себя очень старым и уставшим.

– Простите, Боб. Надеюсь, вы все же меня поняли...

– Если вы, Кевин, действительно считаете, что вы с женой оказались во власти какого-то зла, то вам следует уйти.

– Я так и сделаю, но мне хотелось сделать больше. Я хотел остановить его, потому что невольно стал частью всего этого.

Маккензи впервые улыбнулся.

– Хотелось бы мне, чтобы все адвокаты терзались такими же угрызениями совести, как и вы. Тогда наша работа была бы гораздо проще.

Они посмотрели в глаза друг другу.

– Я не должен этого делать, – добавил Маккензи, – но я вижу, что вы говорите вполне серьезно. Я знаю человека, который сможет помочь вам разобраться во всем и понять все то, что, как вам кажется, вы видите или переживаете.

– Правда? Кто это?

– Это мой друг или, точнее, друг моего отца. Он священник на пенсии, отец Винсент. Уйдя на покой, он стал заниматься исследованиями оккультных проблем и деяний дьявола в частности. Но он не сумасшедший. Отец Винсент занимается научной работой – он ведь еще и психиатр. Он до сих пор работает с пациентами, хотя ему почти восемьдесят.

– Вам кажется, мне нужен психиатр? – спросил Кевин. – Впрочем, не могу вас в этом упрекнуть.

– Я не говорю, что вы сумасшедший, Кевин. Но отец Винсент сможет помочь вам. Возможно, он объяснит, как подтвердить или опровергнуть ваши идеи, и вы обретете душевный покой, – сказал Маккензи. – Разве это плохо?

– Нет, полагаю, нет...

– Теперь вы говорите разумно. – Маккензи снова поглядел на часы. – Мне лучше потопрапливаться.

– Конечно... Спасибо, что выслушали. – Кевин протянул прокурору руку.

– Кевин, не поймите меня превратно, – сказал Маккензи. – Мне хотелось бы прищучить «Джон Милтон и партнеры». Они слишком уж хорошо делают свое дело. А их клиенты действительно виновны, но им удастся выкрутиться. Но такова система, и это лучшая система. Возможно, вы просто не годитесь для такой работы. Это случается, – пожал плечами прокурор. – Может быть, вам стоит подумать о том, чтобы перейти на нашу сторону. Деньги, конечно, не те, но вы будете лучше спать по ночам.

– Возможно, – кивнул Кевин и направился к выходу.

– Подождите, я выйду вместе с вами.

Маккензи надел пальто, взял кейс, выключил свет. Кевин снова покидал офис последним. Свет за ним погас, дверь захлопнулась.

– А где живет отец Винсент? – спросил Кевин, когда они вошли в лифт.

– В Гринвич Виллидж, – улыбнулся Маккензи. – Кристофер-стрит, дом номер один, квартира пять. Его зовут Рейбен. Если будете с ним разговаривать, скажите, что это я вас послал.

– Я обязательно с ним поговорю, – ответил Кевин, хотя его энтузиазм начал спадать.

Но как только он приехал домой и открыл входную дверь, все изменилось. Мириам встречала его в холле.

– Я услышала, как ты открываешь дверь, и сразу бросилась...

Мириам просто сияла, щеки разрумянились, глаза сверкали.

– Что случилось?

– Я не хотела говорить, пока не буду твердо уверена, но сегодня все подтвердилось. Я беременна, – сказала она и бросилась обнимать его, прежде чем он смог что-то сказать.

– О чем ты говоришь?

Мириам вскочила, не дав ему закончить.

Собравшись с мыслями, Кевин провел жену в гостиную, чтобы поговорить, но стоило ему начать, как Мириам сжала кулаки и прижала руки к вискам.

– Аборт?!

– Я не считаю этого ребенка своим, – максимально спокойно произнес Кевин. – И если Хелен права (а я считаю, что она права!), этот ребенок убьет тебя.

– Хелен?! Хелен Сколфилд?! Господи, да ты с ума сошел! Ты сошел с ума! Ты позволил Хелен Сколфилд свести тебя с ума! Что она наговорила тебе прошлым вечером? Как этот ребенок может быть не твоим? С кем, как ты думаешь, я спала? Хелен сказала тебе, что у меня есть любовник? И ты поверил этой сумасшедшей? Женщине, которую держат в смиренной рубашке и накачивают психотропными лекарствами?!

Лицо Мириам искажилось от гнева.

– Просто сядь и выслушай, что я тебе скажу. Ты это сделаешь?

– Ни за что, если ты снова заговоришь об аборте. Мы хотели ребенка, хотели создать настоящую семью. Я уже детскую начала обустраивать. – Мириам неверяще покачала головой. – Я не буду тебя слушать. Нет, я не буду...

Она выбежала из гостиной. Кевин какое-то время сидел неподвижно, потом поднялся и пошел за ней в спальню. Мириам лежала ничком на постели и рыдала.

– Мириам. – Кевин сел рядом и нежно погладил ее по волосам. – Это не твоя вина. Я не говорил, что ты сознательно завела любовника. Ты не изменяла мне – в истинном смысле слова. Все дело не в тебе. Он зачаровал тебя и занимался с тобой любовью, принимая мой облик. Я видел это... дважды... Но каждый раз я не мог ничего сделать.

Мириам медленно повернулась и посмотрела прямо на мужа.

– Кто зачаровал меня и занимался со мной любовью у тебя на глазах?

– Мистер Милтон.

– Мистер Милтон?! – Кевин кивнул. – Мистер Милтон?! – Мириам расхохоталась и еще раз повторила: – А ты знаешь, сколько лет мистеру Милтону? Сегодня я узнала точно. Ему 74! Именно, 74! Я знаю, для своих лет он выглядит прекрасно, но если уж ты и хотел обвинить меня в измене, то лучше бы тебе выбрать кого-то из партнеров.

– Кто сказал тебе, сколько ему лет?

– Доктор Стерн.

– Кто такой доктор Стерн?

– Врач, услугами которого пользуется фирма, – сказала Мириам, вытирая слезы. – Норма и Джин отвели меня к нему – я хотела посоветоваться насчет тех синяков, которые тебя так тревожили. Да и тест на беременность хотела сделать. Можешь радоваться, ты был прав – доктор действительно прописал мне витамины. Скорее всего, дефицит витаминов связан с беременностью – теперь мне нужно есть за двоих, – улыбнулась она.

– О, Мириам...

– Он был очень мил. Мы поговорили о фирме, о тебе и о мистере Милтоне. И тогда-то я узнала, сколько ему лет.

– Глория Джеффи тоже обращалась к этому врачу? – кивнул Кевин, словно уже услышав утвердительный ответ.

– Конечно! И я догадываюсь, что ты хочешь сказать, – быстро добавила Мириам. – Он не виноват в ее смерти. Мы с девочками говорили об этом, и он сам все объяснил. Это событие все еще его беспокоит. Все дело в ее сердце. Врожденный порок... Никто не ожидал, что так выйдет.

– Да, это было сердце, никаких неожиданностей. Я пока не очень понимаю, как это произошло, но ребенок убил ее. И ее муж знал это – и знал почему.

– Почему же никто другой не говорит таких ужасных вещей? Ни Норма, ни Джин, ни их мужья? Они работают с Джоном Милтоном и работали с ним гораздо дольше, чем ты. Почему они не приходят к своим женам и не рассказывают им, какой он злодей? Или они просто не знают столько, сколько знаешь ты? – презрительно спросила Мириам.

– Они знают, – кивнул Кевин. Неожиданно ему в голову пришла одна мысль. – А Норма и Джин когда-нибудь говорили о своих мужьях?

– Конечно.

– Я имею в виду – об их прошлом, о семейной жизни?

– Иногда. Ну и что?

– В Теде или Дейве нет ничего необычного, чего мне неизвестно?

Мириам пожала плечами.

– Ты знал, что Тед вырос в приемной семье?

– Нет, он никогда об этом мне не говорил. Он всегда так говорил об отцовской фирме, что я был уверен – это его настоящие родители. – Кевин посмотрел на жену. – Дейв тоже не говорит о своих родителях, а если и упоминает, то только отца. – Он задумался, потом припомнил: – Мать Дейва умерла при родах, верно?

– Значит, ты знал...

– Уверен, что мать Пола... – Неожиданно Кевину стало все ясно. – Неужели ты не понимаешь?

Кевин вскочил. Страшная правда поразила его в самое сердце.

– Не понимаю чего, Кевин? Ты меня пугаешь...

– Вот почему они говорили, что фирма – это семья! Так оно и есть! Он – их отец, их настоящий отец!

– Что ты говоришь? – поморщилась Мириам.

– Я должен был понять... То, как они говорили о нем... «Он мне как отец», – однажды сказал Пол. И все они когда-нибудь об этом говорили.

– Ну и что, Кевин? Они выражались фигурально.

– Нет-нет, теперь все обретает смысл! Когда-нибудь сын Глории Джеффи тоже войдет в эту фирму. И... – Кевин посмотрел на жену, – ...и твой ребенок тоже, если ты его оставишь.

– Ребенок Джеффи... через 25 или 26 лет будет работать в фирме мистера Милтона? Подожди-ка. – Мириам закрыла глаза, что-то подсчитывая. – К тому времени мистер Милтон станет настоящим патриархом: ему будет 109 или 110 лет!

– Ему будет гораздо больше, Мириам! Он стар, как этот мир!

– Кевин, ну перестань, – сердито дернула головой Мириам. – Прекрати нести эту чушь! Где ты этого набрался?! Это внушила тебе Хелен Сколфилд?

– Нет.

– Тогда кто?

– Сначала собственное чутье – то, что от него осталось. – Он немного помолчал, потом сделал глубокий вдох и признался: – Мириам, ты была права насчет Лоис Уилсон.

– Что ты говоришь?

– В глубине души я знал, что она действительно домогалась Барбары Стэнли. Девочка была смущена и напугана, потому что поначалу позволила ей делать это. И тогда она попыталась убедить подружек поддержать ее, чтобы у нее появились союзники. Я понял эту ложь и использовал ее против обвинения. Это было отвратительно, но я хотел победить. Мне хотелось только одного – победить любой ценой.

– Ты делал только то, чему тебя учили и за что тебе платили, – ответила Мириам.

– Правда? Когда ты в это поверила? Что случилось с тобой? Ведь когда я сказал тебе, что собираюсь ее защищать, сама эта идея была тебе отвратительна!

– Мы говорили об этом с Нормой и Джин. Хорошо, что у меня появились подруги – жены адвокатов. Они помогли мне разобраться в моих чувствах и мыслях. Они очень мне помогли, Кевин. Я рада, что мы переехали сюда, и теперь нас окружают разумные и интеллигентные люди.

– Нет! Они вовсе не разумные и не интеллигентные. Они – воплощение зла!

– Послушай, Кевин, я тебя совсем не понимаю! Почему ты говоришь такие страшные вещи?! Ты хочешь убить нашего первого ребенка!

– Я расскажу тебе все, и тогда ты согласишься сделать аборт. Но сначала мне нужно кое-что поговорить, кое-что узнать, понять, что делать, понять, как сказать об этом так, чтобы другие люди – и, главное, ты – поняли меня.

Кевин поднялся, подошел к телефону и набрал номер справочной. Когда ответил оператор, он попросил дать ему номер Рейбена Винсента. Мириам с интересом наблюдала, как он записывает номер, а потом набирает его.

– Кто это? – спросила он. Кевин сделал ей знак помолчать.

– Отец Винсент?.. Добрый вечер... Меня зовут Тейлор, Кевин Тейлор. Ваш номер дал мне Боб Маккензи... Вам удобно разговаривать?.. Отлично... Меня очень интересует ваша работа. Я думаю, что мне необходима ваша помощь... Не могли бы вы сейчас со мной встретиться?.. Да, да, прямо сейчас... Я подъеду через полчаса или около того... Да... Спасибо большое...

Кевин положил трубку и повернулся к Мириам.

– Кто это такой?

– Человек, который сможет помочь.

– Помочь?

– Помочь победить дьявола.

Кевин вышел, а изумленная Мириам осталась в спальне.

Глава 14

В жизни Кевина были моменты, когда ему казалось, что он движется словно во сне. Иногда он занимался чем-то, о чем всегда мечтал, и внезапно начинал видеть все происходящее со стороны. Он наблюдал за самим собой почти так же, как в тех эротических сценах с Мириам. И сейчас он чувствовал себя именно так.

Остановившись на светофоре на Седьмой авеню, он заметил, что кто-то стоит на углу и смотрит на него. Мужчина стоял, подняв воротник, заложив руки в карманы. Лицо его было освещено лишь наполовину. Неожиданно этот человек напомнил Кевину самого себя. И на какое-то мгновение он увидел себя его глазами – согнувшегося над рулем, всклопоченного, с диким взглядом и странным выражением на лице.

Светофор сменился, и водитель машины, стоявшей позади, недовольно просигналил. Кевин нажал на акселератор, машина рванулась с места. Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, как темная фигура быстро пересекла улицу – словно перелетела. Он поехал дальше, но этот образ словно отпечатался в его глазах – так мы иногда продолжаем видеть свет какие-то доли секунды, после того как он уже выключен.

Кевин хорошо знал этот район Виллидж. Он частенько обедал в соседней кулинарии. Он направился к парковке рядом с домом отца Винсента. Не прошло и получаса со времени звонка, как он уже звонил в дом священника. Дверь открылась, и он вошел.

Отец Винсент открыл ему, как только он вышел из лифта.

– Проходите сюда, – сказал он низким, глубоким голосом. Кевин последовал за ним.

Невысокий, крепкий лысый старик в белоснежной рубашке и черных брюках отступил в сторону, чтобы он мог войти.

Из волос у отца Винсента остались два скудных седых клочка над ушами. Они сходились на затылке, обрамляя блестящую лысину с темными старческими пятнами. Под кустистыми седыми бровями сияли детские голубые глаза, выдающие силу духа и интеллекта этого человека. Черты лица были довольно крупными. Пухлые щеки делали лицо приятно округлым.

Отец Винсент был невысок, а его руки показались Кевину просто карликовыми. Священник протянул левую руку, взял Кевина за правую и неожиданно сильно пожал ее.

Когда отец Винсент улыбнулся, в уголках рта у него появились ямочки. Кевин подумал, что этот уютный, милый дедушка более всего напоминает Санта-Клауса – только без бороды.

– Чертовски холодно на улице, да? – спросил отец Винсент, потирая руки.

– Да, – ответил Кевин. – Ветер сегодня просто пронизывающий.

Почему-то он сразу вспомнил того человека на углу, поднявшего воротник, чтобы защититься от ветра.

– Проходите в гостиную и устраивайтесь поудобнее, – сказал отец Винсент, закрывая дверь. – Хотите чего-нибудь горячего? Или покрепче?

– Лучше... покрепче...

– Бренди?

– Отлично. Спасибо большое.

Кевин прошел вслед за хозяином в уютную маленькую гостиную. Два белых дивана с подушками, два стеклянных журнальных столика, большой стол в центре. В дальнем левом углу стояло деревянное кресло-качалка, а рядом торшер. Справа и слева от кресла располагались многочисленные книжные полки. Задняя стена представляла собой имитацию мраморного камина. Электрическое пламя танцевало над имитацией поленьев. Светло-голубой искусственный ковер явно не был новым, но еще не протерся.

Отец Винсент подошел к небольшому бару и налил коньяк в два больших бокала.

– Спасибо, – сказал Кевин, принимая бокал.

– Садитесь, пожалуйста. – Отец Винсент указал Кевину на диван.

Кевин расстегнул пальто и сел.

– Вам дана возможность согреться, а потом можете снять пальто, если хотите.

– Да, спасибо, – кивнул Кевин. – Это хорошо...

Он указал на бренди. Напиток сразу согрел его изнутри. Кевин закрыл глаза и расслабился.

– Похоже, вам пришлось нелегко, молодой человек, – сказал отец Винсент. Он стоял напротив Кевина и наблюдал за ним.

– Это еще слабо сказано, отец.

– К сожалению, так часто бывает, – улыбнулся священник. – Люди обращаются к священникам и психиатрам только в самом крайнем случае. Значит, вы друг Боба Маккензи?

– Не совсем друг. Я адвокат. В последнем процессе я выступал против него.

– Да?

– Отец Винсент, – сказал Кевин, решив, что нужно сразу расставить все точки над *i*, – Боб сказал мне, что вы занимаетесь изучением оккультизма.

– Да, это мое увлечение.

– И он сказал мне, что вы не только священник, но еще и практикующий психиатр.

– Честно говоря, я не очень активно занимаюсь психиатрией – лишь от случая к случаю. Полагаю, Боб сказал вам, что я уже ушел на покой и не являюсь священником.

– Да. Мне кажется, что он хотел, чтобы я обратился к вам и как к священнику, и как к психиатру.

– Понимаю. Почему бы вам не начать с самого начала? В чем ваша проблема?

– Отец Винсент, – произнес Кевин, глядя прямо в глаза священнику, – у меня есть все основания полагать, что я работаю на дьявола или адвоката дьявола. Как бы мы его ни называли, этот человек или существо обладает сверхъестественными силами. И он использует эти силы для поддержки сил зла в нашем мире. – Кевин помолчал, потом тяжело вздохнул. – Боб Маккензи рассказал мне о вашей работе. Он сказал, что вы не будете надо мной смеяться. Это так?

Кевин замолчал, внимательно наблюдая за священником. Рейбен Винсент какое-то время молчал, размышляя, потом кивнул:

– Полагаю, вы говорите в буквальном смысле?

– Абсолютно.

– Нет, я не буду смеяться. Но не смогу я и принять ваше заявление, не проверив его по собственным критериям. Вокруг так много религиозных фанатиков... Да, я верю в существование дьявола, хотя не уверен, что он принимал человеческий облик со времен грехопадения. Я думаю, что он избрал для себя свое существование, как Бог избрал свое.

Отец Винсент сложил руки и стал медленно качаться в своем кресле, не отрывая взгляда от Кевина. Он был таким маленьким и уютным, что Кевин никак не мог представить, что от него можно получить какую-то помощь в борьбе с Джоном Милтоном.

– Тем не менее, – продолжил отец Винсент, наклоняясь вперед и внимательно прищуриваясь, – дьявол всегда с нами – это несомненно. Частица его сущности живет в нашей душе, как и частица сущности Бога. Некоторые считают, что это результат грехопадения Адама и Евы. Не знаю, верна ли такая теория. Сам я считаю, что каждый человек может выбрать сторону добра или зла. Так что могу сказать прямо: я верю в дьявола и верю, что он живет в нас, поджидая удобного случая. Иногда, чтобы искушить человека, он принимает человеческий облик и завоевывает нашу симпатию и доверие. – Отец Винсент улыбнулся и откинулся на спинку кресла. – Почему вы решили, что работаете на самого дьявола?

Кевин рассказал о деле Лоис Уилсон, о своем решении заняться им, о присутствии на суде Пола Сколфилда. Потом он перешел к другим событиям, изменению характера Мириам, таинственным предостережениям Хелен Сколфилд, процессу Ротберга... И наконец он рассказал о компьютере в офисе фирмы.

Отец Винсент слушал очень внимательно, кивал, иногда закрывал глаза, словно слышал что-то хорошо знакомое. Когда Кевин закончил, священник какое-то время молчал. Он поднялся, подошел к окну, посмотрел на улицу. Отец Винсент размышлял, а Кевин терпеливо ждал. Наконец священник повернулся к нему и кивнул.

– Ваши слова кажутся мне вполне разумными. Рассказы, анекдоты, истории и философские труды давно убедили меня в том, что дьявол хранит верность своим последователям. Вы читали великое произведение о добре и зле – «Потерянный рай» английского поэта Джона Мильтона?

– Джона Мильтона?! Джон Милтон! Ну конечно же! – Кевин вскочил, усмехнулся, сел обратно и рассмеялся.

– Что смешного?

– Это вполне в его духе! Только он мог придумать такую извращенную шутку! Отец Винсент, человека, на которого я работаю, зовут Джон Милтон!

– Правда? – Глаза отца Винсента блеснули. – Это становится интересно. Я так понимаю, до этого момента вы не вспоминали об этой книге?

– Думаю, мы изучали ее в колледже, но в сокращенном варианте, для ознакомления...

– Да, прочесть эту книгу нелегко... Старинный язык, множество отсылок к мифологии, метафоры, рождающиеся из метафор. – Отец Винсент сделал в воздухе движение рукой, словно дирижер оркестра. – Но я вспомнил об этом не потому. По мнению Джона Мильтона, когда восставший против Бога Люцифер был низвергнут с небес, он сам и его последователи оказались в аду. И он ощутил жалость к своим сторонникам. Милтон описывал Люцифера как классического лидера, вы не заметили? Он обладает видением, харизмой, считает себя ответственным за судьбу своих последователей.

– Джон Милтон заботится о своих партнерах. Он обеспечивает нас всем – жильем, деньгами, медицинской страховкой...

– Да, да... Все, что вы мне рассказали, очень, очень интересно. Он знает то зло, что живет в душах людей, предсказывает и даже поощряет его. А потом, как истинный лидер, возглавляет свое войско, поддерживает и защищает.

– Каким бы ужасным ни было преступление и сколь бы виновны ни были эти люди, – добавил Кевин, словно они вместе с отцом Винсентом разгадали великую тайну.

Маленький, пухлый священник сжал губы и сцепил руки за спиной.

– Интересно... Воплотился в адвокате... Ну конечно! Все возможности... – Он покачал головой, и лицо его прояснилось. – Мне хотелось бы, чтобы вы провели ряд наблюдений. Во время...

– Нет, отец! Вы не понимаете! Я пришел к вам сегодня, потому что я в отчаянии. Я не рассказал вам еще одного. Это касается моей жены. Мне кажется, она в большой опасности. Она должна сделать аборт, но я не знаю, как заставить ее поверить в мои слова!

– Аборт!

Кевин рассказал все, что ему было известно о смерти Глории Джеффи и самоубийстве Ричарда Джеффи, потом пересказал все то, что ему поначалу казалось странными эротическими снами. Он рассказал о предостережениях Хелен Сколфилд. И потом Кевин рассказал, что Мириам беременна.

– Как только она мне сказала, я понял, что мне необходимо встретиться с вами немедленно.

– Дети дьявола... – Отец Винсент опустился в кресло, словно груз его был невыносим. – Собственные дети, его сущность... Дети без совести, способные замыслить нечто более злодейское, чем обычные люди... Гитлеры, сталины, джеки потрошители...

– Дети умные и хитрые, – добавил Кевин, желая развить сценарий отца Винсента. – Умные и хитрые, способные заставить тех, кто работает в системе, выполнять приказы дьявола.

– Да. – Во взгляде отца Винсента появилось понимание. – Не только адвокаты, но и политики, врачи, учителя... Все, как вы и говорите: люди, работающие в системе и стремящиеся разрушить человеческую душу и победить Бога.

Кевин глубоко вздохнул и откинулся на спинку дивана. Неужели ему удалось раскрыть величайший заговор всех времен? Кто он такой, чтобы быть избранным для выявления самого дьявола и защиты Бога? Но нужно защитить Мириам. Он должен победить всех дьяволов и демонов, чтобы защитить ее – ведь это он сам привез ее в этот... ад на земле. Точно так же и Ричард Джеффи когда-то привез сюда свою Глорию... Но Кевин не покончит с собой. Хелен Сколфилд говорила, что у Джеффи было два варианта. Теперь их три: присоединиться к Милтону, совершить самоубийство или уничтожить дьявола. Опасность для Мириам делала этот выбор чудовищно трудным.

– Аналогия, которую вы проводите между слабостью физического тела и слабостью души, более точна, чем вам кажется, – сказал Кевин. Он рассказал о появляющихся на теле Мириам синяках. – Я говорил ей, что это дефицит витаминов.

– Зло паразитирует на добре, питается им. Вот почему дитя зла в конце концов забирает жизнь матери.

– Именно так я и подумал, – подхватил Кевин. Он испытывал огромное облегчение оттого, что отец Винсент пришел к тем же выводам. – Но что я могу сделать?

На этих словах голос его дрогнул и перешел в шепот.

– Я не сомневаюсь в том, что вы рассказали мне, что видели и слышали, что чувствовали... Если все это правда, то у нас есть только один выход. – Отец Винсент кивал на каждом слове, словно пытаясь убедить самого себя. – Только один выход: мы должны уничтожить дьявола в том теле, которое он для себя избрал. Во-первых, – произнес пожилой священник, – вы должны провести еще два испытания, чтобы убедиться в том, что перед вами действительно Люцифер.

Отец Винсент поднялся и достал с полки старую Библию в поблекшем кожаном переплете. Но слово «Библия» ярко выделялось на переплете, словно отретушированное. Отец Винсент протянул Библию Кевину. Кевин взял книгу, ожидая объяснений.

– Дьявол не может прикоснуться к священной книге. Она обожжет ему пальцы. Слова Бога разьедают его черную душу. Он взвывает от боли.

– Но ведь он это знает. Он никогда не коснется этой книги.

– Да, поэтому я хочу, чтобы вы вручили эту книгу Джону Милтону, как... – Отец Винсент обошел комнату, заглянул в шкаф и достал коричневый бумажный пакет. – Вот. Положите Библию в пакет и вручите как подарок. Если он действительно дьявол, то, достав книгу из пакета и поняв, что перед ним, он бросит ее, словно коснулся пламени, и взвывает от боли.

– Понимаю. – Кевин осторожно положил Библию в пакет. Он держал пакет очень осторожно, словно взрывчатку. – А если так и произойдет?

Отец Винсент какое-то мгновение смотрел на него, потом снова повернулся к полкам. Он потянулся к верхней полке и вытащил золотой крест с серебряной фигурой распятого Христа. Крест был довольно большим. Отец Винсент зажал его в кулаке.

– Вытащите этот крест и постарайтесь поднести как можно ближе к его лицу. Если он действительно дьявол, то крест будет для него настоящим солнцем. Он мгновенно ослепнет, и в этот момент превратится в беспомощного старика.

– И тогда?

– И тогда... – Отец Винсент разжал кулак. Нижняя часть креста оказалась острым кинжалом. – Вонзите этот кинжал в его черное сердце. Не мешкайте, иначе вы и ваша жена погибнете навеки... Вы будете обречены на вечные муки, – добавил он.

У Кевина перехватило дыхание. Его сердце часто билось. Но он взял себя в руки и принял крест у отца Винсента. Выражение лица Христа на этом распятии поразило Кевина. Это было выражение гнева, а не прощения. Христос был солдатом Бога. Крест оказался очень тяжелым, а кинжал очень острым.

– Когда вы вонзите кинжал в его сердце, он падет.

– А моя жена и этот... ребенок?

– Когда дьявол погибает в одной из своих человеческих ипостасей, потомство погибает вместе с ним. Выкидыш произойдет естественным образом. – Отец Винсент поднялся. – Так вы спасете свою жену. Но без этих двух испытаний ничего не предпринимайте, – предостерег священник. – Если что-то пойдет не так, возвращайтесь, и мы поговорим. Вы меня поняли?

– Да, – кивнул Кевин. – Спасибо.

Он поднялся, взял пакет с Библией, золотой крест-кинжал засунул за пояс.

Отец Винсент кивнул.

– Хорошо. Идите же, и пусть Бог защитит вас, сын мой. – Он положил руку на плечо Кевина и прочел молитву.

– Спасибо, отец, – прошептал Кевин.

Когда он приехал, в доме было тише обычного. Даже ночного охранника Лоусона нигде не было видно. Кевин подъехал к воротам, нажал на брелок, ворота открылись, и он въехал в гараж. Вокруг царила мертвая тишина. Звук захлопнутой дверцы эхом раскатился по тускло освещенному гаражу и затих.

Кевин заметил, что машины партнеров стоят на своих местах. В глубине гаража виднелся служебный лимузин. Кевин впервые заметил дверь – наверное, это квартира Харона. Харон... Только сейчас он задумался и над этим именем. Не тот ли это мифологический персонаж, который перевозил души умерших в Гадес? Это имя явно было еще одной шуткой Джона Милтона. Только его Харон увозил их все глубже и глубже в ад. «Ловко он над нами подшутил», – подумал Кевин.

Кевин вошел в лифт. Сначала он поднимется к Мириам и расскажет ей все. Он заставит ее понять опасность, заставит силой, если другого выхода не будет. Он может даже позвонить отцу Винсенту, чтобы с ней поговорил он. Но, придя в квартиру, он понял, что Мириам уже ушла. Она оставила ему записку на кухне: «Совсем забыла: сегодня мы с девочками идем на балет. Меня не жди. Мы, наверное, поужинаем где-нибудь после спектакля. В холодильнике замороженная лазанья, разогрей в микроволновке – на коробке все написано. Люблю, Мириам».

«Она сошла с ума? – подумал он. – После всего, что я ей сказал, после того, как я ушел из дома, она просто пошла в театр, не став меня дожидаться!»

Он понял, что ее не спасти. Бессмысленно разговаривать с ней. Теперь все в его руках. Взгляд Кевина упал на небольшой столик на кухне. Вот он, подарок судьбы – золотой ключ! Он сможет встретиться с Джоном Милтоном лицом к лицу – и положить всему этому конец. Он схватил ключ, Библию в бумажном пакете, золотой крест-кинжал и выскочил из квартиры.

В лифте он вставил золотой ключ и нажал кнопку «П» – пентхаус. Двери закрылись, лифт стал подниматься. Кевину казалось, что он возносится из адских глубин. Он должен был спасти свою душу и жизнь своей жены.

Двери открылись медленно, гораздо медленнее, чем на любом другом этаже. Большая гостиная была слабо освещена. Потолочные светильники не горели, большинство ламп

тоже. На рояле стоял канделябр с зажженными свечами. Крохотные язычки пламени отбрасывали странные тени на дальнюю стену. От легкого ветерка пламя свечей мерцало, и казалось, что силуэты дрожат.

Играла тихая музыка – фортепианная пьеса, которая показалась Кевину смутно знакомой. Через несколько секунд он понял – именно эту вещь Мириам играла на вечеринке у Джона Милтона. Он буквально увидел, как она сидит за роялем и играет...

Кевин вышел из лифта и остановился, прислушиваясь. Сначала он ничего не услышал, а потом словно из ниоткуда материализовался Джон Милтон. Он сидел на большом угловом диване, потягивая вино. На нем был бархатный смокинг цвета красного вина.

– О, Кевин, – произнес он. – Какой приятный сюрприз! Входите, входите... А я тут отдыхаю. Кстати, я как раз думал о вас.

– Обо мне?

– Да. Я знаю, вы сегодня взяли выходной. Ну как, отдохнули? Почувствовали себя лучше?

– В некотором роде...

– Хорошо. Еще раз поздравляю с блестящей защитой.

– Мне не пришлось особо напрягаться, – сказал Кевин, делая шаг вперед. – Все решилось, когда вы прислали ту записку.

– Ах да, записка... Все еще размышляете об этом?

– Нет.

– Нет? Прекрасно. Как говорил мой дед, дареному коню в зубы не смотрят.

– Господи боже!

– Что?

– Так говорил мой дед!

– Правда? – Улыбка Джона Милтона стала шире. – Наверное, все старики говорят нечто подобное. А когда дедом станете вы, то тоже будете говорить это. – Джон Милтон поставил бокал на стол. – Входите же. Вы стоите в дверях, словно посыльный. Хотите вина?

Он поднял бокал, и в огне свечей красное вино заиграло еще ярче.

– Нет. Спасибо.

– Нет? – Милтон сел и внимательно посмотрел на Кевина. – А что это у вас под мышкой?

– Подарок для вас.

– Да? Очень любезно. А по какому поводу?

– В знак благодарности за все, что вы сделали для нас с Мириам.

– Я уже получил свой подарок – ваше блестящее выступление в суде.

– И все же мне хотелось преподнести вам этот небольшой знак нашей... признательности.

Кевин подошел совсем близко. Он медленно протянул коричневый пакет Джону Милтону.

– Похоже, это книга?

Кевин рукой нащупал золотой крест под пиджаком.

– Да, вы угадали. Это лучшая книга.

– Правда? Что ж, спасибо...

Джон Милтон вытащил книгу из пакета. Увидев слово «Библия» на переплете, Джон Милтон завыл, как и предсказывал отец Винсент. Его глаза налились кровью. Он кричал, словно в руках его было пылающее пламя, раскаленный уголь. Библия упала на пол. Кевин выхватил крест и поднес распятие к лицу Джона Милтона. Лик разгневанного Христа оказался прямо перед его глазами. Милтон снова закричал. Он попытался прикрыть глаза руками и рухнул на диван. Кевин схватил распятие, как кинжал, и мгновенно вонзил лезвие

в сердце Джона Милтона. Кинжал пронзил одежду и плоть с поразительной быстротой и точностью, словно раскаленный нож прошел через мягкое мороженое. Кровь хлынула из раны на руки Кевина. Но он продолжал удерживать кинжал, вонзая его все глубже.

Джон Милтон так и не опустил рук. Он завалился на спину и умер на роскошном диване, все еще закрывая глаза руками, чтобы не видеть света. Кевин отступил назад. Распятие вонзилось в грудь Джона Милтона, но лицо Христа изменилось. Кевин увидел на серебряном лице удовлетворение.

Кевин стоял и смотрел на тело. Его била крупная дрожь. Но потом все прошло. Он спас свою душу и жизнь своей жены. Кевин подошел к телефону, чтобы позвонить отцу Винсенту. Гудки, гудки, гудки... Наконец старый священник снял трубку.

– Это я, – сказал Кевин. – Я в его квартире. Все произошло так, как вы и предсказывали.

– Простите?

– Я сделал это, отец. Он не смог прикоснуться к Библии и завыл, когда она оказалась в его руках. Я показал ему распятие, и он ослеп. И тогда я вонзил кинжал в его сердце, как вы и велели.

На другом конце воцарилось молчание.

– Именно это я и должен был сделать... Да?

– Да, мой мальчик, – как-то тускло рассмеялся отец Винсент. – Именно это ты и должен был сделать. Больше ничего не делай. Оставайся там. Я позвоню в полицию.

– В полицию?

– Просто жди, – повторил священник и повесил трубку.

Какое-то время Кевин сжимал трубку в руке, слушая частые гудки, потом медленно положил ее.

Он посмотрел на диван, где лежало тело Джона Милтона. Что-то изменилось. Он медленно подошел к дивану и устоял на труп. Сердце его часто забилося, холодок пробежал по спине. Кевину показалось, что он входит в ледяную воду.

Джон Милтон был мертв. Кинжал торчал из его груди.

Но он больше не закрывал глаза руками!

И он улыбался!

Глава 15

– Это лучшие адвокаты, Кевин, – умоляла мужа Мириам. – Почему ты не хочешь прислушаться к голосу рассудка? Ты должен быть благодарен за то, что они готовы это сделать, учитывая то, что ты совершил. Я поражена тем, что в них нет ненависти к нам.

Кевин не ответил. Он сидел в комнате для посетителей и смотрел прямо перед собой. Его разум никак не мог осознать происходящее. Он сошел с ума? Может быть, именно так и сходят с ума?

Приехала полиция, за ней приехали партнеры, потом Мириам с девушками. Кевин никому не сказал ни слова – он не стал разговаривать даже с женой. У Мириам началась истерика, и Норма и Джин принялись ее успокаивать. Партнеры решили, что он поступает разумно, отказываясь говорить без присутствия адвоката. Но как ни умоляла Кевина Мириам, он и им не сказал ни слова. Как бы ни притворялись партнеры заботливыми и внимательными, он чувствовал, что они его ненавидят. Но ему было понятно, почему Мириам не замечает этого. Она такая хрупкая и ранимая, подумал Кевин, глядя на жену.

Она все еще была беременна. Мгновенного выкидыша не произошло, но это еще случится. Ведь случилось все так, как предсказывал отец Винсент. И эта мысль вернула его на землю. Он внимательнее взгляделся в лицо жены.

Мириам не выглядела больной или страдающей от боли. Она плакала, макияж ее растекаясь от слез, но физического дискомфорта она явно не ощущала. Даже та бледность, которую он замечал в последнее время, исчезла. Она выглядела как здоровая беременная женщина, расцветшая благодаря беременности. Возможно, дьявольский плод погибает, теряет власть над ней и перестает лишать ее жизненных сил. В Кевине проснулась надежда.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Ужасно! Почему ты спрашиваешь? Как ты можешь спрашивать об этом сейчас?

– Я не о том... Я спрашиваю, как ты физически себя чувствуешь?.. Твоя беременность... Синяки...

– Нет, со мной все в порядке, – ответила она. – Я была у врача, и он сказал, что все хорошо.

Мириам покачала головой.

Кевин смотрел на нее, всматривался в глаза, пытался прочесть выражение ее лица. Она показалась ему совершенно другой. Он чувствовал, что близость между ними исчезла. Они больше не были половинками единого целого. Она стала чужой. В ее глазах больше не было той теплоты, которую он так любил когда-то. Казалось, в ее теле поселился кто-то иной... А потом он вспомнил – это ребенок! Это он лишает ее сил, теплоты, любви к нему!

Врач был одним из них. Может быть, это он сохранил жизнь ребенку?

– Я не хочу, чтобы ты ходила к их врачу, Мириам, – произнес он. – Прекрати ходить к нему!

– Господи боже, Кевин! Я и не понимала, насколько ты безумен!

– Я не сошел с ума, Мириам. Ты поймешь, что я не безумец.

Она села и уставилась на него. На ее лице не было и тени сочувствия или жалости. Он чувствовал ее отвращение и злость.

– Кевин, почему ты это сделал? Почему ты убил именно мистера Милтона?

Охранник, стоявший у дверей, поднял брови, взглянул на них, а потом притворился, что его заинтересовало что-то другое.

– Ты не поверила мне, когда я сказал тебе, так что не поверишь и сейчас. Но на суде все прояснится.

– На суде? – Мириам презрительно хмыкнула.

Ее взгляды и поведение – все это было не ее. Что-то разъело ее, овладело ею, как некогда овладело Глорией Джеффи.

– Какого суда ты ждешь? Ты признался в убийстве и не позволил Полу, Теду или Дейву защищать тебя, хотя они – лучшие адвокаты в городе, а то и во всей стране!

– Я все выяснил и обратился к адвокату.

– И кто это?

– Он мало известен, небогат, но самое главное: он – не один из них!

«Пока, – подумал Кевин. – Если я проиграю, он может стать одним из них!»

– Но, Кевин, разумно ли это?

– Абсолютно разумно. Только так у меня будет шанс сказать правду.

– Пол говорит, что тебе необходимо пройти психиатрическую экспертизу. Обвинение будет настаивать на умышленном убийстве. Пол считает, что психиатры, назначенные обвинением, наверняка поддержат эту точку зрения. Ты должен быть готовым. Пол говорит, что они не позволят адвокату использовать эту линию защиты, хотя это твоя единственная надежда.

– Он и должен так говорить. Наверняка он уже порекомендовал тебе хорошего психиатра?

– Да, конечно. Он предложил нескольких специалистов. Фирма к ним уже обращалась.

Кевин подумал, что она шутит. Мириам становилась одной из них. Бесплезно разговаривать с ней, пока все не кончится.

– Эти специалисты мгновенно объявят меня сумасшедшим. Они на это и рассчитывают. Меня сочтут безумцем, и истина будет похоронена навсегда. Как ты этого не понимаешь?! – Кевин наклонился вперед, стараясь не привлекать внимания охранника. – Но у них ничего не выйдет. Мы не будем настаивать на психиатрической экспертизе. Ни за что!

Кевин так сильно ударил по столу, что Мириам подпрыгнула на стуле. Она издала какой-то невнятный писк, прижала руку к губам. Ее стеклянные глаза увлажнились. Она покачала головой.

– Все просто в ужасе: твои родители, мои, партнеры, Норма, Джин...

– А Хелен? – Кевин странно улыбнулся. – Ты не сказала о Хелен... Или ты хочешь забыть о Хелен Сколфилд, как все остальные?

– Я не забыла о ней, и остальные тоже. Это она во всем виновата! Но она больна и не может отвечать за свои слова и действия. – Мириам открыла сумочку, достала платок и промокнула щеки. Потом она достала маленькое зеркальце и начала поправлять макияж. – Слава богу, ей лучше.

– Лучше? – вздрогнул Кевин. – Что ты хочешь сказать? Она умерла?

– Ты сошел с ума, Кевин! Ей действительно лучше. Лечение ей помогло. Она вышла из коматозного состояния, хорошо ест и разумно общается. Пол надеется, что через неделю ее можно будет забрать домой, если все будет хорошо.

– Домой? Она никогда не вернется в этот дом!

– Она каждый день просит, чтобы ее забрали домой, Кевин. Норма и Джин ее навещали. Они сказали, что она изменилась – это просто чудо!

– Даже так?

– Вот почему я хочу, чтобы ты прошел психиатрическую экспертизу и лечение и...

– Нет! – Кевин поднялся и покачал головой.

– Кевин...

– Мириам, тебе лучше уйти. Я устал, и мне нужно подготовиться к первой встрече с адвокатом. Если с тобой что-то случится, дай мне знать. Все должно произойти скоро.

– Случится? Что должно случиться?

– Ты поймешь, – пробормотал он с надеждой. – Ты поймешь...

Он повернулся и пошел в свою камеру.

Как странно, думал Кевин. Почему Хелен Сколфилд стало лучше? Почему она хочет вернуться, зная все то, что ей известно? Может быть, в психиатрической больнице с ней что-то сделали? Может быть, она потеряла память? Может быть, ей сделали лоботомию? Точно, лоботомию!

И почему Мириам все еще беременна? Отец Винсент сказал, что, когда дьявол в своей человеческой ипостаси погибает, погибает и его потомство. Почему же так долго? Отец Винсент не говорил, что врач фирмы сможет остановить этот процесс. Может быть, он не знал? Он должен был сказать. И почему он не пришел навестить меня? Почему вызвал полицию? А вдруг все это части одного целого?

Ему требовалось во многом разобраться... во многом... Ему следовало все обдумать, спланировать, организовать. Нужно продумать собственную защиту. Важно показать, что он убил Милтона в порядке самообороны. Это дело станет пиком его карьеры. Он один, без помощи адвоката, докажет людям, что спас человечество, убив дьявола.

– Нам нужен ордер на доступ к компьютерным файлам в офисе, – бормотал он. – И еще Беверли Морган.

А потом Маккензи расскажет о своем разговоре с ним... И еще отец Винсент... Он священник, авторитетный человек... Он психиатр, который верит в существование дьявола...

– Все будет хорошо, – бормотал он. – Со мной все в порядке... Все будет хорошо...

– Само собой, – произнес шедший позади охранник. – Теперь ты в наших руках, и все будет хорошо.

Кевин не обратил на эти слова внимания. Как только дверь камеры захлопнулась за ним, он уселся на кровать и начал судорожно черкать в своем длинном желтом адвокатском блокноте.

Адвоката Кевина звали Уильям Самсон. Ему было всего 27 лет, и более всего он походил на молодого Ван Джонсона – свежее, чистое, типично американское лицо. Самсон поверить не мог в свою удачу. Ему досталось колоссальное дело, о котором будут писать все газеты. До этого он лишь раз занимался уголовным делом – защищал 19-летнего студента, которого обвиняли в вооруженном грабеже винного магазина близ кампуса. На воре была лыжная маска. Полиция, действуя по наводке, нашла такую маску в комнате студента, где не было ничего, что говорило бы об увлечениях лыжами. Студент вообще не занимался лыжами. Под описание преступника он подходил, и у него были серьезные долги из-за увлечения азартными играми. Но все же полной уверенности не было, поскольку полиция не нашла оружия, а подружка студента заявила, что в тот момент он находился с ней.

Самсон знал, что она лжет. Вряд ли она выдержит перекрестный допрос. Когда он объяснил ей ответственность за лжесвидетельство и сказал, что прокурор уже работает над тем, чтобы опровергнуть или дискредитировать ее показания, она занервничала. За день до начала процесса Самсон посоветовал своему клиенту заключить сделку с правосудием и отправился к прокурору для переговоров. Ему удалось убедить окружного прокурора отозвать обвинение в вооруженном грабеже, заменив его обычным ограблением. Поскольку у клиента ранее не было проблем с правосудием, обвинение ограничилось требованиями шести месяцев тюрьмы и пяти лет условно.

Кевин не вникал в подробности этого дела. Ему было все равно. Он считал, что ему необходим человек, способный вести уголовный процесс и не подверженный влиянию дьявола. На первой встрече с адвокатом Кевин объяснил, почему хочет настаивать на самообороне. Самсон слушал и делал пометки. Но чем дольше говорил Кевин, тем больше адвокат мрачнел. Он понял, что его клиент – безумец, страдающий истерической паранойей, и очень осторожно порекомендовал психиатрическую экспертизу.

– Это именно то, чего от меня хотят, – отказался Кевин. – Им нужно объявить меня сумасшедшим, чтобы никто не воспринял всерьез мои доказательства и моих свидетелей.

– Тогда я не в состоянии защищать вас, – заявил Уильям Самсон. – Никто не поверит вашим мотивам. Ваша история совершенно невероятна. Я не понимаю, мистер Тейлор, как вас защищать в таких обстоятельствах.

Реакция Самсона расстроила Кевина, но в то же время произвела впечатление. Уильям Самсон оказался толковым молодым адвокатом. Для своих клиентов он старался сделать все, что было в его силах, но и его сковывала система. Именно таким адвокатом в свое время хотел стать Кевин. Это давало ему надежду и возвращало веру в себя и свои действия.

– Тогда я буду защищать себя сам, – сказал он. – Но все же приходите на процесс. Возможно, вы будете удивлены.

Уильям Самсон с удивлением узнал, что психиатры, вызванные прокурором, пришли к выводу, что Кевин Тейлор отнюдь не безумен. Психиатры определили, что в момент убийства Джона Милтона он прекрасно понимал, что совершает преступление, а теперь пытается замаскировать истинные мотивы этого поступка безумными историями о сатане и его последователях.

Прочитав отчет психиатров, Кевин подумал, что ему впервые повезло. Теперь он сможет доказать свою правоту. Люди прислушаются и дадут ему возможность. Если он сумел убедить такого религиозного и ученого человека, как отец Винсент, уж двенадцать-то обычных граждан ему удастся убедить. Кевин был абсолютно убежден в том, что, рассмотрев доказательства и выслушав показания его свидетелей, они поймут, что он убил Джона Милтона в порядке самообороны. Если бы психиатры обвинения признали его безумцем, он не смог бы вызывать свидетелей и допрашивать их самостоятельно.

Но все его надежды рухнули.

Он получил ордер на анализ содержимого компьютера фирмы «Джон Милтон и партнеры», но папки «Будущие», которая была ему так необходима, там не оказалось. Кевин заявил, что ему показали не все. В сопровождении назначенных судом приставов он сам отправился в офис и попытался вытащить файлы из компьютера, но безуспешно. Папка исчезла. Ее не было даже в меню.

– Папку удалили! – заявил он. – Я должен был догадаться, что так и будет!

Конечно, ему никто не поверил, но Кевин решил, что сумеет обойтись и без этого.

В день начала процесса от обвинения выступил Тодд Ланген. Этот помощник окружного прокурора был ненамного старше Боба Маккензи, но выглядел гораздо импозантнее. Ланген напомнил Кевину самого себя – он обладал той же уверенностью, граничащей с высокомерием. Прокурор заявил, что перед ними очень простое дело: муж решил, что у его жены роман с другим мужчиной, от которого она и забеременела, и убил предполагаемого любовника. После того как Кевин совершил хладнокровное убийство, он придумал невообразимую историю в надежде на то, что его признают невменяемым. Отсюда и безумные утверждения о том, что он убил Джона Милтона в порядке самообороны. А собственных психиатров Кевин Тейлор приглашать отказался, дескать потому, что любой компетентный в области психиатрии специалист сразу распознает в нем симулянта.

Прокурор вызвал Норму и Джин. Обе показали, что Мириам часто рассказывала им о ревности Кевина к Джону Милтону. И когда Мириам объявила о своей беременности, он потребовал, чтобы она сделала аборт, обвинив ее в связи с Джоном Милтоном и заявив, что ребенок не от него. Норма и Джин говорили о том, как расстроена была Мириам. Они заявили, что Мириам стала бояться собственного мужа.

При перекрестном допросе Кевин пытался заставить обеих рассказать о Глории и Ричарде Джеффи, но их показания ничем ему не помогли. Тогда он перешел к Хелен Сколфилд и к тому, о чем она ему говорила. Обе женщины заявили, что им Хелен никогда не

говорила ничего подобного. После этого вопросы Джин стал задавать Ланген, и выяснилось, что Хелен все еще находится в психиатрической лечебнице.

– Даже если она и говорила нечто подобное, то человек в здравом уме вряд ли мог воспринять ее слова всерьез, – сделал вывод прокурор. – И мистер Тейлор, блестящий молодой адвокат, который только что выиграл в суде сложное дело, конечно же, должен был это понимать.

Затем вызвали Пола, Дейва и Теда. Все они говорили о замечательном характере Джона Милтона, его доброте и благотворительности. Они говорили о том, как Джон Милтон уважал закон, как тепло и с любовью он относился к партнерам и их семьям. Они подчеркивали, что фирма стала для них второй семьей. Все категорически отрицали, что Джон Милтон мог быть бабником и иметь какие-то виды на их жен. Все трое заявили, что Кевин не смог понять характера компании и неверно истолковал намерения Джона Милтона. Кевин заявил, что не видит смысла в перекрестном допросе, поскольку партнеры будут лгать – и присяга им в этом не помеха. Они – сыновья Джона Милтона, сыновья дьявола. После этих слов в зале поднялся шум, и судья застучал молоточком, призывая всех к порядку.

Затем обвинение представило вещественное доказательство – крест-кинжал. Хотя Кевин не отрицал, что убил Джона Милтона этим орудием, был приглашен судебный эксперт, который подтвердил, что на кинжале были отпечатки пальцев подсудимого. Кевина арестовали на месте преступления. Полицейские, вызванные в суд, заявили, что руки Кевина были в крови, и он не отрицал, что убил мистера Милтона, хотя и отказался отвечать на другие вопросы.

На этом Ланген, уверенный в успехе, прекратил вызывать свидетелей обвинения.

Кевин хотел сам изложить свою историю, но все же решил сначала подкрепить ее свидетельствами. Начать он хотел с Беверли Морган. Но она не смогла явиться в суд – Беверли Морган впала в кому после острого алкогольного отравления. Лечащий врач заявил, что положение очень серьезное и практически безнадежное.

Поскольку процесс вел другой помощник окружного прокурора, Тодд Ланген, Кевин смог вызвать в качестве свидетеля Боба Маккензи. Но воспоминания Боба об их последней встрече весьма отличались от тех, что сохранились у Кевина. Маккензи признал, что у Кевина были сомнения относительно методов работы фирмы Джона Милтона. Кевин утверждал, что фирма готова пойти на все, чтобы добиться оправдания клиента, сколь бы виновным он ни был. К прокурору Кевин обратился, чтобы дискредитировать фирму.

– Но мне стало ясно, – добавил Маккензи, – что основной его мотив – месть. Он считал, что у его жены роман с Джоном Милтоном.

Кевин ушам своим не поверил.

– Вы лжете! Я никогда не говорил ничего подобного! – воскликнул он.

Ланген тут же заявил протест, и судья его поддержал:

– Либо вы продолжаете задавать вопросы свидетелю, либо мы его отпускаем.

– Но он лжет, ваша честь!

– Это будут решать присяжные. У вас есть еще вопросы к мистеру Маккензи?

– Да. Вы рекомендовали мне обратиться к отцу Рейбену Винсенту?

– Да, – подтвердил Маккензи.

– Хорошо. А теперь объясните суду, почему вы дали мне такой совет.

– Потому что считал, что он может вам помочь. Он – лицензированный психиатр. Он мог проконсультировать вас и помочь вам найти другие способы разобраться со своей ревностью.

– Что?!

Маккензи выдержал взгляд Кевина, не отведя глаз.

Кевин оглянулся и увидел в зале Пола Сколфилда, Теда Маккарти и Дейва Котейна. Ему показалось, что они самодовольно улыбаются. Рядом с ними сидели Норма, Джин и Мириам. Норма и Джин утешали Мириам. Мириам показалась Кевину такой же печальной, как и во время дела Лоис Уилсон. Она вытирала слезы со щек тыльной стороной руки.

На мгновение ему показалось, что он снова ведет то дело. Вот сейчас он будет допрашивать девочку. У него есть выбор – делать это или нет. Может быть, он действительно там? Может быть, все это было сном? Может быть, время можно обратить вспять?

Судья вернул его к реальности:

– Мистер Тейлор?

Кевин посмотрел на Маккензи. На губах прокурора играла та же усмешка, что и на лицах партнеров. «Ну разумеется, – подумал Кевин. – Конечно...»

– Я должен был понять! – рассмеялся он. – Мне сразу нужно было понять! Какой же я идиот! Я был идеальной жертвой, полным идиотом! Верно?

Маккензи скрестил ноги и взглянул на судью, словно ища поддержки.

– Мистер Тейлор? – произнес судья.

– Ваша честь. – Кевин подошел к свидетельскому месту, указывая на Маккензи. – Мистер Маккензи был частью всего этого... Проигранные им дела... Заключенные им сделки...

– Возражаю, ваша честь, – вскочил Ланген.

– Протест принят. Мистер Тейлор, я уже предупреждал вас о неуместности подобных заявлений. Приберегите их для последнего слова, иначе я обвиню вас в неуважении к суду.

Кевин остановился и посмотрел на присяжных. Они были смущены и растеряны. На лицах некоторых из них он прочел отвращение. Кевин кивнул. Его охватило ощущение неизбежного поражения. Но отец Винсент... Он же священник... Он оставался последней его надеждой.

Кевин вызвал своего последнего свидетеля.

В двубортном костюме и рубашке с галстуком маленький священник выглядел очень представительно – но, скорее, как психиатр, чем как служитель церкви.

– Отец Винсент, не могли бы вы сообщить суду содержание нашей беседы относительно Джона Милтона?

– Боюсь, я должен отклонить эту просьбу, поскольку не могу нарушить врачебную тайну.

– Нет-нет, отец, вы можете рассказать все. У меня нет возражений.

Отец Винсент взглянул на судью.

– Это его право, – подтвердил судья. – Продолжайте свои показания.

Отец Винсент покачал головой.

– Что ж, хорошо. – Он повернулся к присяжным. – Мистер Тейлор пришел ко мне по совету Боба Маккензи. Мне достаточно было одного разговора, чтобы почувствовать гнев и смутение этого человека. Он сообщил мне о своем желании убить мистера Джона Милтона, потому что ему казалось, что его жена беременна от мистера Милтона. Свое желание он оправдывал тем, что мистер Милтон – злодей, сущий дьявол во плоти. Я пытался воззвать к его здравому смыслу, пытался разъяснить ему природу его чувств, надеясь, что он сумеет справиться со своим гневом. Нам следовало бы еще поработать вместе. Но тем же вечером мистер Тейлор позвонил и сказал, что убил Джона Милтона. У него была истерика, но, как мне показалось, он вполне сознавал свои действия.

– Меня не интересует этот психиатрический бред, – оборвал его Кевин. – Я обратился к вам как к священнику, как к специалисту по оккультизму и деяниям дьявола. Вы не будете отрицать, что являетесь специалистом в этой области? Разве вы не проводили научных исследований в этой сфере?

– Научные исследования деяний дьявола? Конечно нет.

– Но... разве вы не дали мне Библию, чтобы я вручил ее мистеру Милтону и смог убедиться, является ли он дьяволом?

Вместо ответа отец Винсент просто улыбнулся. Кевин буквально навис над ним.

– И это не вы дали мне крест-кинжал?

Отец Винсент посмотрел на Кевина и снова повернулся к присяжным.

– Конечно нет. Эти заявления мне кажутся столь же фантастичными, как и всем вам.

Кевин покраснел. Он снова повернулся к партнерам. Их улыбки стали еще шире и самодовольнее. Норма и Джин продолжали утешать Мириам. Он посмотрел на Боба Маккензи. Тот откровенно смеялся.

– Даже священник! Даже священник! – возопил Кевин, воздевая руки к небу. – Вы тоже один из его сынов? – повернулся он к отцу Винсенту. – И вы? – Он повернулся к залу. – Сколько вас здесь?

– Мистер Тейлор! – Судья решительно стукнул молоточком.

Кевин повернулся к судье и ткнул в него пальцем.

– И вы тоже! Вы все – его исчадия! Разве вы не видите, что все они – его сыновья? – в отчаянии крикнул он присяжным.

Кевина уняли судебные приставы, и к перекрестному допросу отца Винсента приступил прокурор.

Ланген предъявил священнику Библию.

– Эта Библия была обнаружена у ног Джона Милтона. Вы уже заявили, что не давали ее мистеру Тейлору для проведения некоего ритуала выявления дьявола, не так ли?

– Да.

Ланген открыл Библию.

– Не могли бы вы прочесть присяжным, что здесь написано? – он передал Библию отцу Винсенту.

– «Джону. Возможно, это принесет вам утешение в час нужды. Ваш друг, кардинал Томас».

– Полное опровержение этой безумной истории, – произнес Ланген, кладя Библию на стол вещественных доказательств.

Больше свидетелей у Кевина не было. Ему нечего было сказать в свою защиту. Но прокурор вызвал Пола Сколфилда, Дейва Котейна и Теда Маккарти, и все они показали, что видели крест-кинжал в квартире Джона Милтона. Он привез его из Европы, где проводил отпуск. Все подтвердили, что Милтон очень дорожил этим сувениром.

– Отец Винсент никак не мог вручить эту вещь Кевину, чтобы тот поразил дьявола, – заявил Пол Сколфилд.

В заключительном слове Ланген заявил, что Кевин Тейлор, будучи успешным адвокатом по уголовным делам, совершил хладнокровное, заранее подготовленное убийство, а потом придумал чудовищную историю про дьявола, чтобы присяжные признали его невменяемым, что позволило бы ему уйти от наказания.

– Мистер Тейлор опытный адвокат, – заключил Ланген. – Он попытался использовать те же хитроумные уловки, что и при защите своих клиентов. Но этих присяжных ему не сбить с пути истинного. – Он указал на Кевина. – Кевин Тейлор виновен в убийстве талантливого светского пожилого человека, совершенном в приступе безумной ревности. На этот раз хитроумному адвокату не удастся манипулировать истиной.

Присяжные согласились с прокурором. Кевин был признан в убийстве первой степени и приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Эпилог

Он двигался как во сне. Поначалу никто его не беспокоил. С ним почти никто не разговаривал. Кевин думал, что стал невидимым или вообще находится где-то в другом месте, а не в тюрьме самого строгого режима в Нью-Йорке.

Мириам пришла навестить его на третий день. Но во время свидания они просто смотрели друг на друга. Казалось, что она находится в тысяче миль от него. Когда она говорила, Кевин не разбирал половины ее слов – словно в телевизионной передаче с помехами.

Вспоминая их разговор, он припоминал лишь обрывки фраз: «Твои родители вместе с моими... Я пыталась играть на рояле... Хелен вернулась».

А в конце она сказала:

– Разве это не чудесно, что Джон Милтон создал трастовый фонд для нашего ребенка? То же самое он сделал для ребенка Джеффи. И есть фонды для Теда с Джин и Дейва с Нормой. Пол и Хелен собираются усыновить ребенка.

Ну конечно, она все еще беременна. А почему бы и нет? Теперь Кевину все стало ясно. Он понял, что для Мириам слишком поздно.

– Я не хочу, чтобы мои родители общались с этим ребенком.

– Общались? – смущенно улыбнулась Мириам. – С каким ребенком, Кевин?

– С его ребенком!

– О нет, только не начинай снова. – Она покачала головой. – Я так надеялась, что ты перестанешь говорить об этом, когда все закончится.

– Все закончилось. Повторяю, я не хочу, чтобы мои родители общались с этим ребенком.

– Хорошо, они не будут. – Мириам не сумела скрыть своего раздражения. – Да и зачем им?

– Они не должны. И твои тоже.

– Я сама воспитаю нашего ребенка.

Кевин покачал головой.

– Я пытался, Мириам. Все, что я сделал, я сделал только ради тебя. Я хотел тебя спасти. В последний момент перед самым концом ты это поймешь. И ты вспомнишь меня. И если у тебя еще будут силы, ты позовешь меня по имени. Я услышу тебя, но уже ничего не смогу сделать.

– Я не могу больше этого выносить, Кевин. Мне и без того было трудно сюда прийти, но выносить этот разговор я больше не могу. Если ты не прекратишь, я больше не приду. Ты это понимаешь?

– Это уже не важно. Слишком поздно, – повторил он.

Мириам вскочила.

– Я ухожу! Если захочешь, чтобы я вернулась, напиши. И пообещай, что больше не будешь говорить об этом, когда я вернусь. – Она направилась к двери.

– Мириам!

Она обернулась.

– Спроси у них, где картина Хелен. И посмотри на нее, если ее еще не уничтожили. Посмотри на нее внимательно.

– Ее не уничтожили – ее продали. Картину купил Боб Маккензи. Он любит такие вещи.

Кевин рассмеялся. Смех его был таким безумным, что Мириам буквально метнулась к выходу.

Кевин постоянно думал над тем, что произошло. Как получилось, что он сам стал орудием достижения их цели? Он узнал, кто такой Джон Милтон и чем занимается фирма. Что он мог сделать с этой информацией? Передать ее Маккензи, а если тот не захотел бы действовать, то обратиться к другому помощнику окружного прокурора или к самому прокурору? Но как было понять, кто уже связан с дьяволом, а кто нет? Он не мог заставить Мириам сделать аборт. Она не верила в то, что он ей говорил. Даже если бы он увез ее, ребенок все равно убил бы ее. Джон Милтон все равно получил бы своего ребенка.

Никто не поверил бы тому, что он узнал. И он никак не мог остановить это безумие. Почему же они заставили его убить Джона Милтона?

Ответ Кевин получил через несколько дней. Он сидел в столовой, механически пережевывая свою пищу, полностью отключившись от всего происходящего вокруг.

Неожиданно он почувствовал чье-то присутствие рядом. Двое сели слева и справа от него, а еще двое позади. Он смутно припомнил, что уже видел тех, кто стоял сзади него, прежде. Но это было неважно. Он видел, что все они смотрят на него с похотливыми усмешками. Кевин быстро отвернулся. Он не смог бы отличить их от остальных заключенных. Все эти лица сливались перед его глазами в нечто неразличимое.

– Ну, здравствуй, – сказал тот, что сидел справа, обнажив в похотливой улыбке зеленовато-желтые зубы.

– Скучаешь? – поинтересовался сидевший слева и положил правую руку на левое бедро Кевина.

Он рванулся, но тот, что стоял позади, прижал его коленом. Кевин почувствовал, что у этого типа эрекция, и содрогнулся от отвращения. Сидевший слева еще сильнее сжал его бедро. Кевин хотел закричать, но заключенные, которые собрались позади него и прямо перед ним, не давали никому прийти ему на помощь.

Неожиданно заключенные расступились, а те, что сидели рядом с ним, отодвинулись подальше. К столу подошел высокий, мускулистый чернокожий и сел рядом. Под тюремной робой бугрились могучие мышцы, столь же впечатляющей была мускулатура шеи. Он казался неуязвимым и могучим – человек, вылепленный системой, ею закаленный и сформированный. У него были яркие черные глаза с чистыми, как свежее молоко, белками. Он улыбнулся, и остальные заключенные тоже заулыбались. Все смотрели на него. Казалось, он питает их энергией, жизненной силой.

– Здравствуйте, мистер Тейлор, – сказал чернокожий. Кевин кивнул. – Мы вас ждали.

– Меня? – Голос Кевина дрогнул. Улыбки на лицах заключенных стали шире.

– Ну или кого-то вроде вас.

– Да? – Кевин переводил взгляд с одного заключенного на другого. Значит, он будет переходить из рук в руки, как последняя шлюха.

– Нет-нет, мистер Тейлор, – сказал чернокожий. – Вы неправильно поняли. Вы здесь не для этого. Это они могут получить в любое время от любого другого, – добавил он, и тот, что сидел слева, сразу же снял руку с бедра Кевина.

Оба заключенных отодвинулись так, чтобы больше не касаться Кевина. Отошел и тот, что стоял сзади. Кевин вздохнул с облегчением.

– Нет, нет, вы для нас гораздо важнее, мистер Тейлор.

– Я?

– Да, сэр. Видите ли, мистер Тейлор, все здесь были осуждены, как и вы. – Заключенные заулыбались, глядя на него. – И у всех были плохие адвокаты. – Некоторые злобно кивнули. – Всем нужно писать апелляции.

– Что?

– Да, сэр, вы правильно поняли. Удивительно, но у нас здесь имеется одна из лучших в мире юридических библиотек, но у нас нет ни знаний, ни опыта... И тут, – чернокожий

откинулся на спинку и положил большие руки на стол, – появляетесь вы. Вы поможете нам... Поможете каждому из нас. И все будут называть вас мистером Тейлором и относиться к вам с уважением. Верно, ребята?

Заключенные дружно кивнули.

– Когда закончите с обедом, то почему бы вам не прогуляться в библиотеку и не познакомиться с Меченым? Он у нас работает библиотекарем и с нетерпением ждет, когда вам понадобится его помощь. Вы и Меченый... Вы станете у нас настоящими сиамскими близнецами.

Раздался смех.

– Отправляйтесь в библиотеку, и Меченый расскажет вам, с чего начать, кому помочь в первую очередь. Понятно, мистер Тейлор?

Все пристально смотрели на него.

– Да, – кивнул он. – Я все понял. Наконец-то понял.

– Прекрасно, мистер Тейлор. Просто замечательно. – Чернокожий поднялся. – Передайте Меченому привет от меня.

Он сделал знак, и заключенные разошлись. Кто-то последовал за ним, другие отправились по своим делам. Кевин снова остался один.

«Эта роль предназначалась Ричарду Джеффи», – подумал он. Вот что задумал Пол Сколфилд, когда обратился к нему и сообщил, что в фирме «Джон Милтон и партнеры» открылась вакансия. Хелен Сколфилд была права: у Ричарда Джеффи была совесть, и он предпочел смерть всему этому.

И отец Винсент не лгал ему. Дьявол помогает своим последователям и заступается за них. Он поднялся. Ему показалось, что все вокруг замерли, глядя, как он выходит из столовой, даже охранники. Он шел словно на гильотину. И как скоро упадет лезвие, зависело теперь только от его смелости и его совести. Но сейчас ему не хватит духа привести смертельный механизм в действие.

И это было самым печальным. Кевин превратился в мифологического Сизифа, обреченного вечно катить в гору камень только для того, чтобы тот снова срывался с вершины и летел вниз. И все же ему казалось, что любое существование лучше, чем никакого.

Но так ли это?

Он понял, что ждет его, когда шел по длинному коридору к библиотеке. Наверное, он всегда это знал. Зло, проникшее в его сердце, сумело замаскировать это знание, но он знал всегда. Настало время сорвать покровы и признать истину, подумал он.

Он открыл двери. Тюремная библиотека производила потрясающее впечатление. В зале было тихо и светло, как и должно быть в библиотеке. Неожиданно боковая дверь открылась, и к нему медленно направился библиотекарь.

Меченый.

Он улыбался. Он знал, что Кевин придет. Конечно же, он знал.

Он подходил все ближе и ближе, и Кевин понимал, что ему знакомо это лицо. Наконец Меченый оказался прямо перед ним.

И на Кевина снова посмотрели теплые, отеческие глаза Джона Милтона.